

Отдел 3.

Крестьянская кооперация

- Глава I. Райффайзен и его общественное мировоззрение
- Глава II. Райффайзенское кредитное товарищество
- Глава III. Развитие райффайзеновской кредитной кооперации
- Глава IV. Крестьянская кооперация вне области кредита
- Глава V. Социальная среда крестьянской кооперации
- Глава VI. Социальное значение крестьянской кооперации
- Глава VII. Крестьянская кооперация в России
- Глава VIII. Русская земельная реформа и кооперация

Глава I. Райффайзен и его общественное мировоззрение

Как Оуэн является отцом пролетарской кооперации, так крестьянская кооперация ведет свое начало от Райффайзена. Крестьянская кооперация возникает в шестидесятых годах прошлого века в при- рейнских провинциях Пруссии под непосредственным влиянием агитации Райффайзена⁶². Райффайзен был очень сильной и своеобразной фигурой, но весь его душевный облик представляет собой яркий контраст с обликом Оуэна. Он тоже был идеалистом, но идеалистом совершенно иного рода, чем Оуэн. Последний по своему душевному складу был прямолинейным радикалом, человеком, не боящимся идти своим путем до конца, совершенно не считаясь с общественным мнением. Этот радикализм соединялся у Оуэна с крайней уверенностью в правоте собственного мнения. Отсюда его доктринерство, нетерпимость к чужим взглядам.

Райффайзен был другим человеком. Успех его деятельности основывался на том, что он был менее всего доктринером и самым тесным образом сросся с теми верованиями и убеждениями, которые господствовали в его общественной среде. Это был тип разумного филантропа, способного с величайшим воодушевлением бороться с замечаемым им общественным злом, но исходящего в своей деятельности, в своих представлениях о хорошем и дурном из тех представлений, которые преобладают в окружающем его обществе.

В то время как Оуэн начал свою широкую общественную деятельность с пропаганды коммунистических общин, Райффайзен начал ее с устройства благотворительных обществ. Желание поставить благотворительность на более прочную основу привело его к тому, что он создал в прирейнском городке Фламмерсфельде свою первую наполовину кооперативную, наполовину благотворительную организацию Фламмерсфельдское общество помощи нуждающимся сельским хозяевам. Вторая организация в том же роде, основанная Райффайзеном, — Геддерсдорфское благотворительное общество — также имеет не столько кооперативный, сколько благотворительный характер. Это общество ставило себе задачей наряду с кредитованием своих нуждающихся членов также и помощь беспризорным детям, воспитание их, доставление работы выпущенным из тюрьмы и многое другое в том же роде.

Превращение этого общества в действительный кредитный кооператив произошло, так сказать, само собой, помимо желания его учредителя. Оказалось, что благотворительные функции общества не получили развития, а кредитная функция разрослась и вытеснила

остальные. Таким образом, крестьянская кооперация, подобно пролетарской, возникла в результате переработки самой жизнью организаций, созданных с иными, идеальными и отнюдь не своекорыстными хозяйственными целями. Однако цели, которые ставились в первом и другом случае, были совершенно иные: пролетарские потребительские общества возникли из организаций, которые стремились к величайшей общественной реформе — созданию коммунистического общественного строя, а сельскохозяйственные кооперативы возникли из благотворительных обществ, никакими радикальными целями не задававшихся, пытавшихся ослабить нужду теми средствами, которая указывала господствующая мораль, — помощью ближнему.

Мировоззрение Райффайзена очень отчетливо выражено им во введении к его главному литературному труду «Die Darlehnskassen-Vereine»⁶³ (1-е изд. в 1866 г.). Указывая, что наше время гордится своими хозяйственными успехами, автор скорбит, что эти успехи покупаются в ущерб нравственности:

“ «Среди предпринимательного класса царит дикая погоня за наживой... а в низших классах также распространяется все большая и большая жажда чувственных удовольствий: ненависть и зависть к имущим получают среди них все большее распространение; партия социальной революции находит себе среди них, несмотря на все препятствия, которые закон ставит ее планам, направленным на ниспровержение всего существующего государственного и общественного порядка, все более и более сторонников... Наступило время дать другое направление духу нашего времени, пошедшего по ложному пути. Каково должно быть это новое направление, для истинного христианина не может быть сомнения. Оно указано нашим Господом... Нужно стремиться не к преходящим земным, а к вечным небесным благам, к чему сам Христос указал нам путь учением и примером».

В то время как конечная цель Оуэна заключалась в радикальнейшей общественной реформе, Райффайзен не обнаруживал никакого интереса к политическим и социальным реформам и признавал единственно важным делом нравственное поднятие человека, что ему казалось вполне возможным и в условиях современного общества. Он ожидал нравственного подъема человеческой личности от основанных им хозяйственных организаций, в свою очередь предполагающих действие нравственных сил. «Без нравственных сил, т.е. без познания наших обязанностей по отношению к Богу и по отношению к нашим ближним, как это учит христианство, и без искреннего стремления исполнять эти обязанности совершенно невозможно развитие кредитных товариществ», — писал он с глубоким убеждением.

Хотя основанные им кредитные товарищества в том виде, который они окончательно приняли, отнюдь не были благотворительными учреждениями, но все так называемые райффайзеновские принципы исходят из убеждения, что высокий нравственный уровень членов должен быть основой кредитных товариществ. В этом требовании нравственного

обновления человека заключался утопический элемент райффайзеновской организации, бывший вместе с тем источником ее силы, подобно тому как социальная утопия Оуэна явилась источником силы кооперативного движения Англии. Ибо из утопического элемента вытекало воодушевление деятелей райффайзеновского движения, а без воодушевления невозможно никакое широкое социальное творчество.

Социальное мировоззрение Райффайзена может быть охарактеризовано как христианский социализм очень умеренного оттенка — мировоззрение, к которому естественно и неизбежно приходит всякий верующий христианин, не склонный к политической борьбе. Во главе кредитных товариществ Райффайзен охотнее всего видел местного священника. К политической борьбе Райффайзен был не только равнодушен, но даже совершенно чуждался политической жизни: по словам его близкого товарища Фасбендера, он совсем не принимал участия в выборах в законодательные палаты по соображениям принципиального характера.

Евангельские заповеди Райффайзен рассматривает как единственно возможную основу деятельности кредитных товариществ. Защищая требование бесплатности обязанностей членов правлений, Райффайзен ссылается на слова Христа «возлюби ближнего своего, как самого себя»:

“ «С христианской точки зрения, — говорит он, — мы все дети Небесного Отца и как братья Того, Кто ради нас стал человеком, будучи Сыном Божиим, образуем одну большую семью. Отсюда следует, что мы должны так же заботиться о своих ближних, как о самих себе. И если от руководителей сельских кредитных товариществ требуется, чтобы они без вреда для своих личных дел часть своего свободного времени уделяли руководству товариществом (денежные жертвы от них не требуются), то это поистине далеко не чрезмерное требование. У кого так мало готовности к самопожертвованию и так мало чувства общественности, тот не должен считать себя христианином».

Задачи райффайзеновского кредитного товарищества далеко не ограничиваются, по мысли самого Райффайзена, кредитными операциями. Товарищество должно стать универсальным кооперативом, охватывающим со всех сторон хозяйственную жизнь своих сочленов.

Так, товарищество должно прежде всего исполнять операции по закупке предметов, нужных для сельского хозяйства. К обычным потребительским обществам Райффайзен относился очень несочувственно:

“ «Сомнительно, — говорит он, — имеют ли благотворительное действие потребительские общества, устраиваемые в городах. Это зависит от местных условий и от руководителей общества. При огромной конкуренции

торгующих предметами потребления каждый из них должен стараться превзойти других качеством своего товара и дешевизной своих цен. Это делает, как можно думать, излишним устройство потребительских обществ. Но если такие общества, тем не менее, возникают, как это часто случается, то управление ими остается очень трудным делом».

Еще труднее, по мнению Райффайзена, устраивать потребительские общества в деревне. В последних нет и действительной потребности, так как желательно, чтобы крестьянин не покупал предметов своего потребления со стороны, а довольствовался произведениями собственного хозяйства. Следует покупать только то, что не производится в деревне и необходимо для хозяйства, как удобрительные туки, семена, каменный уголь и т. д. Все это может быть приобретаемо кредитным товариществом.

Оно же может заниматься и совместной продажей продуктов хозяйства его членов. Вместе с тем оно может перерабатывать эти продукты за общий счет и исполнять разнообразные производительные функции.

Капитал кредитного товарищества должен оставаться неделимой собственностью товарищества. Капитал этот должен возрастать до значительной величины, так как райффайзеновское товарищество не знает паев и дивидендов, и весь доход товарищества за вычетом его благотворительных расходов должен идти на увеличение его капитала. Товарищество образует собой, таким образом, прочную хозяйственную организацию, которая с течением времени должна стать еще сильнее. Но так как высшая цель райффайзеновских товариществ, по мысли их творца, заключается не в улучшении хозяйственного положения их членов, но в их нравственно-религиозном подъеме, то капитал товарищества не должен возрастать далее известного предела, излишек должен употребляться на цели благотворительности.

“ «Истинный райффайзеновский союз, — читаем в «Райффайзеновском календаре» за 1898 г., — есть не что иное, как благотворительное учреждение, которое учреждается при помощи состоятельных членов общины в интересах менее обеспеченных его членов и бедных».

Все это необходимо иметь в виду, чтобы понимать ту социальную почву, на которой возникло райффайзеновское движение. Движение это было столько же хозяйственным, сколько и нравственнорелигиозным. Долгое время оно сохраняло этот характер; до известной степени сохраняет и теперь, хотя, конечно, в гораздо меньшей степени. Выражается это очень наглядно в том, что и теперь во главе большинства райффайзеновских союзов стоят люди, которые непосредственных выгод от этих союзов не получают, — духовенство, богатые землевладельцы, учителя и т. д. Капитал этих союзов первоначально также получался преимущественно на благотворительной основе: путем ссуды его богатыми членами общины.

У Райффайзена также была своя утопия, как и у Оуэна, но утопия совершенно иного рода. А именно, по словам его близкого друга Нагеля, Райффайзен «рассматривал свои товарищества только как средство к достижению гораздо более высокой цели. Ему рисовалась впереди реформа современного общественного строя на основе деятельного христианства. Товарищества же казались ему этапом на пути к этой цели, к организации братского, христианского общежития».

Глава II.

Райффайзеновское кредитное товарищество

1. Возникновение райффайзеновского кредитного товарищества

Возникновение первого райффайзеновского кредитного кооператива В. А. Косинский рисует в своей работе, основанной на тщательном изучении первоисточников⁶⁴, следующим образом. Основанное Райффайзеном в 1854 г. Геддерсдорфское благотворительное общество исполняло функции как благотворительного, так и кредитного учреждения. Как благотворительное общество оно большого успеха не имело, но кредитные операции его получили быстрое развитие. Рост этих операций имел своим последствием значительное увеличение задолженности самого общества. Когда на общем собрании общества в 1863 г. обнаружилось, что долг общества дошел почти до 25 тыс. талеров, то собрание постановило ликвидировать общество, если его задолженность превысит эту сумму. Рост задолженности, однако, не прекратился, и общее собрание постановило ликвидировать общество 1 ноября 1864 г.

Эта неудача привела Райффайзена к признанию необходимости поставить кредитные операции на прочную основу, отделив их от благотворительной деятельности. Знакомство с организацией шульцеских ссудо-сберегательных товариществ помогло ему выработать тип кредитного учреждения, приспособленного для целей кредита в крестьянской среде.

В первоначальном уставе геддерсдорфского кредитного товарищества явно сказывается влияние уставов народных банков, устроенных несколько ранее Шульце-Деличем. И это несколько не удивительно, так как не подлежит сомнению, что именно Шульце явился учителем Райффайзена в области кооперации. Ввиду последующих враждебных отношений обоих крупнейших кооперативных деятелей Германии факт этот должен быть особенно подчеркнут, тем более что в своих печатных сочинениях Райффайзен отрицает влияние на него Шульце. Однако В. А. Косинский вполне установил, что именно от Шульце Райффайзен заимствовал идею своего кредитного товарищества, как показывает очень интересная рукопись самого Райффайзена, относящаяся к 1864 г. В этой рукописи отец крестьянской кооперации говорит, что он долго вел переписку с Шульце, отстаивая мысль, что общества, подобные геддерсдорфскому, должны основываться всецело на христианской любви и быть

чуждыми в каком бы то ни было отношении своекорыстных мотивов; однако неуспех фламмерсфельдского общества и недовольство среди членов гедцерсдорфского общества в конце концов убедили его в правоте Шульце. «Чтобы не повторить печального опыта в Фламмерсфельде, — говорит Райффайзен далее, — я решил не противодействовать закрытию общества и с течением времени создать новое на иной основе. Это мне и удалось, и притом в форме, близкой к товариществам Шульце-Делича. Так как эти последние приспособлены к городским условиям, то я, конечно, ввел в устав постановления, приспособленные к здешним условиям».

Таким образом, можно считать бесспорным, что идея райффайзеновского кооператива непосредственно внушена Шульце. А так как не подлежит сомнению, что кооперативные воззрения Шульце возникли на основе знакомства с учениями французских социалистов, то в конце концов крестьянская кооперация оказывается ведущей свое начало от социалистических учений первой половины прошлого века.

Первый крестьянский кредитный кооператив казался его создателю, Райффайзену, лишь слегка измененным ссудо-сберегательным товариществом типа Шульце. И действительно, в первом уставе геддерсдорфского товарищества связь с народными банками Шульце еще очень велика: в этом товариществе имеется, например, паевой капитал, на который начисляется дивиденд, против чего очень решительно протестовал Райффайзен впоследствии. Только постепенно из этого товарищества развился кооператив совершенно нового типа. В своей окончательной форме кооператив, созданный Райффайзенем, оказался организацией, глубоко отличной от шульцевского народного банка. Те нововведения, которые первоначально казались самому Райффайзену незначительными и вызванными необходимостью приспособить ссудо-сберегательное товарищество к нуждам деревни, знаменовали собой в действительности создание кооператива совершенно нового типа.

Действительно, шульцевское ссудо-сберегательное товарищество было приспособлено к нуждам и интересам совершенно иного общественного класса, чем райффайзеновский кооператив: первое обслуживало нужды городской мелкой буржуазии, а второй служил интересам христианства. А так как городская мелкая буржуазия и крестьянство являются совершенно различными общественными классами, с разными интересами и различными условиями жизни и хозяйства, то естественно, что и хозяйственные организации, удовлетворяющие их интересы, должны были оказаться принципиально различными.

Глубоко неправ поэтому В. А. Косинский, рассматривая райффайзеновский кооператив как один из подвидов шульцевских народных банков. Повторяем, что райффайзеновское кредитное товарищество является организацией принципиально совершенно новой, хотя творец ее и был приведен к ней желанием приспособить уже существовавшую организацию к нуждам иной социальной среды.

2. Райффайзеновские принципы

Новое райффайзеновское кооператива заключается в так называемых «райффайзеновских принципах», которые имели для крестьянской кредитной кооперации такое же значение,

как рочдельские принципы для пролетарской кооперации. Наиболее характерные из этих принципов заключаются в следующем.

Райффайзеновское товарищество принципиально отрицает паевой капитал. Правда, в настоящее время все райффайзеновские кредитные кооперативы в Германии имеют паевой капитал, но это только уступка требованию германского закона, не допускающему существования кооперативов без паевого капитала. Однако паи в райффайзеновских товариществах обычно незначительны, иногда они имеют даже номинальный характер.

Затем райффайзеновское товарищество строго придерживается принципа «локализации» — район действий товарищества должен быть строго ограничен и по возможности не превышать района церковного прихода. Максимальным районом для кредитного товарищества Райффайзен признал территорию с 1500 душ населения. Товарищества с большим районом уже нежелательны.

Третьим райффайзеновским принципом является требование безвозмездного труда со стороны всех выборных должностных лиц товарищества. Оплачиваться должен лишь труд наемного счетовода. Правление же и совет должны работать для товарищества даром.

Четвертым райффайзеновским принципом является запрещение одному члену товарищества участвовать одновременно в нескольких товариществах.

Наконец, характерной особенностью райффайзеновского товарищества является отсутствие согласованности между активными и пассивными операциями товарищества: райффайзеновское товарищество признает себя совершенно свободным в помещении поступающих в него вкладов и, как общее правило, дает долгосрочное помещение вкладам, поступившим в него на короткие сроки.

Все названные принципы звучат очень парадоксально, и неудивительно, что они встретили самое решительное порицание со стороны того, от кого Райффайзен получил первый толчок в своей кооперативной деятельности, — Шульце. Шульце был типичнейшим представителем мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми сторонами этого общественного класса. Сильной стороной мелкобуржуазного духа является практичность, слабой — духовная ограниченность, связанная с этой практичностью. Мещанство духа вполне соединимо с большой дозой здравого смысла, но трудно соединимо со значительным полетом воображения.

Народные банки Шульце отразили все типичные стороны особенности их духовного отца. Райффайзен был иной натурой — в нем была творческая мечта, и потому ему удалось создать нечто гораздо более грандиозное, чем шульцевские народные банки (о которых речь будет идти ниже, в разделе о мелкобуржуазной кооперации). Райффайзеновские принципы показались Шульце чем-то до последней степени противоречащим здравому смыслу и рациональным основам кредитного дела. Между обоими вождями германской кооперации возникла ожесточенная полемика, в которой Шульце был нападающей стороной и притом не только в печати; как влиятельный депутат Шульце боролся с райффайзеновскими принципами и на законодательной почве; ему удалось добиться того,

что германское законодательство сделало невозможным осуществление одного из райффайзеновских принципов, запретив товарищества без паевого капитала.

Какой же смысл имеют эти столь странные принципы? Разберем их один за другим.

Отказ от паевого капитала казался Шульце чистой нелепостью. Никакое предприятие не может работать без капитала, это совершенно очевидно. Не может обходиться без капитала и кредитное товарищество; откуда же оно может получить этот капитал? Первоначальные райффайзеновские товарищества получали капитал на благотворительной основе: более достаточные жители деревни — помещики, духовенство и др. — ссужали кредитные товарищества необходимым им капиталом с тем, чтобы этот капитал был возвращен им впоследствии, когда товарищество окрепнет. Но на основе благотворительности не может создаться прочная хозяйственная организация. Поэтому Шульце считал себя вправе не только самым резким образом возражать против этого основного райффайзеновского принципа, но и добиваться законодательного запрещения товариществ без паевого капитала, чего ему, как сказано, и удалось достигнуть.

Однако этот райффайзеновский принцип отнюдь не был произвольным измышлением Райффайзена. Мало того, только на основе этого принципа возможен кредит для массы менее обеспеченного деревенского населения по той простой причине, что нуждающийся крестьянин отнюдь не располагает капиталом, необходимым для внесения сколько-нибудь значительного пая. Кредит, основанный на предварительном внесении пая в несколько сотен марок (как это практикуется в шульцевских народных банках), естественно, предназначается не для нуждающегося крестьянина, а для более достаточных классов населения. Небольшой же пай делает невозможным самостоятельное возникновение кредитного кооператива и вызывает необходимость посторонней помощи, совершенно так же, как и при отсутствии паевого капитала.

Таким образом, крестьянская кредитная кооперация стоит, по-видимому, перед дилеммой — или крупный пай и, следовательно, недоступность кредита для более бедной части крестьянства, или же небольшой пай (полное отсутствие паевого капитала) и в таком случае необходимость помощи кооперативу со стороны. Райффайзен, естественно, выбрал второе решение, которое ему диктовалось уже тем, что он отправлялся в своем построении от идеи благотворительного общества и против помощи кооперативу со стороны он принципиально ничего не имел.

Но, конечно, если бы кооперация опиралась на благотворительность, как этого хотел Райффайзен, то она не могла бы получить большого развития. В действительной жизни названная дилемма получила с течением времени разрешение совершенно иное, не предвиденное творцом крестьянской кооперации. А именно: кооперация постепенно настолько окрепла, создавши свои центральные организации, что эти центральные организации получили возможность открывать кредит вновь возникающим кооперативам и, таким образом, ссужать им необходимый основной капитал. Кооперативы получили прочную основу для начала своей деятельности, не прибегая к помощи богатых благотворителей (как это было вначале), и в то же время избегли необходимости требовать внесения крупного пая от лиц, нуждающихся в кредите.

Своеобразный, нехозяйственный подход Райффайзена к разрешению данной задачи — подход из области благотворительности — оказался чрезвычайно плодотворным. Если бы Райффайзен стоял только на почве хозяйственного рационализма, как Шульце, то, конечно, он не мог бы совершить своего исторического дела — создать крестьянскую кооперацию. Нужно было преодолеть систему капитализма, а для этого нужно было внести в эту систему некоторые принципиально новые начала, что и сделал Райффайзен, подойдя к кооперации как к наилучшей форме благотворительности.

Итак, отрицание паевого капитала как нельзя более соответствует задачам крестьянской кредитной кооперации, имеющей своей целью организовать кредит для лиц, не обладающих денежным капиталом. Капитал, необходимый для начала дела, получается в этом случае со стороны, из средств, которыми располагают центральные кооперативные организации. Источником же для открытия кредита являются, как и в других кредитных учреждениях, вклады.

Для того чтобы вклады притекали в кредитное учреждение, необходимо доверие вкладчиков. Доверие же это достигается правильным и добросовестным ведением дела, а отнюдь не значительностью паевого капитала. Таким образом, кредитное учреждение, даже не имеющее никакого паевого капитала, может пользоваться полным доверием пайщиков.

Второй райффайзеновский принцип — локализация — звучит не менее парадоксально. Всякое предприятие экономически тем сильнее, чем больше его размеры. Поэтому, казалось бы, кредитный кооператив только выигрывает, если он принимает большие размеры и, значит, охватывает более значительную группу лиц. Между тем принцип локализации требует, чтобы кооператив никоим образом не увеличивал своих размеров — товарищество всегда должно оставаться организацией небольших размеров, как бы ни были благоприятны условия для его расширения.

Это кажется такой же экономической несообразностью, как и первый принцип — отрицание паевого капитала. Обрекая свои кооперативы на локализованное, не обрекает ли их Райффайзен вместе и на бессилие?

Однако и в данном случае Райффайзен обнаружил такой же такт и такое же глубокое понимание истинной природы крестьянской кооперации, как и при отрицании паевого капитала. Крестьянское кредитное товарищество должно оказывать помощь лицам, не обладающим сколько-нибудь значительным имуществом. Тем не менее оно должно быть вполне обеспечено в исправном возвращении заемщиками получаемых ими ссуд. Чем же можно заменить имущественное обеспечение ссуды? Очевидно, только личным доверием к должнику. Данное лицо может обладать ничтожным имуществом и все-таки заслуживать полного доверия, если его личные качества таковы, что внушают доверие.

Особенностью крестьянского кредита является, таким образом, необходимость самого близкого знакомства кредитного учреждения с личностью должника. Без этого знакомства кредитное учреждение рискует потерять свои ссуды, если должник не может обеспечить полученной им ссуды своим имуществом.

Но для возможности близкого знакомства с каждым должником требуется, чтобы район действия кредитного учреждения был ограничен. В одной деревне или в одном церковном приходе все прекрасно знают друг друга. В этом случае имеется не только полное знание друг друга, но и полное знакомство с состоянием хозяйства каждого; не представляет никакого труда проверить, насколько правильны заявления того или иного лица, ищущего ссуды. Если, например, данное лицо заявляет, что ссуда ему нужна на покупку лошади, то не трудно убедиться, действительно ли данное лицо нуждается в лошади и выигрывает ли оно от покупки лошади. Столь же легко проверить и назначение, какое ссуда получает в хозяйстве лица, воспользовавшегося ссудой. Для односельчан все жители деревни живут как бы под стеклянной крышей, и все самые интимные подробности жизни каждого всем превосходно известны.

При таком близком знакомстве совсем не трудно размещать ссуды без всякого риска их невозвращения. Но имеется и еще одна очень существенная выгода размещения ссуд среди лиц, близко живущих друг от друга. В этом случае чрезвычайно затрудняется для должника уклонение от выполнения им своих обязательств; неуплата долга одним лицом причиняет ущерб всем членам товарищества, которые имеют возможность тысячами способов дать почувствовать своему односельчанину все недовольство его образом действий. Уклонение от платежа полученной ссуды грозит в этом случае должнику множеством самых серьезных неприятностей.

Итак, принцип локализации имеет то значение, что он дает возможность индивидуализировать кредитные операции и таким путем достигать их наибольшего обеспечения; и в то же время он дает возможность самого строгого контроля за назначением ссуды и гарантирует исправный возврат ее путем нравственного давления со стороны заинтересованных членов товарищества. Всех этих выгод лишается товарищество более крупного района, и вот почему Райффайзен придавал такое важное значение малому району действия своих товариществ.

Однако невыгоды небольших размеров кредитного учреждения все же остаются: мелкое предприятие по необходимости является слабым. Но для кредитного кооператива с очень узким районом возникает, кроме этого, еще особое неудобство, связанное с его операциями как учреждения кредита. А именно: товарищество кредитует теми капиталами, которые оно получает в виде вкладов от лиц, не нуждающихся в данный момент в этом капитале. Но если вкладчики и члены кредитного учреждения принадлежат к очень узкому району и находятся вследствие этого в очень сходных условиях экономической жизни, то усиленный спрос на капитал, равно как и усиленное предложение капитала, приходится для всех приблизительно на одни и те же моменты времени. Так, осенью все сельские хозяева после продажи урожая имеют некоторые избытки денежных средств, а весной при начале полевых работ чувствуют нужду в оборотных средствах. По этой причине товарищество очень узкого района рискует периодически испытывать то избыток предложения капитала, то избыток спроса на капитал; в первом случае будет трудно разместить капитал, во втором будет трудно удовлетворить потребность в кредите.

Таким образом, принцип локализации заключает в себе при своих сильных сторонах и некоторые опасности. Жизнь показала, однако, что имеется полная возможность сохранить

сильные стороны этого принципа, избегнув его опасности: нужно только дополнить этот принцип новым — принципом объединения строго локализованных товариществ в более или менее обширные союзы. Такие союзы, связывая сотни и тысячи отдельных товариществ, нисколько не уменьшают самостоятельности каждого отдельного товарищества и не препятствуют ему так же тонко и точно индивидуализировать свои кредитные операции, но в то же время союзы эти делают отдельное товарищество членом крупного целого, одной ячейкой огромной сети товариществ. Перемещая капитал из одного товарищества в другое, союз дает возможность выравнивать спрос и предложение капиталов в отдельных товариществах, и, что не менее важно, союз связывает товарищество со всем денежным рынком страны; денежный капитал с широкого рынка не может быть помещен в небольшом деревенском товариществе, но союз, объединяющий множество таких товариществ, выступает на денежном рынке как крупное кредитное учреждение, привлекающее денежные вклады с широкого денежного рынка, подобно всякому другому крупному кредитному учреждению.

Таким образом, союз создает для отдельного кредитного товарищества мощную экономическую базу. Товарищества, образующие союз, сплетаются в одну сеть, раскидывающуюся на обширной территории, и в то же время товарищества не утрачивают сами тесной связи с небольшими группами лиц, принадлежащих к одному селу. Выгоды локализации кредитного товарищества целиком сохраняются, но невыгоды небольшого размера кредитного учреждения отпадают благодаря союзному объединению товариществ.

Третий райффайзеновский принцип — бесплатность работы руководителей товарищества — не менее существен для успеха дела. Конечно, в крупном кредитном предприятии нельзя требовать бесплатного труда. Но ведь райффайзеновское товарищество должно оставаться мелким. В мелком кредитном товариществе распределение ссуд между какой-нибудь сотней членов требует самой незначительной затраты труда; заседания товарищества происходят всего раз, много — два раза в неделю, в свободное время, и жертва своим досугом, которая требуется в этом случае от члена правления, настолько незначительна, что для принесения ее не нужно героизма. Во всяком случае, опыт показал, что бесплатная служба членов правления и совета вполне осуществима.

Бесплатность же службы членов правления и совета значительно усиливает товарищество. Во-первых, непосредственная выгода соблюдения этого райффайзеновского принципа заключается в значительном понижении расходов по управлению товариществом. Райффайзеновские товарищества работают с такими небольшими затратами на управление предприятия, как никакие другие. Если бы служба членов правления оплачивалась по обычной капиталистической мерке, то это привело бы к огромному повышению процентов по ссудам, выдаваемым товариществами, ибо при ничтожном количестве этих ссуд благодаря небольшим размерам товарищества прибавка к расходам товарищества, вызываемая оплатой членов правления, выразилась бы крупным увеличением расходов на каждую ссуду. Благодаря же бесплатности труда членов правления и совета товарищества могут работать при самом ничтожном превышении процента по ссудам сравнительно с процентом, платимым по вкладам. Так, за первые годы настоящего столетия германские сельские кредитные товарищества взымали по ссудам от 4,7 до 4,8 %, в то время как по вкладам они платили от 3,6 до 3,7 % — разница немногим более 1%. Конечно, такой

результат был бы невозможным, если бы труд членов правления и совета оплачивался.

Райффайзеновские товарищества давали деревенскому населению кредит из такого процента, который нередко оказывался даже более низким, чем учетный процент Имперского банка. В этих случаях крестьянин получал из своего товарищества ссуды на более выгодных условиях, чем первоклассные фирмы из крупных капиталистических банков.

Однако этим далеко не исчерпываются выгоды, получаемые товариществом от строгого соблюдения принципа бесплатности трудовых услуг. Принцип этот имеет чрезвычайно важные косвенные последствия. Райффайзеновское товарищество целиком основывается на доверии к личности должника. Оно вручает своему правлению очень большую власть — открывать или отказывать в кредите только на основании оценки нравственных качеств человека. Поэтому важно, чтобы эта власть была в достойных руках. Лишь в этом случае весь механизм может работать правильно и товарищество будет заслуживать того доверия, которое оно само требует от своих вкладчиков.

Отсюда следует особая важность для райффайзеновского товарищества — привлекать в свое правление лиц, вполне добросовестных, которым не страшно вручать судьбу других лиц. Как же обеспечить подбор в состав правления лиц именно таких редких качеств? Райффайзеновский принцип бесплатности работы членов правления и совета как нельзя лучше приспособлен к тому, чтобы достигать этой цели. Не рассчитывая ни на какие материальные выгоды, члены правления и совета райффайзеновского товарищества берут на себя свои обязанности только из интереса к делу и желания помочь своим односельчанам. Правда, они получают известное вознаграждение за свои труды, но вознаграждение не денежное, а заключающееся в уважении и благодарности тех, кому они бескорыстно служили. Таким образом, только благодаря следованию этому принципу, заимствованному Райффайзеном из области благотворительности, созданные им учреждения крестьянского кредита могут наиболее удачно осуществлять свои отнюдь не благотворительные функции.

Четвертый райффайзеновский принцип не требует особых пояснений. Участие одного и того же лица в нескольких кредитных товариществах совершенно несовместимо с той тесной личной связью между товариществом и всеми его членами, которая является основой райффайзеновского кооператива. Кредитное товарищество должно иметь возможность осуществлять полный контроль над всей хозяйственной деятельностью своего члена; если же данное лицо участвует одновременно в нескольких товариществах, то, конечно, каждое из них, не будучи осведомлено относительно операции этого лица с другими товариществами, не имеет никакой возможности осуществлять этот контроль.

Одной из характерных особенностей райффайзеновского товарищества, вызвавшей особо горячие нападки на этот тип кредитных учреждений со стороны Шульце и его единомышленников, было несоответствие в этих товариществах между характером пассива и актива. Кредитное учреждение кредитует из тех капиталов, которые притекают к нему со стороны. Поэтому общим правилом деятельности кредитных учреждений признается, что их активные операции должны определяться характером их пассивных операций: для того чтобы кредитное учреждение могло практиковать долгосрочный кредит, оно должно

получать и капитал в свое распоряжение на долгие сроки.

Поэтому ипотечные банки, кредитующие своих клиентов на продолжительные сроки, получают капиталы для своих операций не путем привлечения краткосрочных вкладов, а выпуском особых кредитных документов, закладных листов, которые погашаются в течение того же срока, на который выдается ссуда. Банки же, не выпускающие подобных документов, а получающие свои средства для кредитования из краткосрочных вкладов, могут оказывать лишь краткосрочный кредит. Это признается элементарным и основным правилом банковского дела, нарушение которого должно приводить к невозможности для банка выполнять свои обязательства по отношению к своим кредиторам и, значит, к крушению банка.

Между тем райффайзеновское товарищество силой вещей приводится к долгосрочному кредиту. Оно имеет в виду оказывать помощь сельскому хозяину в его хозяйственной деятельности. Но в сельском хозяйстве капитал оборачивается медленно, это не торговля, в которой капитал легко может обернуться несколько раз в течение года. Нормальный сельскохозяйственный оборот охватывает при озимом посеве почти год, в скотоводстве три-четыре года. Основной же капитал (постройки, машины и пр.) оборачивается в сельском хозяйстве многие годы.

Между тем источником средств для кредитования являются для райффайзеновского товарищества краткосрочные вклады. Отсюда возникает для крестьянского кредита серьезное затруднение, которое должно быть тем или иным способом преодолено.

Райффайзеновские товарищества практикуют кредит двоякого рода: во-первых, краткосрочный кредит и, во-вторых, долгосрочный, причем последний охватывает продолжительные сроки, даже свыше 10 лет.

При этом нужно иметь в виду, что фактически краткосрочные ссуды, сроком до одного года, играют в райффайзеновских кооперативах сравнительно незначительную роль. Значительно преобладают ссуды сроком от 1 до 10 лет (на эти ссуды приходится около 2/3 всех ссуд), ссуды же на сроки свыше 10 лет составляют около 1/5 всех ссуд.

Каким же образом райффайзеновское товарищество открывает долгосрочный кредит, получая краткосрочные вклады?

Чтобы обеспечить товарищества на случай истребования вкладов, Райффайзен ввел в уставы своих товариществ два постановления: во-первых, товарищества могут в случае надобности прибегнуть к выпуску долгосрочных облигаций; во-вторых, товарищества имеют право во всякое время потребовать от своих членов возвращения полученных последними ссуд, на какие бы сроки ни были выданы последние, при условии предупреждения должника за четыре недели.

Это последнее правило формально превращает все ссуды товарищества в краткосрочные, возвращаемые через четыре недели. Первое же правило дает товариществу превратить свои обязательства в долгосрочные.

Однако и то и другое правило имеют чисто формальный характер и на практике почти никогда не применяются. Что касается выпуска долгосрочных обязательств, то за все время существования райффайзеновских товариществ к этому не приходилось прибегать ни разу. А право требовать возвращения ссуды с предупреждением за четыре недели также остается на бумаге, так как фактически товарищества пользуются им крайне редко, в совершенно исключительных случаях.

Таким образом, фактически товарищества открывают долгосрочный кредит при помощи вкладов, помещаемых в товарищества на короткие сроки. Это возможно только потому, что фактически вклады остаются в товариществе продолжительные сроки.

Указанное затруднение разрешается, следовательно, следующим образом: товарищества фактически получают капитал на долгие сроки и потому могут выдавать его в ссуду на долгие сроки. Формально же товарищества кредитуют на короткий срок (ибо каждая ссуда может быть истребована обратно в течение месяца), получая вклады также на короткий срок. Требование банковской политики о соответствии банковского актива и пассива фактически совершенно не нарушается, да и формального нарушения нет вследствие указанной статьи устава товарищества, разрешающей досрочное истребование ссуды.

Возможность кредитования на долгий срок обуславливается, таким образом, особым характером вкладов в райффайзеновских товариществах. В данном случае еще раз обнаруживается основная черта всей этой организации, ее тесная связь с жизнью деревни и начало доверия, которое составляет основы всех ее операций. К райффайзеновскому товариществу совершенно неприменимы те требования, которые следует предъявлять ко всякой хозяйственной организации, стоящей на почве только хозяйственного эгоизма и строгого хозяйственного расчета. Дух райффайзеновского товарищества совершенно иной, в этом сила товарищества. Неудивительно, что Шульце, стоявший на почве совершенно иного мирозерцания, оказался не в силах уразуметь эту специфическую силу райффайзеновской кооперации и, предъявляя к ней те же требования, как и к всякой другой хозяйственной организации, упорно отказывался признать рациональность и остроумие той организации, при помощи которой Райффайзен решил казавшуюся неразрешимой задачу — обеспечить кредит лицам, с точки зрения обычного банка совершенно некредитоспособным.

Но указанными чертами не исчерпываются особенности райффайзеновского товарищества. Оно включает в себе еще одно учреждение, для него весьма характерное.

Кредитный кооператив был для Райффайзена не целью, а только средством для более высокой цели. Кредитные товарищества были задуманы их творцом как орудия преобразования всего современного общественного строя на началах братской любви и христианской морали. Они отнюдь не должны были служить интересам только своих членов.

Соответственно этому Райффайзен придавал особое значение тому, чтобы созданные им товарищества могли исполнять свою общественную функцию помимо своих ближайших задач — улучшения условий кредита небольшой группы своих членов.

С этой целью Райффайзен сделал обязательным для своих товариществ образование особого неделимого и постоянного фонда, который в случае прекращения товарищества должен идти на устройство нового кредитного товарищества. Фонд этот образуется из отчислений товарищества и имеет следующее назначение: во-первых, он должен дать возможность товариществу с течением времени избавиться от чужого капитала — товарищество, пользуясь этим фондом, получает возможность кредитовать из него своих членов; во-вторых, при прекращении товарищества фонд этот должен быть передан центральной организации райффайзеновских товариществ для устройства нового товарищества такого же типа.

Образованию такого неделимого фонда Райффайзен придавал особое значение. Идея этого фонда была внушена Райффайзену, очевидно, неделимым фондом для производственных ассоциаций Бюше, хотя, по-видимому, сам Райффайзен и не был знаком со взглядами Бюше, — они дошли до него из вторых рук. Фасбендер в своей книге «F. W. Raiffeisen, in seinem Leben, Denken und Wirken»⁶⁵ (1902 г.) отмечает, что идея неделимого фонда была высказана одновременно с Райффайзеном известным швейцарским социалистом и кооператором Беккером, но что и тот и другой пришли к своим взглядам независимо друг от друга. Это вполне возможно, так как и тот и другой воспользовались в данном случае идеей Бюше, которая была хорошо известна в шестидесятые годы прошлого века в кругах лиц, интересовавшихся кооперацией.

Идея неделимого фонда как хозяйственного базиса кредитного кооператива при устранении чужого капитала является самым слабым из райффайзеновских принципов и до настоящего времени не получила практического осуществления; фактически райффайзеновские товарищества в гораздо большей степени, чем кредитные кооперативы шульцевского типа, кредитуют чужим капиталом, и это нисколько не удивительно ввиду того, что образование значительного собственного капитала возможно лишь путем повышения процента по ссудам, на что члены товарищества идут очень неохотно.

Чтобы понять сущность райффайзеновского товарищества, нужно иметь в виду, что кредитные операции отнюдь не должны были, по мысли Райффайзена, быть единственным делом товарищества. Кредитное товарищество должно стать деревенским кооперативом самого универсального рода: кроме ссуд, оно должно также закупать для своих членов нужные им средства производства, продавать продукты их труда, организовывать для своих членов сельскохозяйственные курсы и лекции, вообще всесторонне руководить жизнью и деятельностью своих членов и подымать их хозяйственный, моральный и интеллектуальный уровень.

“ «Доставлением денежных средств, — говорит Райффайзен в своем основном сочинении «Die Darlehnskassen Vereine», — не ограничиваются задачи товарищества. Дальнейшая задача товарищества заключается в том, чтобы достигнуть наилучшего использования этих средств в видах поднятия хозяйства и производства, а не увеличения бесполезных расходов. Указание способов к этому столь же важно или даже важнее, чем получение денег.

Сельскохозяйственные общества, так же как и крестьянские общества, ставят себе задачей содействовать этому. Они, без сомнения, сделали в этом отношении многое. Однако редко собрания таких обществ и доклады странствующих лекторов при относительно очень скудном специальном образовании в сельскохозяйственных школах еще далеко не оказывают на отдельные лица такого влияния, чтобы произошел общий подъем. Очень часто подобные собрания посещаются многим лицами, ищущими образования и помощи в своей нужде. Но после докладов нередко слышишь: все это прекрасно и мы охотно бы сделали все это, но у нас нет денег. Землевладельцы могут предлагать, что им угодно, но мы ничем из этого воспользоваться не можем. Иначе обстоит дело с кредитными товариществами. Без всяких особых мер собрания товарищества являются вместе с тем и собраниями сельскохозяйственного общества. Но в отличие от сельскохозяйственных обществ товарищества располагают средствами для проведения и исполнения предлагаемых улучшений. Таким образом могут осуществляться всевозможные мелиорации, дренажирования почвы, улучшения лугов, устройство виноградников, плодовых садов и т. д., и т. д., могут быть поощряемы разные вспомогательные отрасли хозяйства, как пчеловодство, рыбоводство, кустарные промыслы и т. д. Собрания товарищества могут происходить каждое воскресенье. Все, что касается улучшения хозяйственного положения членов товарищества, может быть обсуждаемо на этих собраниях и осуществляется при помощи имеющихся денежных средств».

Глава III. Развитие райффайзеновской кредитной кооперации

I. Райффайзеновское движение в строгом смысле

Первое райффайзеновское товарищество возникло, как сказано, в 1864 г. Оно нашло для себя благодатную почву, так как во второй половине XIX в. в Германии, как и в других государствах Западной Европы, крестьянское хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный быстрым проникновением в деревню денежного хозяйства и сопровождавшийся чрезвычайным обострением нужды крестьянина в денежных средствах.

Эта потребность в денежном капитале еще усиливалась обнаружившейся необходимостью перехода к более интенсивным системам хозяйства: от прежнего, преимущественно зернового хозяйства к различным отраслям животноводства и птицеводства. Как показало обследование германским «Союзом социальной политики» вопроса о ростовщичестве, германская деревня даже в восьмидесятых годах прошлого века сильно страдала от ростовщичества, и это было несколько не удивительно, так как в деревне почти не существовало особых учреждений для удовлетворения крестьянской потребности в кредите.

Положение еще более осложнилось возникновением в половине семидесятых годов прошлого века тяжелого аграрного кризиса, охватившего свыше двух десятилетий. Кризис этот был вызван сложными причинами, в основе которых лежало удешевление сухопутного и морского транспорта, благодаря чему зерновые продукты заокеанских стран и России появились в огромном количестве на рынках Западной Европы, что естественно привело к падению цен этих продуктов, продолжавшемуся вплоть до половины девяностых годов прошлого века.

Все это вместе привело к тому, что в германской деревне обнаружилась очень острая потребность в кредитных учреждениях, которые могли бы кредитовать крестьянскую массу. Обычные учреждения кредита были недоступны для крестьянина, вполне понятно, что райффайзеновские кооперативы пришлось как нельзя более кстати и начали быстро распространяться.

Вот данные о росте в Германии кредитных товариществ (всех типов):

Год	Число кредитных товариществ в Германии
1890	3 467
1895	6 417
1900	11 477
1905	15 011
1910	17 493
1912	18 830
1913	19 300
1914	19 700

Правда, в этот итог входят и городские товарищества Шульце. Но так как число последних очень невелико и колеблется около тысячи, то приведенные цифры характеризуют собой рост именно сельских кредитных товариществ, огромное большинство которых является товариществами более или менее чистого райффайзенов- ского типа.

Этот поразительный рост крестьянской кредитной кооперации стал возможен лишь благодаря тому, что райффайзеновские товарищества действовали не изолированно друг от друга, но очень скоро создали объединяющие их союзы.

Союзы эти носят в Германии названия центральных касс и служат, как было указано выше, главным образом двум целям: во-первых, выравниванию спроса и предложения денежного капитала в отдельных товариществах и, во-вторых, установлению связи между отдельными товариществами и широким денежным рынком. Только опираясь на центральные кассы, райффайзеновские товарищества могли достигнуть таких выдающихся успехов.

Райффайзен прекрасно понимал необходимость объединяющих товарищества союзов и с самого начала своей кооперативной деятельности стал стремиться к созданию центральной кассы своих товариществ, равно как и к более широкой организации небанковского типа для объединения деятельности товариществ в других отношениях. Чтобы достигнуть этой цели, ему пришлось преодолеть значительные затруднения, так как германский кооперативный закон 1868 г. запрещал образование союзов кооперативов. Препятствие это было обойдено Райффайзеном путем образования центральной кассы своих товариществ на основах акционерной компании. Таким образом, уже в семидесятых годах прошлого века в Нейвиде — в небольшом прирейнском городе, в районе которого развивалась деятельность Райффайзена, — возникли две центральные организации для крестьянской кооперации: Сельскохозяйственная центральная кредитная касса Германии и Общий союз сельских товариществ Германии.

Центральная касса возникла, как сказано, в форме акционерной компании с капиталом в 10 млн. марок, разделенным на 10000 акций по 1000 марок. Задача центральной кассы заключалась в производстве банковских операций для доставления членам кассы

необходимых денежных средств. Членами же кассы являлись лишь райффайзеновские товарищества. Кроме банковских операций, касса содействовала также и другим операциям товариществ — закупке ими сельскохозяйственных средств производства и продаже сельскохозяйственных продуктов.

Касса эта с течением времени открыла 12 отделений в различных районах Германии, являющихся центрами, объединяющими деятельность товариществ данного района. Главная задача отделений кассы заключалась в регулировании распределения денежных капиталов между отдельными товариществами данного района. Директора отделений составляли вместе с главным директором правление центральной кассы. Отделения возникли сравнительно недавно: первые три отделения были учреждены в 1895 г., до этого же времени все денежные операции объединенных товариществ были сосредоточены непосредственно в Нейвидской кассе.

Другим объединяющим центром райффайзеновских товариществ явился Общий союз сельских товариществ Германии. Эта организация не преследовала непосредственных хозяйственных целей и должна была стать духовным центром всей сети райффайзеновских товариществ, играя по отношению к райффайзеновской кооперации такую же роль, какую играет по отношению к британской потребительской кооперации Кооперативный союз. Но, кроме этого, Общий союз выполнял и некоторые иные функции: так, при нем было ревизионное отделение, заведующее ревизией товариществ, и страховое отделение, исполняющее роль посредника между товариществами и частными страховыми обществами. Союз представляет райффайзеновскую кооперацию в сношениях с правительственными и законодательными учреждениями.

Все эти кооперативные учреждения — отдельные товарищества и обе центральные организации — образовали собой тесно сплоченное целое, стоящее на страже райффайзеновских принципов. Принципы эти являются для всей данной кооперативной организации чем-то священным, не подлежащим никаким изменениям. Райффайзеновские принципы признаются обязательными для всех товариществ, принадлежащих к центральной кассе. Согласно уставу каждого товарищества какое-либо изменение статей устава, касающихся основных райффайзеновских принципов, могут быть вытеснены общим собранием только по единогласному решению всех членов товарищества. В уставе Общего союза содержится в этом отношении еще более суровая статья, заявляющая, что вопрос об изменении основных райффайзеновских принципов совсем не может быть предметом обсуждения собрания. Изменение этой статьи возможно лишь на основании единогласного постановления всех товариществ, принадлежащих к союзу.

Нельзя не согласиться с А. Н. Анцыферовым⁶⁶, что в организации, созданной Райффайзеном, его принципы окружены тройной непроницаемой броней. Создана целая хитросплетенная система, имеющая целью обеспечить этим принципам вечное существование. Раз только товарищество организовано по нейвидскому образцу, раз только члены-учредители подписали его, они тем самым навсегда от- называются от права касаться новых райффайзеновских принципов. И по мере того как число членов будет расти, фундамент, на котором стоит незыблемость принципов, будет становиться все тверже и тверже. При современных условиях кредита отдельному товариществу нет возможности

существовать, если оно не присоединится к какой-либо центральной кассе, в которую оно помещает временный избыток своих средств и откуда, что еще важнее, оно получает кредит на выгодных условиях. Таким образом, жизненная необходимость заставляет местное товарищество сделаться акционером Нейвидской центральной кассы. Но здесь принципы стоят незыблемо, и каждый новый акционер укрепляет их положение; выйти же из кассы для товарищества почти невозможно.

Правда, райффайзеновские принципы в самом важном вполне соответствуют характеру крестьянской кооперации; однако этого все же нельзя сказать относительно каждого из них. Так, одним из основных райффайзеновских принципов является неограниченная ответственность членов товарищества по всем его обязательствам. Этот принцип отнюдь не может считаться необходимым условием кредитного товарищества, ибо при хорошем ведении дела товарищество всегда может выполнить свои обязательства, не прибегая к дополнительным взысканиям со своих членов. Опыт показывает, что товарищества с ограниченной ответственностью почти так же или даже совершенно так же привлекают вклады, как и товарищества с неограниченной ответственностью. Таким образом, этот райффай- зеновский принцип особого значения на практике не имеет.

Принцип бесплатности услуг в общем вполне соответствует характеру кредитного товарищества небольших размеров, но опять-таки в отдельных случаях строгое осуществление его может натолкнуться на серьезные затруднения. И было бы совершенно непрактично жертвовать реальными интересами товарищества ради соблюдения чистоты принципа. Идея неприкосновенного учредительного фонда, бывшая в глазах Райффайзена едва ли не самым основным из его принципов, на практике не имеет почти никакого значения.

В общем итоге, воздавая должное райффайзеновским принципам и усматривая в некоторых из них единственно возможную основу крестьянского кредита, все же никоим образом нельзя одобрить принудительного навязывания этих принципов каждому товариществу, чем, несомненно, грешит райффайзеновская организация. Поэтому несколько не удивительно, что по мере роста крестьянской кооперации в Германии росла и оппозиция правоверному райффайзенизму.

Райффайзеновская организация, как справедливо замечает А. Н. Анцыферов, была вся проникнута духом патриархальной оценки, что отнюдь не вяжется с современной кооперацией. Вместе с тем для всей организации характерен чрезвычайный централизм ее конструкции. Первоначально этот централизм был даже еще большим. Так, вначале не существовало никаких отделений Центральной кассы, и все исполнялось непосредственно в Нейвиде. Постепенно райффайзеновская организация должна была отказываться от своего первоначального догматизма и предоставлять больше свободы своим кооперативам.

2. Движение имперского союза

При том духе, который первоначально пронизывал все райф- файзеновские товарищества, неудивительно, что рядом с ними стали возникать крестьянские кооперативы, стоявшие в

стороне от райффайзеновских организаций. Товарищества эти вскоре после своего возникновения стали соединяться в союзы, а затем все эти местные союзы в 1883 г. объединились в один Всеобщий союз сельскохозяйственных товариществ Германии (в 1903 г. переименованный в Имперский союз сельскохозяйственных товариществ Германии). При своем возникновении союз этот объединил всего 278 товариществ, к 1913 г. в состав этого союза входило уже 13131 кредитное товарищество.

Кредитные товарищества, входящие в состав Имперского союза, стоят в сущности на основе тех же самых принципов, как и райффайзеновские товарищества, и в этом смысле могут быть с полным основанием причислены к типу этих последних. Различия же между товариществами, принадлежащими к тому и другому союзу, заключаются лишь в том, что товарищества райффайзеновского союза признают райффайзеновские принципы непререкаемыми догмами, между тем как товарищества Имперского союза, стоя в общем на основе тех же принципов, допускают возможность и отклонения от них в случае необходимости. Самым крупным принципиальным расхождением с этими принципами является, пожалуй, то, что Имперский союз признает необходимым для товариществ паевой капитал, и даже довольно крупный.

Вопрос о паевом капитале был рассмотрен на конгрессе Имперского союза в Свинемюнде в 1909 г., причем данному вопросу был посвящен особый реферат д-ра Квабека. Докладчик решительно высказался за усиление паевого капитала товарищества, причем, однако, признавал нужным ограничить дивиденд по паям теми и другими нормами (процентом, платимым по вкладам, или же максимумом в 4 %) с тем условием, чтобы дивиденд этот приписывался к паю, пока последний не достигнет 100 марок. При этом Квабек признавал желательным, чтобы товарищества доводили паи до еще более крупных размеров — 500 марок на члена. Обязательный взнос при вступлении в товарищество, по мнению Квабека, должен достигать по крайней мере 50 марок.

Предложенная Квабеком резолюция, которая рекомендовала товариществам стремиться к увеличению своего паевого капитала, была принята конгрессом единогласно.

Выше было сказано, что все германские кооперативы по закону должны иметь паевой капитал. Однако многие кредитные товарищества, не только в райффайзеновском, но и в Имперском союзе, стремятся свести паи к такому ничтожному размеру, при котором пай становится номинальным. Так, в 1908 г. среди германских сельскохозяйственных товариществ считалось 3131 товарищество с паями от 2-5 марок, 229 — с паями от 1 до 2,126 — с паем в 1 марку и ниже. Против подобных товариществ с очень ничтожным паевым капиталом и был направлен реферат Квабека. Единогласное одобрение его конгрессом показывает, что в среде германской крестьянской кооперации райффайзеновский принцип, отрицающий паевой капитал, в настоящее время утрачивает сочувствие. Это объясняется поднятием благосостояния германского крестьянина, благодаря чему внесение пая уже не становится для него до такой степени затруднительным, как это было в шестидесятых годах прошлого века, когда вырабатывались райффайзеновские принципы. Во всяком случае, принцип этот сохраняет все свое значение для крестьянской кооперации тех стран, где благосостояние крестьянской массы стоит не выше или даже ниже германского уровня полвека тому назад.

Точно так же и по вопросу о неограниченной ответственности членов товарищества Имперский союз отклоняется от райффайзен- новских принципов. Правда, союз рекомендует неограниченную ответственность, но допускает и ограниченную. Фактически в начале этого века в Германии 94 % всех кредитных товариществ имели ответственность неограниченную.

Затем, Имперский союз отнюдь не считает обязательным бесплатность службы членов правления и совета. Идея «учредительного фонда», которой Райффайзен придавал такое значение, совершенно чужда Имперскому союзу. Товарищества Имперского союза имеют, далее, более специализированный характер: в то время как райффай- зеновское товарищество выполняет всевозможные операции по закупке и сбыту, товарищества Имперского союза выделяют операции этого рода особым товариществам. Вообще, союз предоставляет входящим в его состав товариществам полную свободу внутреннего устройства и ничего им не навязывает. Вся организация Имперского союза характеризуется отсутствием централизации и широким простором для самостоятельности, выгодно отличаясь в этом отношении от райффайзеновского союза.

Тем не менее товарищества Имперского союза в большинстве мало отличаются по своей организации от товариществ райффайзеновского союза: те же небольшие размеры товарищества, та же в большинстве бесплатность работы членов правления и совета, те же небольшие паи (хотя и более крупные, чем в товариществах чисто райффайзеновского типа).

При своем возникновении Имперский союз состоял исключительно из товариществ по закупке, сбыту и переработке, кредитные же товарищества не принимали в нем никакого участия, так как принадлежали к райффайзеновской организации. Чтобы не раздражать Райффайзена, союз даже принципиально не принимал в свой состав кредитных товариществ.

После смерти Райффайзена (в 1888 г.) союз изменил свою тактику и стал принимать в свой состав все крестьянские товарищества без различия. Немедленно же к союзу стали примыкать в большом числе кредитные товарищества, и через 15 лет число кредитных товариществ в Имперском союзе стало значительно превосходить число товариществ в райффайзеновской организации.

При отсутствии глубоких принципиальных различий между кооперативами обоих союзов существование двух обособленных союзов долго продолжаться не могло, и в 1905 г. произошло слияние обеих организаций, причем нельзя не признать, что слияние это было в сущности присоединением гораздо менее крупного райффайзеновского союза к более мощному Имперскому, широкая свобода которого сделала его привлекательным и для райффайзеновских товариществ.

Присоединение райффайзеновского союза к Имперскому, о чем переговоры велись более десяти лет без всякого результата ввиду упорного желания преемников Райффайзена по руководству союзом сохранить свое самостоятельное существование, стало необходимым ввиду неудовлетворительного ведения дела в Нейвидской центральной кассе, которая стала давать постоянные дефициты.

Значение состоявшегося соглашения обеих центральных организаций сводилось преимущественно к тому, что райффайзеновский союз согласился отказаться от своей прежней централизации и предоставил своим 12 отделам такую же широкую свободу, какой пользовались и отделы Имперского союза.

После достигнутого слияния с райффайзеновской организацией Имперский союз объединил почти всю сельскохозяйственную кооперацию Германии. Талантливый руководитель Имперского союза Гааз явился почти такой же центральной фигурой в крестьянской кооперации Германии, какой был в свое время Райффайзен. Гааз, несомненно, много сделал для дальнейшего развития крестьянской кооперации, хотя деятельность его не внесла ничего существенно нового в формы, созданные его предшественниками. Заслуга Гааза заключается только в том, что он сгладил углы и шероховатости первоначального райффайзеновского кооператива и приспособил его к потребностям жизни. Гааз был человеком компромисса, а такие люди всегда идут в главном за более оригинальными людьми и выполняют второстепенное дело улучшения в частностях основ, вырабатываемых не ими.

Имперский союз представляет собой сложную организацию учреждений различного рода. Кредитные товарищества, принадлежащие к нему, соединены между собой прежде всего посредством центральных касс, которых до присоединения райффайзеновской организации было 23. Но над всеми центральными кассами еще недавно стоял Имперский кооперативный сельскохозяйственный банк, созданный в 1902 г. по постановлению конгресса союза в Карлсруэ путем преобразования существовавшего еще с 1897 г. в Гамбурге общества оптовых закупок Имперского союза.

Соответственно своему происхождению Имперский кооперативный банк преследовал цели разного рода — не только объединения денежно-кредитных операций отдельных центральных касс, но и регулирования чисто товарных операций отдельных товариществ, организацию кооперативных закупок и продаж сельскохозяйственных продуктов.

Этот банк, созданный Имперским союзом, явился серьезным конкурентом Прусской центральной кассы кооперативных товариществ, учрежденной прусским правительством в 1895 г. (об этой кассе будет речь в главе о ремесленной кооперации). Прусская касса поставила себе задачей сосредоточить в своих руках общее руководство всей германской кооперацией и как учреждение государственное быстро развило свои операции. Шульцевские народные банки, принципиально отрицающие вмешательство государства в кооперативное движение, отнеслись к ней очень враждебно. Крестьянская кооперация Германии никогда не отрицала принципиально помощи государства, и потому крестьянские кооперативы охотно вступили в сношения с Прусской кассой. Однако Прусская касса своим бюрократическим образом действий скоро вызвала недовольство и среди крестьянских кооперативов. В Имперском кооперативном банке Прусская касса увидела своего нежелательного конкурента и стала систематически стремиться к ограничению его операций. В конце концов между всеми организациями состоялось соглашение, которым области деятельности Прусской кассы и Имперского банка были строго размежеваны. Круг деятельности Прусской кассы был ограничен, во-первых, территориально — Пруссией, а во-вторых, по отношению к характеру сделок — денежно-кредитными операциями. За

Имперским банком остались операции вне пределов Пруссии и на всей территории империи операции товарного характера.

3. Крушение центральной организации германской крестьянской кооперации

Имперский банк занял видное положение в крестьянской кооперации Германии; можно было думать, что обороты банка начнут расти таким же темпом, как и обороты Имперского союза, которые к 1913 г. достигли почти 5 млрд, марок. Однако ожидания эти не оправдались главным образом благодаря неблагоприятному отношению к банку могущественной Прусской кассы. Соглашение, заключенное между банком и Прусской кассой в 1904 г., уже само по себе поставило деятельность банка в очень узкие рамки, так как оно лишило банк возможности производить кредитные операции во всей Пруссии.

Столь же неблагоприятно относилась Прусская касса и к другой организации крестьянских кооперативов — к Центральной кассе райффайзеновского союза. Дело кончилось столкновением Прусской кассы с обеими организациями.

Конфликт с райффайзеновской кассой был вызван следующими обстоятельствами. Прусская касса заключила в 1905 г. договор с Ней-видской центральной кассой следующего рода: Нейвидская касса обязалась по этому договору покрывать все свои потребности в банковском кредите исключительно в Прусской кассе и вместе с тем вносить все свои излишки вкладов исключительно в Прусскую кассу. По следующему договору в 1907 г. Нейвидская касса обязалась не вести никаких операций с Имперским кооперативным банком.

Все эти ограничения деятельности были очень тягостны Ней-видской кассе, и в 1910 г. она заявила Прусской кассе, что хотела бы вступить в сношения с Имперским банком и вообще не ограничивать свои банковские операции только сношениями с Прусской кассой. Последняя в ответ на это заявление прервала в 1911 г. сношения с Нейвидской кассой.

Это совпало с очень тяжелым положением Нейвидской кассы, вызванным главным образом ее операциями по закупке и сбыту сельскохозяйственных продуктов. Операции эти нередко приносили большие убытки, превысившие к 1910 г. 3 млн. марок. Ввиду этого в 1910 г. правление Нейвидской кассы решило ликвидировать свои товарные операции, а в возмещение своих убытков обязать принадлежащие к ней товарищества сделать единовременный взнос в 750 марок каждое товарищество с тем, чтобы эта сумма была впоследствии постепенно погашена кассой из ее доходов.

Прусская касса воспользовалась тяжелым положением Ней-видской кассы для того, чтобы попытаться совершенно разрушить последнюю. А именно: она обратилась ко всем союзным кассам райффайзеновских товариществ с предложением вступить в непосредственные сношения с Прусской кассой и прекратить сношения с Нейвидской кассой.

К счастью, попытка Прусской кассы уничтожить Нейвидскую кассу не удалась: огромное большинство товариществ, принадлежащих к райффайзеновскому союзу, согласилось поддерживать свою союзную организацию, и только около 170 познанских товариществ отказали в просьбе Нейвидской кассе и вышли из состава ее членов.

Однако хотя Нейвидская касса и устояла, но самостоятельно существовать она уже не могла и должна уже была примкнуть к кооперативному отделению Дрезденского коммерческого банка, который выполняет функции центрального банковского учреждения и для шульцевских народных банков (о чем см. в главе о мелкобуржуазной кредитной кооперации). Но если такое подчинение чисто капиталистическому кредитному учреждению и не представляло собой ничего противоестественного для полукапиталистических шульцевских товариществ, то иное нужно сказать о райффайзеновских товариществах, ничего общего с капиталистическими учреждениями не имеющих. Для них присоединение к Дрезденскому банку знаменовало собой полное крушение всей кооперативной идеи.

Таким образом, история райффайзеновской кооперации заканчивается к нашим дням тяжелым кризисом, который, без сомнения, будет в конце концов преодолен кооперацией, но который все же показывает, как еще относительно слаба кооперация в борьбе за свою самостоятельность.

Еще в худшее положение пришли дела Имперского союза. Некоторые из товариществ этого союза значительно уклонились от райффайзеновских принципов и мало-помалу стали развиваться в направлении капиталистических банков. Возможность для такого развития открыта для всех товариществ, имеющих большие паи и достигающих крупных размеров. Одно из таких очень крупных товариществ, принадлежащее к Гессенскому союзу (входившему в состав Имперского) товарищество в Нидермодау, благодаря хищениям в его среде оказалось в невозможности продолжать дело и должно было закрыться. При этом оказалось, что пассив товарищества превосходит его актив свыше чем на полтора миллиона марок. По этой крупной цифре можно видеть, как далеко было это товарищество от райффайзеновского принципа локализации.

Деятельность этого товарищества охватывала очень большой по территории район. Число его членов было незначительно — к моменту ликвидации в нем было всего 197 членов, — но операции его были так обширны, что иногда в товариществе скапливалось до 3 млн. марок вкладов. Эти крупные суммы размещались вопреки закону между не-членами, жившими в совершенно других местах. Товарищество вступило на путь капиталистических спекуляций и вообще мало-помалу приняло характер обычного банка, и притом весьма плохого рода.

В конце концов все это привело к хищениям в среде товарищества и к краху, в результате которого четверо главных руководителей товарищества попали на скамью подсудимых и были приговорены к продолжительному тюремному заключению за мошенничества разного рода.

Подобного же рода грустные явления обнаружились и в нескольких других товариществах Гессенского союза. Расстроенное положение в товариществах этого союза не замедлило отразиться и на положении центральной кассы Гессенского союза, которая также должна

была ликвидировать свои дела. Впрочем, ликвидация Гессенской кассы была вызвана преимущественно другим, еще более крупным несчастьем германской кооперации — крушением Имперского банка.

Большую часть своих средств касса вложила в Имперский банк, около 8 млн. марок. Когда под влиянием событий балканской войны 1912 г. вкладчики стали требовать из кассы свои вклады обратно, то касса оказалась не в силах вернуть свои деньги из Имперского банка и обратилась за помощью к Прусской кассе, которая и оказала эту помощь, открывши Гессенской кассе кредит в размере 6 млн. марок. Но и это не спасло Гессенскую кассу, и она была вынуждена приступить к ликвидации своих дел.

Гессенские товарищества не замедлили организовать взамен закрывшейся новую центральную кассу, которая, впрочем, большого доверия к себе не вызвала и существует доныне только поддержкой Прусской кассы и гессенского правительства, которое охотно пошло на поддержку кассы, подчинив ее вместе с тем своему контролю.

Гессенская касса пострадала не только материально, но и морально: ее директор был признан судом виновным в составлении ложных отчетов и был приговорен к тюремному заключению. Вообще, руководители гессенской кооперации (во главе которых стоял создатель Имперского союза Гааз) были совершенно дискредитированы в общественном мнении.

Как сказано, главной причиной гибели Гессенской кассы был крах Имперского банка. Банк этот, образованный первоначально в форме кооперативного товарищества, в 1907 г. был преобразован в акционерный банк. Деятельность его была сильно стеснена соглашением с Прусской кассой, и благодаря этому обороты его не обнаружили тенденции к правильному росту, как это видно из нижеследующих цифр:

Год	Обороты Имперского банка (млн марок)
1907	366
1908	710
1909	836
1910	610
1911	459

Соглашение с Прусской кассой ограничило, как сказано выше, операции Имперского банка товарными сделками во всей империи и денежно-кредитными операциями за пределами Пруссии. Но товарные операции плохо удавались банку и давали хронический убыток. Ввиду этого в 1910 г. банк решил ликвидировать эти операции и ограничиться денежно-кредитными.

Однако банку не удалось привлечь к себе значительное количество вкладов, которых в 1913 г. было всего около 12 млн. марок, причем около 8 млн. приходилось на долю вкладов Гессенской центральной кассы.

Хуже всего, однако, было то, что и Имперский банк, подобно многим другим кредитным учреждениям Имперского союза, существенно уклонился от своих задач служить делу мелкого крестьянского кредита и постепенно принял характер обычного спекулятивного банка. Большую часть своих оборотных средств банк вложил в капиталистический Сельскохозяйственный кредитный банк. Оба эти учреждения фактически составили одно целое. Президент Имперского союза Гааз, бывший одновременно председателем правления Имперского банка, стал председателем совета и Сельскохозяйственного банка. Сельскохозяйственный банк до этого слияния был в очень трудном положении. Имперский банк пришел ему на помощь и вложил в него около 10 млн. марок своих средств. Однако эта сумма оказалась недостаточной, чтобы поправить дела Сельскохозяйственного банка, и вместе с последним рухнул и Имперский банк.

Все эти катастрофы привели к расколу и среди Имперского союза. Как сказано выше, к Имперскому союзу присоединился в 1905 г. райффайзеновский союз. Крушение предприятий Имперского союза и недоверие к его руководителям привели к тому, что на общем собрании райффайзеновского союза в 1912 г. в Гейдельберге было постановлено о выходе из состава Имперского союза. Согласно этому постановлению 4373 кредитных товарищества райффайзеновского союза, т. е. приблизительно четверть всех кредитных товариществ Германии, покинули Имперский союз.

Таким образом, германская крестьянская кооперация испытала за последние годы целый ряд катастроф; катастрофы эти, несомненно, отнюдь не были случайными событиями, ничем не связанными с общим характером германской кооперации. Нельзя не остановиться на очень поучительном выяснении общих причин всех этих грустных для кооперации событий.

Эти общие причины могут быть сведены к двум:

- 1) неблагоприятному влиянию на германскую кооперацию правительственного органа — Прусской центральной кассы;
- 2) капиталистическому перерождению центральных учреждений германской кооперации и некоторых отдельных кооперативов.

Что касается первой причины, то ее значение из изложенного ясно. Не подлежит сомнению, что Прусская касса много сделала для развития германской кооперации. Но платой за эти успехи явилась зависимость некоторых важнейших отраслей германской кооперации от Прусской кассы.

Прусская касса совершенно определенно стремилась и стремится подчинить себе германскую кооперацию. Центральные учреждения кооперативных союзов, естественно, стоят на пути к этому стремлению, и касса сознательно идет к их разрушению. Невысказанной целью руководителей кассы является создание такого положения вещей, при котором отдельные кооперативы получили бы возможность полного развития своих сил, но связывались бы друг с другом не собственными кооперативными же организациями, а над ними стоящим бюрократическим учреждением — Прусской кассой.

В этом опасность той поддержки кооперативного движения, которая оказывается государственной властью. Принципиально нельзя отвергать с точки зрения целей и задач кооперации такой поддержки. Но если она исходит от правительства, проникнутого духом бюрократической опеки, то такая поддержка должна приниматься кооперативами лишь на условии предоставления кооперации полной свободы ее самостоятельного развития. В противном случае кооперация рискует лишиться своей сущности — свободы самоопределения и самодеятельности.

Вторая причина неудачи германской кооперации также весьма характерна для условий германской общественности. Как будет указано ниже, в Германии крестьянская кооперация находится под сильным влиянием класса крупных землевладельцев. Духовными вождями германской деревенской кооперации являются аграрии. Этот союз помещичьего и крестьянского классов входил в основные замыслы Райффайзена, который, исходя из своего социального идеала, отрицал классовый антагонизм и хотел основать свою кооперацию на сотрудничестве богатых и бедных. Райффайзенские принципы имели своей целью сделать невозможным капиталистическое перерождение кооперации: хотя и руководимый помещиком, райффайзенский кооператив должен служить интересам отнюдь не помещиков, а крестьян — в этом весь смысл этих принципов.

Итак, райффайзеновская кооперация должна была заставить помещиков служить интересам крестьян — задача далеко не из легких, и неудивительно, что разрешение ее не всегда удавалось на практике.

Товариществам Имперского союза, менее строго придерживающимся райффайзенских принципов, но в равной или даже большей мере находящимся под влиянием помещичьего класса, еще больше угрожает эта опасность капиталистического перерождения. И мы действительно видим, что не только центральные учреждения Имперского союза, но и отдельные товарищества союза уклонились от своей задачи — помощи крестьянскому классу и стали организациями, служащими капиталистическим интересам.

Из всего этого для крестьянской кооперации вытекает урок союз крестьянства и помещичьего класса в области кооперации чреват опасностями и легко может повести к искажению сущности кооперации. Ибо кооперация есть самодеятельность, помещик же, руководящий крестьянским кооперативом, является наглядным, фактическим доказательством, что крестьяне сами еще не доросли до самопомощи, а значит, не доросли и до истинной кооперации.

Райффайзен начал с благотворительных организаций; затем он перешел к кооперации. Но его кооперация, при всем бесспорном величии его замысла, все же заключала в себе много элементов, чуждых духу самодеятельности. Вот почему эта кооперация оказалась все же слабой и подверженной опасности капиталистического перерождения. Еще более грозной оказалась эта опасность для тех крестьянских кооперативов, которые дальше стояли от райффайзенских принципов, имевших в виду препятствовать кооперации развиваться в сторону капиталистических учреждений.

Неудачи германской крестьянской кооперации составляют разительный контраст с тем, что мы видим в области пролетарской потребительской кооперации. Можно ли допустить, чтобы английское общество оптовых продаж или хотя бы германское общество оптовых закупок запуталось в спекуляциях и было вынуждено ликвидировать дело? Нечто подобное в высшей степени невероятно, и, конечно, пролетарской кооперации никогда не придется заносить на страницы истории таких эпизодов, как крушение Гессенской центральной кассы и Имперского кооперативного банка.

Откуда же это различие? Во-первых, из самого различия задач, которые кооперация ставит себе в области пролетарского и крестьянского хозяйства. Пролетарская кооперация преследует цели удовлетворения потребительских нужд, и это уже само по себе почти исключает элемент спекуляции и риска. Потребительская кооперация удовлетворяет вполне определенным общественным потребностям и ничего общего с капиталистическим предпринимательством не имеет. Напротив, крестьянское хозяйство незаметно переходит в капиталистическое предпринимательство, предполагая сбыт крестьянских продуктов на широком и неопределенном рынке, сбыт в тех же условиях, как сбывают и продукты капиталистического производства. Этот сбыт не может не заключать в себе элемента риска и, естественно, предполагает торговую спекуляцию.

Итак, одна из причин твердости и устойчивости развития пролетарской кооперации сравнительно с неустойчивостью крестьянской заключается в различии потребительского и предпринимательского хозяйства. Другая причина заключается в неопределенности классового состава крестьянской кооперации: если бы эта кооперация имела чисто крестьянский характер, то она была бы гораздо меньше подвержена капиталистическому перерождению. Но в Германии руководителями крестьянской кооперации на практике являются крупные землевладельцы-капиталисты. Что же удивительного, что при таких руководителях крестьянская кооперация легко сбивается с кооперативного пути и переходит к чисто капиталистическим спекуляциям?

Причины неудачи германской крестьянской кооперации сводятся, следовательно, преимущественно к зависимости этой кооперации от элементов, чуждых крестьянству, — бюрократических учреждений государства и помещиков. Проистекающий отсюда для кооперации урок заключается в том, что здоровое развитие кооперации возможно лишь на основе ее большей классовой обособленности.

Глава IV. Крестьянская кооперация вне области кредита

1. Крестьянские потребительские общества

Райффайзеновские товарищества должны были быть, по мысли их творца, всеобщими крестьянскими кооперативами, совмещающими в себе все отрасли кооперативного хозяйства, доступные крестьянской кооперации: они должны были не только организовывать снабжение своих членов необходимыми денежными средствами, но и давать своим членам возможность сообща покупать необходимые средства производства и некоторые предметы потребления, которые не производятся в крестьянском хозяйстве, а также сообща продавать продукты крестьянского хозяйства и сообща перерабатывать некоторые сырые. В действительной жизни райффайзеновские товарищества хотя отчасти и выполняют эти более сложные функции, но главнейшим их делом все же остается доставление кредита.

Наряду с такими сложными кооперативами жизнь создала в крестьянской среде и кооперативы с более специализированными целями. Эти специализированные кооперативы в большинстве случаев лучше справляются со своими задачами, чем недифференцированные райффайзеновские кооперативы. Однако никакого общего правила в этом отношении установить нельзя.

Среди крестьянских кооперативов по закупкам следует прежде всего отметить своеобразное положение потребительских обществ. Все общественные классы являются потребителями, в том числе и крестьяне. В то же время крестьяне являются потребителями малодостаточными, легко поддающимися эксплуатации капиталистов-посредников, торгующих предметами потребления. Действительно, нигде не наблюдается такого огромного превышения различных цен сравнительно с оптовыми, как именно в деревне, и это понятно, так как в деревне, естественно, создается в пользу местного лавочника известная монополия, вытекающая из трудности для деревенского жителя купить нужные ему предметы потребления за пределами своего села.

Пользуясь этой монополией, деревенские лавочники нередко сильно повышают цены своих товаров и этим создают потребность в организациях потребителей. Однако в пределах крестьянского хозяйства имеются также некоторые условия, задерживающие рост потребительской кооперации.

Условия эти заключаются в следующем. Прежде всего нужно иметь в виду, что значительная часть потребностей крестьянина удовлетворяется продуктами его собственного хозяйства. В то время как городской житель все свои предметы потребления должен закупить на рынке, крестьянин весьма значительную часть своих предметов потребления совсем не покупает, а производит в своем собственном хозяйстве. Поэтому покупательный спрос крестьянина представляет собой гораздо меньшую величину, чем покупательный спрос горожанина с таким же достатком, и, значит, благосостояние крестьянина в меньшей степени зависит от цены на предметы потребления, чем благосостояние городского жителя, например, фабричного рабочего.

Затем нужно иметь в виду и то обстоятельство, что крестьянин не только покупает нужные ему предметы потребления, но и производит продукты для продажи. Крестьянин прежде всего производитель, а потом уже потребитель. Его благосостояние определяется прежде всего тем, сколько ему удастся произвести продуктов и по какой цене их сбыть, лишь на втором плане — ценой предметов его потребления. Напротив, фабричный рабочий имеет на товарном рынке только потребительские интересы, ибо он не является собственником производимого им продукта.

Вместе с тем ясно, что деревенские потребительские общества, в силу их небольших размеров, ни в каком случае не могут приобрести такой экономической силы, как потребительские кооперативы фабричных рабочих.

Таким образом, для развития деревенской потребительской кооперации имеются некоторые существенные задерживающие условия, равно как и условия благоприятствующие, причем, однако, задерживающие условия связаны с самым существом крестьянского хозяйства, а благоприятствующие условия (слабое развитие деревенской торговли) связаны с низким уровнем экономического развития данной страны и исчезают при большом развитии капиталистического обмена.

Поэтому мы наблюдаем далеко не одинаковое развитие деревенских потребительских обществ в различных странах. В некоторых из них деревенские потребительские общества достигают большого распространения (Дания, Россия), в других замечается почти полное отсутствие деревенских потребительских обществ. К числу последних принадлежит и Германия, причем в Германии для этого имеются и свои особые причины. В то время как в германских городах потребительская кооперация развивается очень быстро, германская деревня почти не знает потребительской кооперации.

Выше было указано, что руководители германской крестьянской кооперации — и прежде всего Райффайзен — относились без всякой симпатии к потребительским обществам по причинам довольно сложного характера. Самому Райффайзену потребительская кооперация казалась неуместной в деревне главным образом потому, что он хотел бы, чтобы крестьянин

возможно меньше покупал предметов своего потребления, а производил бы их в своем собственном хозяйстве. Это соответствовало его общему мировоззрению, требовавшему для деревни патриархального и натурального хозяйства. Но, кроме того, в данном случае играли свою роль и определенные общественные симпатии руководителей райффайзеновской кооперации к классу мелких деревенских торговцев, сохранение которого казалось весьма желательным как для самого Райффайзена, так и для его преемников. Последний мотив был высказан с полной определенностью представителем райффайзеновской кооперации на международном кооперативном конгрессе в Будапеште в 1904 г. (об этом см. главу о международном объединении пролетарской кооперации).

С еще большей враждебностью к потребительским обществам относятся германские аграрии, влияние которых так значительно в германской деревенской кооперации. Вот что говорит по этому поводу один из лучших знатоков германской деревни, председатель восточно-прусской сельскохозяйственной палаты фон Батоки:

“ «Дружеское отношение руководящих сельскохозяйственных кругов к городскому среднему торгово-промышленному классу сделало невозможным для этих кругов участие в потребительской кооперации».

С этим объяснением вполне соглашается и проф. Вигодзинский, указывая, что именно общественно-политические симпатии аграриев к среднему торговому классу препятствуют появлению в германской деревне потребительских обществ.

2. Кооперация в области покупки и сбыта

Закупочная кооперация в деревне имеет своей целью приобретение разного рода средств производства сельского хозяйства. Такие закупки в Германии осуществляются частью райффайзеновскими кредитными товариществами, частью особыми специализированными кооперативами. Нередко эти последние кооперативы одновременно занимаются и сбытом тех или иных крестьянских продуктов.

Вполне естественно, что операции по закупке получили гораздо большее развитие, чем операции по сбыту, так как при условиях современного хозяйства покупка является несравненно более простой операцией, чем сбыт. Закупаются разнообразные продукты, необходимые для сельского хозяйства, — искусственные удобрения, кормовые средства, семена, каменный уголь, машины, инструменты и пр. В 1912 г. таких закупочных товариществ в Германии было 2321, причем всего было закуплено кооперативами на 300 млн. марок

Закупочные товарищества также объединяются в более или менее крупные союзы, как и кредитные товарищества. Союзы закупочных товариществ производят оптовые закупки. Центральные общеимперские кредитные учреждения, как Имперский кооперативный банк и райффайзеновская Центральная касса, имели в виду общеимперское объединение операций по закупке и сбыту, но не достигли в этом, как сказано, успеха.

Существенным отличием закупочных товариществ (равно как и товариществ по сбыту) от кредитных товариществ является то, что кредитные товарищества в Германии почти всегда имеют неограниченную ответственность, а значительная часть товариществ по закупке и сбыту построена на основе ограниченной ответственности. Это и понятно, так как кредитные учреждения более нуждаются в особых гарантиях своей кредитоспособности, чем предприятия другого рода.

Подобные организации весьма распространены и в других странах, кроме Германии. Французские сельскохозяйственные синдикаты начали быстро развиваться с 1884 г., когда был издан французский закон о синдикатах, разрешавший свободное образование профессиональных рабочих союзов и получивший неожиданно для его инициаторов применение к организациям совершенно иного рода, чем кооперативные, частью чисто капиталистических организаций.

Цели их весьма разнообразны. По образцовому уставу задача синдиката заключается в изучении и защите сельскохозяйственных интересов. С этой целью синдикат изучает меры экономического характера и законодательные реформы, которые могут требоваться интересами сельского хозяйства, организует разные экономические учреждения, которые могут быть полезны сельскому населению, производит опыты в интересах поднятия производительности сельского труда, устраивает лекции, облегчает приобретение необходимых для сельского хозяйства продуктов, содействует сбыту сельскохозяйственных продуктов и исполняет, кроме того, многие другие операции. Вообще сельскохозяйственный синдикат должен быть согласно образцовому уставу таким учреждением, которое стоит в центре всей сельскохозяйственной жизни данного района. По словам гр. де Рокиньи⁶⁷, синдикат должен быть «ячейкой, несущей в зародыше все учреждения, способные улучшить экономические, моральные и социальные условия обитателей деревни».

В действительности французские синдикаты очень далеки от достижения этого идеала, хотя и нельзя отрицать, что они сделали много для поднятия французской деревни. Плохо то, что в большинстве случаев они далеки от истинно кооперативного духа и основаны не столько на самостоятельности населения, сколько на патронаже богатых землевладельцев. В этом смысле очень характерно, что синдикаты допускают в состав своих членов не только лиц, ведущих сельское хозяйство, но и землевладельцев, которые владеют землей, но никакого самостоятельного сельского хозяйства не ведут.

В числе руководителей французских синдикатов в изобилии встречаются имена старинной знати. Соответственно общему характеру французских синдикатов как учреждений патронального характера мы замечаем во внутреннем строе их глубокое уклонение от кооперативных принципов. Так, прежде всего, в них весьма часто не находит выражения принцип равноправия членов. Членские взносы обычно различны, и лица, уплачивающие

взносы низших разрядов, не пользуются правом решающего голоса в общих собраниях. Прибыли синдиката нередко разверстываются по паям.

Этих уклонений достаточно, чтобы отказать многим и многим французским сельскохозяйственным синдикатам в признании их кооперативами. Конечно, среди синдикатов имеются и такие организации, которые можно признать кооперативами или, по крайней мере, приближающимися к таковым. Но именно наиболее крупные и успешные французские синдикаты всего более уклоняются от кооперативных принципов и значительно сближаются с капиталистическими учреждениями.

Среди кооперативов по сбыту заслуживают особого внимания кооперативы по сбыту хлеба, получившие наибольшее развитие в Америке и Германии. Для нас, русских, поучительнее именно германские кооперативы этого рода. Идея широкой организации совместного сбыта хлеба возникает в Германии первоначально не в крестьянских, а в помещичьих кругах в 90-х гг. прошлого века под влиянием падения хлебных цен, особенно обострившегося в это время. Низкие цены на хлеб особенно тяжело чувствовались крупными землевладельцами, так как крестьяне являются в большей степени производителями животных продуктов, между тем как для крупного хозяйства важнейшим предметом производства являются разного рода хлеба. Поэтому неудивительно, что в девяностые годы в Германии среди крупных помещиков появляется усиленный интерес к разного рода мерам, которые могли бы поднять цены на хлеб или, по крайней мере, задержать падение их.

Среди таких мероприятий обратил на себя особое общественное внимание план крупного землевладельца Грасс-Планина устроить на государственный счет сеть элеваторов во всех важнейших узловых пунктах железных дорог, имеющих значение для хлебной торговли. Элеваторы эти должны были быть переданы товариществам сельских хозяев, причем Грасс-Планин считал необходимым, чтобы государство сделало поставку хлеба в эти элеваторы обязательной для всех землевладельцев данного района.

При монополии внутренней хлебной торговли, думал автор этого проекта, станут возможны общественное регулирование хлебных цен и успешная борьба с их падением.

Проект Грасс-Планина первоначально был встречен германскими кооперативными кругами несочувственно, так как он был явно внушен особыми интересами крупных помещиков. Но так как влияние этих последних в германском кооперативном мире очень велико, то мало-помалу идеи Грасс-Планина стали завоевывать и кооператоров. На конгрессе Имперского союза в Нейштадте в 1895 г. была принята резолюция, требовавшая перестройки в случае надобности за государственный счет сети хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы были передаваемы в распоряжение сельскохозяйственных товариществ.

Однако среди германских кооперативов было и противоположное течение, не сочувствовавшее перестройке за государственный счет крупных элеваторов и признававшее желательным с точки зрения крестьянских интересов устройство только мелких элеваторов, которые не могли бы влиять на общий уровень хлебных цен, но более соответствовали бы задачам сбыта крестьянского хлеба. Эта точка зрения нашла себе выражение в резолюциях провинциального (силезского) конгресса райффайзеновских товариществ и преобладала в

местностях с развитым крестьянским хозяйством — в Бадене, Вюртемберге и Баварии.

Прусское правительство охотно пошло навстречу идеям Грасс-Планина и в 1896 г. ассигновало из государственных средств 3 млн. марок на устройство хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы передавались на особых условиях товариществам. В следующем году фонд этот был доведен до 5 млн. марок. Примеру Пруссии последовали и некоторые другие германские государства: Саксония, Бавария, Вюртемберг, Баден. За счет прусского фонда было выстроено 36 элеваторов, перешедших в заведывание специально образованных для этого товариществ. Руководителями товариществ оказались люди, ничего общего с крестьянским хозяйством не имеющие. Многие, и притом наиболее крупные, товарищества занялись спекулятивной торговлей хлебом, причем сбывался хлеб, покупаемый товариществами и на стороне. Товарищества вели такую же капиталистическую торговлю хлебом, как и любая хлеботорговая фирма. Никаких кооперативных элементов товарищества эти в себе не заключали.

Судьба их оказалась весьма плачевной. Значительная часть их была ликвидирована, а остальные утратили всякую связь с кооперативным движением, что должен был признать в конце концов и Имперский союз, под покровительством которого состоялась вся эта кампания. Прусское правительство также разочаровалось в идее государственной помощи для устройства элеваторов, и дальнейшие затраты фиска на этот предмет прекратились.

Однако одновременно с крушением плана государственных элеваторов возникло движение в пользу организации кооперативного сбыта хлеба на совершенно иных основах. Товарищества с государственной помощью были в руках крупных землевладельцев и отнюдь не могли считаться кооперативами. Но по отношению к условиям продажи хлеба положение крестьянина гораздо хуже, чем крупного землевладельца, ибо крестьянин продает свой хлеб небольшими партиями, и потому цена его хлеба обычно значительно ниже помещичьего. Кооперативная организация сбыта хлеба обещает существенно улучшить условия продажи крестьянского хлеба, и потому вполне естественно, что среди германских крестьян возникло сильное движение для устройства кооперативных зернохранилищ.

Понятное дело, что крестьянские кооперативные зернохранилища ставят себе более скромные задачи и отнюдь не пытаются управлять хлебными ценами. Они стремятся лишь к тому, чтобы дать возможность крестьянину продавать свой хлеб по господствующей в данный момент рыночной цене, устраняя посредничество хлебного скупщика.

Такие крестьянские хлебные зернохранилища получили значительное развитие в районах с преобладающим крестьянским хозяйством — в Баварии, Бадене и Вюртемберге. Характерной чертой южно-германских кооперативов по сбыту хлеба является то, что огромное большинство из них существует не самостоятельно, но при каких-либо других товариществах. Так, например, в Бадене из 67 кооперативных зернохранилищ лишь 23 товарищества основаны с данной специальной целью, остальные же связаны с другими кооперативами.

В Баварии большинство этих товариществ связано с кредитными товариществами, в Бадене же — с товариществами по закупке и продаже. Как общее правило, кооперативы по сбыту хлеба занимаются одновременно и закупочными операциями, причем закупаются преимущественно искусственные удобрения, семена и кормовые средства. Это является необходимым ввиду того, что хлебный сезон продолжается только несколько месяцев в году и нужно найти занятие в остальное время для служащего персонала и помещений товарищества.

Наиболее интересны и поучительны баденские товарищества. Более крупные из этих товариществ при железнодорожных станциях имеют небольшие зернохранилища, в которых хлеб не только хранится, но и очищается и сортируется. Хлеб принимается или за наличный расчет, или же на хранение, причем в последнем случае лицо, сдавшее свой хлеб, получает складочное свидетельство, в котором обозначены количество и качество хранящегося хлеба, и он имеет право получить от товарищества ссуду в размере 66 % стоимости хлеба. Однако, как общее правило, кооперативные зернохранилища принимают хлеб лишь за наличный расчет, прием же хлеба на хранение является исключением. Средства для всех этих операций товарищества получают в случае необходимости от Баденского союза сельскохозяйственных товариществ.

Баденские товарищества по сбыту хлеба заняли вполне прочное положение среди других сельскохозяйственных кооперативов и ведут свое дело довольно удачно. Обороты их определяются несколькими миллионами марок в год, что сравнительно с общим количеством продаваемого в Бадене хлеба является, конечно, цифрой незначительной, и не превышает нескольких процентов всего количества хлеба, продаваемого в Бадене.

Сходным образом ведут свои операции кооперативные зернохранилища и в других крестьянских районах Германии, например в Баварии, где их роль особенно велика.

3. Товарищества по переработке и сбыту

Весьма интересный тип крестьянского кооператива — маслодельные товарищества. Маслодельный кооператив является товариществом по переработке. Членами маслодельного товарищества являются сельские хозяева данного района, поставляющие в маслодельню молоко. Молоко расценивается соответственно своему качеству, перерабатывается в масло в товарищеской маслодельне при помощи наемного персонала, оплачивается по известной цене, а весь полученный чистый доход от продажи масла разверстывается между членами товарищества пропорционально количеству и качеству поставленного каждым молока.

Маслодельные товарищества интересны тем, что они являются кооперативами, имеющими совершенно исключительный успех. Можно без всякого преувеличения сказать, что экономическая история не знает другого примера такого быстрого распространения новой хозяйственной организации, как мы наблюдаем в данном случае.

Первая товарищеская маслодельня была устроена Штиллингом Андерсеном в Дании в 1882 г. Развитие этой новой формы кооперации пошло поразительно быстрыми шагами. Через 16 лет, в 1898 г., в Дании насчитывалось всего 1547 молочных предприятий, причем на долю кооперативных приходилось 1013 — вдвое более, чем на долю капиталистических. Иными словами, достаточно было столь небольшого промежутка времени, чтобы капиталистические молочные предприятия уже решительно отступили на задний план сравнительно с кооперативными.

В 1900 г. в Дании было 1029 кооперативных маслоделен, 266 акционерных маслодельных заводов и 264 помещичьих.

В 1909 г. число маслодельных кооперативов возросло до 1157 (160 тыс. членов), число акционерных заводов упало до 238, а помещичьих до 90. Кооперативная переработка молока стала почти единственной формой производства масла — из 115 млн. кг масла, производимого в Дании, на долю кооперативного производства приходилось 100 млн. кг.

Чтобы понять причины этого необычайно быстрого развития датской маслодельной молочной кооперации, нужно иметь в виду историческую обстановку, при которой это развитие совершалось. Изобретение сепаратора совершенно преобразовало технику маслоделия. Первое время применение сепаратора дало решительный перевес капиталистическому молочному хозяйству сравнительно с крестьянским, так как отдельному крестьянину было не под силу приобретение сепаратора. Но кооперативная организация маслоделия дала возможность крестьянину использовать для своего молока это важное техническое изобретение. Внедрив сепаратор, крестьянское кооперативное маслоделие стало быстро вытеснять капиталистическое.

После изобретения сепаратора (а также и некоторых приборов для определения качества молока) самой рациональной формой предприятия по переработке молока стало кооперативное предприятие. Правда, капиталистический маслодельный завод может пользоваться теми же машинами, что и кооперативный. Но дело в том, что качество масла самым тесным образом связано с качеством молока. Производство же молока фактически находится преимущественно в крестьянских руках: помещичье хозяйство не может по чисто техническим условиям с успехом конкурировать в этой области с крестьянским. Капиталистический маслодельный завод должен скупать у крестьян молоко для выработки масла. Слабая сторона такой скупки с точки зрения техники маслоделия заключается в том, что завод, скупающий молоко, не имеет возможности контролировать производство молока, а между тем малейших неправильностей при производстве и хранении молока (например, хранение его в загрязненной посуде) достаточно, чтобы пострадало качество изготавливаемого масла. Поэтому с технической точки зрения является рациональной лишь такая организация производства масла, при которой производство молока и переработка его в масло связаны между собой в хозяйственном отношении и подчиняются одному общему контролю.

Поэтому капиталистический маслодельный завод, вырабатывающий масло из скупаемого молока, является с технической стороны нерациональной формой предприятия. Молоко должно производиться под контролем предприятия, которое производит масло.

С другой стороны, после изобретения сепараторов производство масла должно было отделиться от крестьянской фермы, так как устройство хорошо оборудованного маслодельного завода не под силу среднему крестьянину.

Иными словами, и капиталистическое, и крестьянское маслоделие стали после изобретения сепаратора одинаково нерациональны. Единственно рациональной формой производства масла стало кооперативное маслоделие, так как при нем производство масла может производиться в крупных размерах при помощи машин, в то же время маслодельное предприятие имеет возможность контролировать производство молока, так как хозяевами предприятия являются производители молока.

К тому же рационально поставленный маслодельный завод является предприятием, хотя и превышающим экономические силы отдельной крестьянской семьи, но все же далеко не крупным по масштабу современной хозяйственной системы. На устройство маслодельного завода вполне достаточен капитал в несколько тысяч рублей. Такая сумма не превышает экономических сил крестьянской группы.

Таким образом, кооперативное маслоделие оказывается несравненно более сильной формой предприятия, чем капиталистическое маслоделие или индивидуальное крестьянское. Только опираясь на кооперацию, молочное хозяйство в наше время может быть организовано технически рационально.

И действительно, мы видим, что в Дании молочное хозяйство стало делать быстрые успехи лишь после того, как оно приняло кооперативную форму. В настоящее время датская организация маслодельного производства является во всех отношениях образцовой. Члены товарищества обязываются подчиняться определенным условиям как доения, так и содержания скота; товарищество принимает все возможные меры для улучшения качества и удойности молочного скота. Для этого вырабатываются наиболее рациональные правила кормления скота, воспрещается выдача коровам таких кормов, которые неблагоприятно влияют на количество и качество молока; молоко принимается в маслодельню по количеству содержащегося в нем жира, что поощряет крестьянина тщательно следить за тем, чтобы все производство молока было рационально; для улучшения качества скота устраиваются случные пункты с лучшими производителями, принимаются меры к доставлению всем членам товарищества самой рациональной посуды и т. д., и т. д. Товарищество следит за способами сохранения молока у членов товарищества и всячески старается поднять производство как молока, так и масла на наиболее высокий технический уровень. Когда в агрономической лаборатории в Копенгагене было открыто, что некоторыми манипуляциями можно уничтожить неприятный привкус в масле, то этот очень сложный способ в скором времени стали применять почти все кооперативные маслодельни.

В результате распространения кооперативного маслоделия получился огромный рост производства масла и поднятие всей этой отрасли хозяйства на необычайную техническую высоту. Дания заняла в маслоделии первое место в мире.

Конечно, датские кооперативные маслодельни работают не изолированно, но сплоченные в мощные союзы; вообще без союзного объединения отдельных кооперативов никакой

длительный и прочный успех кооперации невозможен.

Подобную же картину чрезвычайно быстрого распространения кооперации при одновременном подъеме техники молочного дела мы замечаем в молочном хозяйстве Германии, Ирландии, Австрии, Австралии и других стран⁶⁸. В некоторых районах Германии с наибольшим распространением крестьянского хозяйства кооперативное маслоделие почти совершенно вытеснило, как и в Дании, всякое иное. В Германии молочная кооперация организована следующим образом. Товарищества объединены в союзы, которые играют чрезвычайно важную роль в деятельности каждого отдельного товарищества. При своем возникновении товарищество получает от союза детально разработанный план устройства завода и сметы всех необходимых построек и технических приспособлений. Технический персонал в распоряжении союза следит в случае надобности за всей постройкой завода. Все необходимые препараты и машины товарищество также получает через посредство союза.

От него же товарищество получает и бланки необходимых для ведения дела книг и ведомостей, а нередко союз же посылает своих инструкторов для обучения персонала товарищества правильному счетоводству.

Союзы содержат специальные школы для подготовки технического персонала для молочных заводов. Услуги союзов товариществам так велики и очевидны, что вне союзов остается только небольшая часть товариществ.

Что касается капитала, необходимого для открытия действий товарищества, то и этот капитал получается при посредстве союзных организаций; товарищество присоединяется к какой-либо центральной кассе и из нее получает краткосрочный кредит на оборотные средства и долгосрочный — на оборудование самого завода. Другие товарищества кредитуются у отдельных кредитных товариществ.

Некоторые товарищества вырабатывают только масло, значительное большинство — как масло, так и сыр, также побочные продукты молочного производства. Пригородные товарищества совсем не перерабатывают молоко и поставляют его в сыром виде потребителям.

Всего в 1913 г. в Германии было зарегистрировано Имперским союзом 3488 молочных товариществ, да, кроме того, незарегистрированных товариществ было, по приблизительному подсчету, около 700-800. Число членов в этих товариществах должно было приближаться к 400 000.

За последние годы рост молочной кооперации в Германии несколько замедлился, потому что для германской молочной кооперации выступает новая задача — перейти от производства молочных продуктов к поставке потребителям молока в сыром виде, так как продажа молока в непереработанном виде дает гораздо большую выручку, чем в виде масла, цена которого сильно понижается иностранной конкуренцией. Эта новая задача — подход к непосредственной поставке потребителям молока — является очередной для германской молочной кооперации.

Очень интересной формой кооператива по переработке являются описанные Л. Н. Анцыферовым товарищества виноделов рейнского района. Для владельца небольшого виноградника устройство хорошо оборудованного погреба для переработки винограда в вино является делом совершенно непосильным. Поэтому мелкие виноградари принуждены продавать свой виноград не весь и, естественно, попадают в полную зависимость от скупщиков винограда, ибо виноград является очень быстропортящимся продуктом, продолжительное хранение которого невозможно. На этой почве создается потребность в кооперативной организации для переработки винограда в вино.

Образцом винодельческих товариществ явилось первое из них в прирейнской деревне Майшоссе. Культура винограда остается делом каждого отдельного члена товарищества, но весь собранный виноград поступает в распоряжение товарищества, которое подвергает виноград в своем подвале всем операциям, необходимым для изготовления вина.

При поступлении винограда в распоряжение товарищества виноград оплачивается, а затем все полученные при продаже вина излишки распределяются между членами товарищества пропорционально ценности доставленного винограда и внесенного членом пая.

Особенно интересно влияние, оказываемое товариществом на производство винограда. Как сказано, культура винограда остается в руках отдельных членов товарищества. Однако успех товарищества самым существенным образом зависит от хозяйничанья отдельных членов на их виноградниках. Поэтому товарищество вынуждается силой вещей к самому деятельному вмешательству в индивидуальное хозяйство его членов. Чтобы вино было надлежащего качества, для этого необходима срезка винограда в надлежащее время. Поэтому товарищество требует, чтобы все члены его производили срезку винограда в момент, определяемый правлением товарищества. Затем качество винограда зависит от способа обработки почвы, от системы удобрений, от рациональной борьбы с разного рода вредителями и т. д., и т. д. Все это в большей или меньшей степени регулируется товариществом на общих собраниях его членов, устанавливающих путем взаимных соглашений все детали виноградной культуры. Товарищество же является посредником по приобретению членами орудий, удобрительных средств и всего другого, необходимого для виноградной культуры.

В результате получается, как это замечается и в области молочной кооперации, поднятие технического уровня не только производства того продукта, который непосредственно выпускается товариществом, но и того сырья, которое производится в индивидуальном хозяйстве отдельных членов товарищества.

Производство этого последнего продукта остается хотя и индивидуальным, но регулируемым коллективом и опирающимся на содействие этого коллектива. Граница между индивидуальным и общественным производством в этом случае не стирается совершенно, ибо отдельные члены все же работают не на коллектив, а на себя самих, причем их доход определяется успешностью их единоличного труда.

Однако нельзя не признать, что в данном случае благодаря всестороннему, регулированию труда отдельного лица коллективом труд этот не может быть назван всецело

индивидуальным. Перед нами новый тип индивидуального труда, управляемого коллективом.

4. Производительно-подсобные товарищества

Товарищества по переработке, как было выяснено выше, отнюдь не должны быть смешиваемы с кооперативами в сфере труда: в этих товариществах кооперативная организация охватывает не труд производства, но владение производительным предприятием и управление им вместе со сбытом изготавливаемого продукта. Производство же в кооперативах этого рода ведется при помощи наемного труда совершенно так же, как в любой капиталистической мастерской. Ничего общего по своему внутреннему экономическому строю между маслодельным или винодельческим товариществом и производительной артелью не существует, ибо в производительной артели процесс производства осуществляется не наемными рабочими, но членами кооператива. В маслодельном или винодельческом товариществе члены товарищества никакого участия своим личным трудом в процессе переработки молока в масло или винограда в вино не принимают, а все эти процессы выполняются наемными рабочими.

Что касается кооперативов в сфере труда, то в сельском хозяйстве производительные артели являются таким же редким исключением, как и в области промышленности. Трудовые артели совершенно отсутствуют в сельском хозяйстве, и только производительно-подсобные артели имеют известное значение.

Производительно-подсобные артели встречаются среди крестьян преимущественно в двух видах: во-первых, как товарищества по пользованию некоторыми машинами, приобретение которых по их сравнительно высокой стоимости не под силу отдельному крестьянину, и, во-вторых, как арендные товарищества. (Третьим и крайне интересным типом производительно-подсобных артелей являются товарищества по снабжению сельских хозяев электрической энергией, но эти товарищества только возникают и еще ищут для себя подходящих экономических и юридических форм. Сомнительно, чтобы они могли осуществиться в широком размере в форме кооперативов).

Наибольшее распространение имеют товарищества по пользованию молотильными машинами. Что касается арендных товариществ, то они за последнее время стали быстро распространяться в Италии и Румынии на почве своеобразных условий крестьянского хозяйства в этих странах.

Италия является страной с большим развитием аренды. Так, в Ломбардии до 90 % крупных землевладельцев отдают свою землю в аренду капиталистическим фермерам. В южной Италии, особенно в Сицилии, преобладает аренда другого типа — мелкими участками крестьянам, причем сами крестьяне не снимают землю непосредственно у землевладельцев, но последние сдают землю особым капиталистическим посредникам, не ведущим сельского хозяйства, но пересдающим снятую землю крестьянам. Посредник не выполняет никаких

производительных функций, но гарантирует землевладельцу исправный взнос арендной платы, внося ее из своих средств и собирая затем значительно увеличенную арендную плату с мелких арендаторов.

При таком положении дела мелкие арендаторы принуждены платить чрезвычайно высокую арендную плату, значительная часть которой остается в руках посредников. Отсюда и возникло движение в пользу кооперативной аренды, которая в Италии существует в двух формах: в форме коллективной аренды с общей обработкой земли и в форме коллективной аренды без общей обработки земли. При первой форме аренды арендующая группа является земледельческой производительной артелью (об этих артелях было сказано в главе о производительных артелях). Распространение таких форм аренды весьма ограниченное. Гораздо большее значение имеет коллективная аренда без общей обработки земли.

При этой последней форме аренды товарищество за общий счет снимает определенный участок земли, разбивает его на мелкие участки и распределяет их между своими членами. Арендная плата за эти участки равняется соответствующей части общей арендной платы, уплачиваемой землевладельцу, плюс некоторая добавочная сумма на расходы по управлению товариществом и отчисление в резервный капитал товарищества, равно как и на амортизацию долгов товарищества.

Хотя обработка земли ведется в этом случае самостоятельно каждым отдельным членом, тем не менее имеется и некоторое общее хозяйство. Прежде всего члены товарищества сообща производят закупки нужных им средств производства и сообща продают продукты. Затем, так как ответственность за исправный взнос арендной платы ложится на все товарищество, то товарищество считает себя вправе контролировать хозяйство каждого отдельного члена. Особый наблюдательный комитет следит за обработкой земли отдельными членами, учит их методам новейшей техники, указывает на наилучшие способы использования удобрений, наилучшие сорта культивируемых растений и т. д. Иногда товарищество для целей общего руководства приглашает особых агрономов.

Таким образом, итальянские арендные товарищества с раздельной обработкой земли представляют собой кооперативы весьма сложного типа, не только производительно-подсобные, но и товарищества по закупке и сбыту, заключая в себе к тому же некоторые элементы и производительных артелей.

В 1906 г. таких арендных товариществ с раздельной обработкой в Италии было 83, причем площадь арендуемой ими земли определялась крупной цифрой в 30 тыс. га. Товарищества эти имеют полный успех, и нет никакого основания сомневаться в их дальнейшем развитии.

Еще большее значение имеют арендные товарищества в Румынии. И в Румынии, как и в Италии, арендные товарищества возникли на почве особых аграрных отношений этой страны: при господстве крупного землевладения в Румынии создалось такое же капиталистическое посредничество при аренде, как и в Италии. После революционного движения румынского крестьянства в 1907 г. румынское правительство признало необходимость широкого аграрного законодательства, направленного к улучшению участи

крестьянства⁶⁹. Одним из самых действительных средств к оздоровлению аграрных отношений была признана кооперация. Развитие арендных товариществ идет за последние годы в Румынии чрезвычайно быстрым темпом, как это видно из нижеследующих данных:

Год	Число арендных товариществ	Число их членов	Арендуемая площадь (тыс. га)
1903	8	-	5,0
1907	103	11 118	73,3
1908	172	23 071	133,2
1910	275	36 071	190,5
1911	372	62 009	283,4
1912	550	100 000	400,1

Румынские арендные товарищества, подобно итальянским, не ограничиваются передачей земельных участков в арендное пользование членам товарищества, но практикуют некоторые общие хозяйственные операции, как, например, общую закупку различных товаров и общий сбыт. Быстрый рост их находится в связи с правительственными мерами, принятыми под влиянием крестьянского движения. Важнейшие из этих мер заключаются в следующем. В 1908 г. был издан закон, согласно которому ни одно лицо не может брать в аренду в одни руки более 4000 га земли; законом 1910 г. было установлено, что все казенные земли, а равно земли, принадлежащие обществам и общественным учреждениям, если они эксплуатируются самими владельцами, должны отдаваться в аренду не иначе, как кооперативным товариществам сроком не менее как на 5 лет.

Но и помимо этого, румынское правительство непосредственно поощряет кооперативную аренду. Так, в 1908 г. была основана правительством Центральная сельская касса, капитал которой был доведен до 20 млн. лей. Центральная касса должна приобретать частновладельческую землю для распродажи ее небольшими участками крестьянам или же для отдачи ее в аренду кооперативам. Кооперативные аренды организуются при посредстве Центральной кассы, издавшей с этой целью особый нормальный устав арендного товарищества.

Согласно нормальному уставу арендное товарищество является кооперативом с неограниченной ответственностью. Капитал товарищества составляется из паевых взносов размером не менее 20 лей каждый пай. План ведения хозяйства составляется правлением и должен быть утвержден Центральной кассой. Земельные участки находятся в пользовании одной и той же семьи в течение всего срока арендного договора (обычно охватывающего срок от 5-10 лет). Руководит хозяйством особый ученый агроном, который следит за хозяйством всех членов товарищества, должен заботиться об улучшении этого хозяйства, организывает зимой особые агрономические курсы для крестьян и т. д.

Утверждают, что кооперативная аренда очень подняла крестьянское хозяйство Румынии. Так, например, только с этого времени в Румынии начинает развиваться огородничество, которое раньше было делом исключительно приезжающих на летний сезон болгарских

крестьян; агрономы же научили румынского крестьянина огородничеству.

Хотя обработка земли в румынских арендных товариществах производится отдельно, но некоторые рабочие операции производятся сообща: так, например, сжатый хлеб члены товарищества отвозят на общий ток и сообща его обмолачивают машиной. Продукты также сбываются сообща через выборных представителей. Из вырученной суммы отчисляется известный процент в пользу товарищества и образовывается фонд для приобретения машин, производства мелиорации, постройки школ и пр.

5. Сельскохозяйственная кооперация в Англии

Особый характер имеет сельскохозяйственная кооперация в Англии. Значение английской сельскохозяйственной кооперации и ее своеобразие заключаются в том, что она является одним из звеньев грандиозной и строго продуманной системы, имеющей своей целью коренное изменение аграрных условий Англии и насаждение в ней на место господствующего крупного капиталистического сельского хозяйства крестьянского хозяйства. К этому стремятся английские власти уже много лет, не отступая перед такими решительными мерами, как принудительное отчуждение частновладельческих земель. Английское общественное мнение издавна привыкло ценить значение кооперации; естественно, что и насаждение крестьянского хозяйства было признано осуществимым лишь при условии развития крестьянских кооперативов. Закон 1908 г., установивший в случае надобности принудительное отчуждение частновладельческой земли (по нормальной оценке), рекомендовал советам графств способствовать образованию среди владельцев небольших земельных участков и, по возможности, наделять землей не отдельные лица, а целые группы таких лиц под их круговую ответственность.

С целью распространения сельскохозяйственной кооперации в Англии возникло в 1901 г. по частной инициативе «Земледельческое организационное общество», получающее от правительства крупную субсидию. Общество это ведет деятельную пропаганду кооперации, устраивает с этой целью публичные лекции, посылает особых своих агентов для ознакомления населения в разных местах с кооперативными принципами, инструктирует вновь возникающие кооперативы и пр. Никакой коммерческой деятельности у него нет и оно не располагает никакой властью по отношению к вновь возникающим кооперативам.

В 1905 г. такое же общество возникло и в Шотландии. В Ирландии оно возникло еще раньше английского, в 1894 г.

К концу 1910 г. к этой организации принадлежало уже 396 кооперативов, т.е. около 4/5 всех сельскохозяйственных кооперативов Англии. В названной организации участвовало 161 арендное товарищество. В 1915 г. в английском земледельческом организационном обществе состояли уже 543 сельскохозяйственных кооператива. К шотландскому обществу в том же году принадлежало 145 кооперативов, к ирландскому — 1023 кооператива.

Члены английских арендных товариществ обрабатывают землю обычно отдельно, но значительная часть живого и мертвого инвентаря принадлежит всему товариществу, которое ссужает его за определенную плату членам товарищества.

Земледельческому организационному обществу удалось наладить сбыт некоторых сельскохозяйственных продуктов непосредственно английскому Обществу оптовых продаж, чего достигнуть было не легко, так как потребительские кооперативы Англии относились с большим недоверием к сельскохозяйственной кооперации. Вообще, английская сельскохозяйственная кооперация при всей своей молодости обещает стать чрезвычайно важным фактором возрождения в Англии давно исчезнувшего крестьянского хозяйства.

Глава V. Социальная среда крестьянской кооперации

Одним из характерных признаков кооперации, по общему мнению, является то, что кооперативы представляют собой открытые учреждения: в них принимаются все желающие, согласные выполнять обязательства, налагаемые принадлежностью к данному кооперативу. Это нисколько не мешает тому, что фактически в кооператив того или иного рода идут не все, а лишь лица, принадлежащие к определенным общественным группам, классовым интересам которых соответствует участие в данных организациях.

Состав участников сельскохозяйственных кооперативов весьма сложный.

Сельскохозяйственный кооператив не имеет никаких оснований отгораживаться от крупных сельских хозяев, напротив, участие последних в кооперативе для последнего весьма желательно, так как чем крупнее хозяйственные обороты данного лица, тем экономически сильнее и включающая его организация. Поэтому, как общее правило, сельскохозяйственные кооперативы охотно принимают в свои члены всех сельских хозяев независимо от того, ведут ли последние крупное или мелкое хозяйство.

Что касается отношения к кооперативам самих сельских хозяев, то оно далеко не одинаково у мелких хозяев — крестьян и крупных хозяев — помещиков. Для крестьян кооперация является незаменимым и единственно возможным средством поднятия их экономического благосостояния. Крестьянин экономически слишком слаб, чтобы своими собственными силами удовлетворительно справиться с теми задачами, которые выпадают на него в современном развитом капиталистическом хозяйстве. Капиталистическая система хозяйства, господствующая в настоящее время, приспособлена к интересам крупных хозяев, располагающих достаточным капиталом. Капиталы, которыми располагают крестьяне, сравнительно ничтожны, потому крестьяне, естественно, попадают под эксплуатацию тех капиталистических общественных элементов, с которыми крестьянин сталкивается по условиям своего хозяйства; такими элементами являются, во-первых, представители денежного капитала (на этой почве возникает деревенское ростовщичество), во-вторых, представители торгового капитала (на этой почве возникает эксплуатация крестьянства торговыми посредниками — деревенскими лавочниками, продавцами разного рода сельскохозяйственных средств производства, машин, орудий, искусственных удобрений и пр., а также скупщиками сельскохозяйственных продуктов) и, наконец, в тех районах, где крестьянин ведет хозяйство не на своей, а на арендованной земле, крупные землевладельцы или капиталистические посредники, передающие землю в аренду. Все эти общественные элементы, интересы которых находятся в антагонизме с интересами крестьянина, экономически сильнее изолированного крестьянина, и при отсутствии особых крестьянских организаций, когда крестьянину приходится своими единоличными силами отстаивать свои интересы, крестьянин естественно попадает в экономическую зависимость

от названных капиталистических классов. Общественная задача кооперации в том именно и заключается, чтобы освободить крестьянина от этой зависимости и восполнить коллективной силой крестьянской группы слабость единоличных сил крестьянина.

Поэтому естественной задачей кооперации является защита интересов мелкого сельского хозяина — крестьянина. Участие крестьянина в сельскохозяйственных кооперативах диктуется его настоятельнейшими экономическими интересами.

Соответственно этому вся организация, весь внутренний строй кооператива приспособлен к защите именно крестьянских интересов. Возьмем, например, кредитное товарищество. Основанием его являются так называемые райффайзеновские принципы. Все эти принципы вытекают из одного основного стремления — дать возможность пользоваться возможно дешевым кредитом тем лицам, которые считаются некредитоспособными с точки зрения обычного капиталистического банка. Райффайзеновская организация существует, очевидно, для мелких и малообеспеченных сельских хозяев, а не для крупных помещиков, которые легко получают кредит в обычных банках. По своей первоначальной идее райффайзеновский кооператив был почти благотворительным учреждением для бедняков.

Если мы возьмем разнообразные кооперативы по закупке и сбыту, то и в них мы заметим черты, которые делают их организациями, приспособленными для обслуживания интересов именно мелких, а не крупных хозяев. Прежде всего какой смысл имеет основное правило всякого кооператива, предоставляющее каждому члену иметь только один голос в общих собраниях независимо от того, сколько паев он имеет в своем распоряжении? Правило это, очевидно, внушено стремлением оградить интересы именно менее самостоятельных членов кооператива. Тот же смысл имеет и другой кооперативный принцип — распределение чистого дохода не по паям, а по участию данного лица в оборотах кооператива.

Возьмем, например, кооперативную маслодельню. Чем объясняется самая характерная черта этой экономической организации, резко отличающая ее от акционерного капиталистического маслодельного завода, — тем, что доход от продажи масла распределяется пропорционально поставленному каждым молоку, а не пропорционально доли внесенного каждым в предприятие капитала?

Смысл этой особенности маслодельного кооператива, очевидно, заключается в том, что предприятие основывается в интересах производителей молока, а не в интересах лиц, владеющих капиталом. Но ведь молоко с точки зрения капиталистического предпринимателя такой же капитал, как и машины, заработная плата и прочее, необходимое для действия маслодельного предприятия. Поэтому с капиталистической точки зрения самым рациональным было бы приравнять молоко к прочим элементам капитала и распределять прибыль пропорционально капиталу, вносимому каждым, иначе говоря, по паям. Маслодельный кооператив смотрит на это дело совершенно иначе и самым строгим образом выделяет молоко из прочих затрат маслодельного производства и распределяет получаемый доход только по молоку.

Почему? Да потому, что маслодельный кооператив существует не в интересах людей, владеющих капиталом, а в интересах тех, благосостояние которых основывается на

владении коровой и получаемом от нее молоке. Вот почему молоко для маслодельного кооператива вовсе не есть элемент капитала, а нечто принципиально отличное от капитала, нечто символизирующее затраченный на производство молока крестьянский труд.

Вообще, внутренняя часть организации сельскохозяйственного кооператива неопровержимым образом свидетельствует, что перед нами организация, существующая в интересах не капиталистических предпринимателей, а трудящихся производителей.

Соответственно этому мы видим, что повсеместно сельскохозяйственная кооперация обслуживает прежде всего трудящиеся слои деревенского населения.

Возьмем, например, кредитную кооперацию. В германских кредитных товариществах райффайзеновского типа существует три вида ссуд: под личное поручительство, под обеспечение ценными бумагами, под обеспечение ипотекой. По данным, приводимым А. Н. Анциферовым, в 1901 г. 75,3 % общего числа ссуд падало в товариществах райффайзеновского союза на ссуды, обеспеченные поручительством, 22,6 % — на ссуды, обеспеченные ипотекой, и только 2,1 % — на ссуды, обеспеченные ценными бумагами. Средняя величина ссуды на одного члена не превышала в том же год 690 марок. Все это ясно говорит, что клиентом райффайзеновских товариществ является мелкий сельский хозяин-крестьянин и что капиталистический кредит не играет в деятельности этих товариществ почти никакой роли.

Точных статистических данных относительно имущественного положения членов сельскохозяйственных кооперативов в различных государствах не имеется, и потому приходится довольствоваться для выяснения классового состава участников сельской кооперации косвенными данными. Все эти данные говорят, что членами сельских товариществ являются по преимуществу крестьяне.

Так, прежде всего бросается в глаза, что кооперативы распространены по преимуществу в районах с преобладанием крестьянского хозяйства и имеют гораздо меньший успех там, где преобладает помещичье хозяйство. Макс Грабейн приводит в своей известной книге «Wirtschaftliche und sociale Bedeutung der ländlichen Genossenschaften in Deutschland»⁷⁰ (1908 г.) следующую статистику распределения германских кооперативов в различных районах Германии:

Районы с преобладанием мелкого и среднего сельского хозяйства	Площадь (га)	Районы с преобладанием крупного сельского хозяйства	Площадь (га)
Рейн-Пфальц	453	Бранденбург	2380
Гессен	606	Познань	2838
Рейн-Прусс	815	Померания	3089
Вюртемберг	862	Западная Пруссия	3833
Гессен-Нассау	896	Мекленбург-Шверин	4031

Районы с преобладанием мелкого и среднего сельского хозяйства	Площадь (га)	Районы с преобладанием крупного сельского хозяйства	Площадь (га)
Вальдек	925	Восточная Пруссия	5220
Баден	1027	Мекленбург-Стрелиц	6223

Сельскохозяйственная площадь, приходящаяся на одно товарищество (га)

Легко заметить, что кооперативы преобладают в районах мелкого и среднего хозяйства.

Относительно Гессена имеются данные об имуществе и доходах членов сельских кредитных товариществ. Средний доход члена кредитного товарищества оказался в этом далеко не бедном германском государстве равным всего 1207 маркам, а средний размер имущества — 15602 маркам; и то и другое свидетельствует, что члены кредитных товариществ принадлежат в своей массе малообеспеченным слоям населения.

Какие же именно слои крестьянского населения преимущественно принимаются в кооперативном движении? Ответить на этот вопрос по недостатку соответствующих статистических сведений очень не легко. По-видимому, кооперация привлекает в свои ряды главным образом средних и крупных крестьян. Самые мелкие крестьяне, приближающиеся к пролетариату, слишком слабы экономически для того, чтобы участвовать в значительном количестве в кооперативах.

Имеющаяся по данному вопросу отрывочная статистика, в общем, подтверждает это предположение. Так, например, относительно образцовой датской молочной кооперации можно сказать, что в ней участвуют все элементы сельского населения, обладающего коровами, но далеко не в одинаковой мере: на долю парцеллярных мелких хозяйств приходилось, по данным, относящимся к 1903 г., 28,7 % всего молока, переработанного в молочных кооперативах; на долю средних хозяйств — 55,2, а на долю крупных хозяйств — только 13,8 %.

Что касается группы мелких хозяйств, то она, в свою очередь, может быть разделена на три подгруппы. Самая низшая группа карликовых хозяйств дает ничтожное количество коров, поставляющих молоко на кооперативы, но из общего числа коров во владении этой группы все же 58 % коров принадлежит членам кооперативов. В следующей группе мелких хозяйств в кооперативы поставляется молоко 82,8 % всех коров, находящихся во владении этой группы; наконец, в самой высшей группе мелких хозяйств уже 84,9 % коров связано с кооперативами. Отсюда очевидно, что в датской маслодельной кооперации участвуют все слои крестьянского населения, но участие самых мелких хозяев менее значительно, чем участие тех крестьянских групп, которые приближаются к средним слоям крестьянства.

В Германии роль крупного хозяйства в кооперации более значительна, чем в Дании, и соответственно этому в германской кооперации замечается стремление к сближению с капиталистическими организациями. Так, некоторые германские молочные товарищества охотно замыкают свой состав и становятся фактически недоступными беднейшим хозяевам

деревни благодаря требованию высокой вступительной платы (до 80 марок на корову). Но это является далеко не общим правилом, а исключением.

По словам такого выдающегося знатока германской кооперации, как Грабейн, генерального секретаря Имперского союза, «кооператив есть такая хозяйственная форма, в которой объединяются ради своих общих интересов средние и мелкие хозяева, а также и остальные, более слабые элементы деревенского населения. Однако сельский кооператив не носит характера односторонней классовой организации; наоборот, почти повсеместно в кооперативных организациях принимают в большей или меньшей степени деятельное участие и крупные хозяева, а также и иные элементы деревенского населения».

Особенно велико участие крупных хозяев в французских сельских синдикатах, которые только отчасти могут быть причислены к кооперативам. Вообще, сельская кооперация представляет в этом отношении в разных странах далеко не одинаковую картину: хотя везде преобладает в кооперативах крестьянство, но, во-первых, среди самого крестьянства имеются различные группы по своему относительному достатку, и роль каждой из этих групп в кооперации в разных странах различна; во-вторых, наряду с крестьянством почти всюду в состав кооперативов входят крупные землевладельцы, в одних странах в большей, в других в меньшей мере.

Что касается участия в деревенской кооперации крупных землевладельцев, то оно объясняется частью хозяйственными интересами помещиков, частью же причинами исторического и политического характера. Что касается первой причины, то она, конечно, имеет свое значение. Кооперация приспособлена к интересам менее достаточных классов деревенского населения, но и более достаточные классы могут извлекать из участия в кооперативах определенные хозяйственные выгоды. Ссуда в несколько сотен марок, которая выдается кредитным кооперативам, не удовлетворит, конечно, потребности в кредите крупного землевладельца, но все же и она может оказаться далеко не лишней в добавление к кредиту, получаемому из обычного капиталистического банка. Еще более существенную помощь хозяйству крупного сельского хозяина могут оказать разного рода кооперативы по сбыту, закупке и переработке. Поэтому хозяйственные интересы крупного хозяина побуждают его не уклоняться от участия в кооперативах. Нужно, однако, иметь в виду существенное различие в этом отношении между крестьянином и крупным хозяином: для крестьянина участие в кооперативе диктуется интересами самосохранения — вне кооператива само экономическое существование крестьянина как самостоятельного хозяина нередко подвергается опасности; напротив, для крупного хозяина участие в кооперативе ни малейшим образом не является вопросом первенствующей хозяйственной важности — крупный хозяин прекрасно может существовать и вне кооперации, но участие в ней может быть для него выгодно, хотя выгода эта обычно и не является сколько-нибудь значительной⁷¹.

Таким образом, чисто экономические причины хотя и благоприятствуют участию крупных хозяев в кооперации, но действие их довольно слабо. А так как кооператив является по самому своему существу демократическим учреждением, большинство членов которого принадлежат к иному общественному классу — крестьянству, то на чисто экономической почве трудно было бы ожидать сколько-нибудь значительной тяги класса крупных хозяев к

кооперации. Ведь в кооперативах всякий член имеет равный голос — немногие помещики, участвующие в них, совершенно подавляются голосами крестьян. Вся организация кооператива совершенно не приспособлена к обслуживанию нужд помещика.

Но, кроме хозяйственных мотивов, поведение общественных групп управляется и многими другими соображениями. Исторически сельскохозяйственная кооперация возникла как благотворительное учреждение в среде крупных землевладельцев и деревенской интеллигенции: деревенских учителей, духовенства и пр. Райффайзен и его первые сподвижники отнюдь не принадлежали к крестьянскому классу, и вся райффайзеновская кооперация задумана как организация, служащая интересам крестьянства, но опекаемая и руководимая не самими крестьянами, а более образованными и достаточными классами деревенского населения. Этот первоначальный характер сельской кооперации значительно изменился по мере ее роста, но не вполне утрачен и поныне. И теперь руководители сельской кооперации выходят в значительной степени из общественных классов, стоящих на социальной лестнице гораздо выше крестьянства.

К таким историческим причинам, обуславливающим сравнительно значительное участие помещичьего класса в крестьянской кооперации, присоединились и присоединяются в некоторых странах и причины политического характера. В Германии, например, политические условия объединили среднее и крупное крестьянство в одну политическую партию с крупными землевладельцами. Дело в том, что землевладельцы вместе с крестьянами — сторонники пошлин на сельскохозяйственные продукты, между тем как партия городского пролетариата — социал-демократы — является ожесточенным врагом аграрного протекционизма, удорожающего предметы потребления городского населения. Общие политические интересы и общность принадлежности к этой политической партии сближают помещиков с крестьянами и на экономической почве. Помещики, опираясь политически на поддержку крестьян, привыкших видеть в них своих политических вождей, естественно становятся руководителями и крестьянской кооперации.

И действительно, в Германии крестьянская кооперация находится под преобладающим влиянием крупных землевладельцев. Грабейн сообщает следующие данные относительно участия крупных землевладельцев в управляющих органах сельских кооперативов. В 305 кредитных товариществах Померании было из среды крупных землевладельцев 109 председателей совета и 50 председателей правления. В Силезии в 619 кредитных товариществах было из среды крупных землевладельцев 308 председателей правления и 273 председателя совета.

Еще гораздо сильнее участие крупных землевладельцев в управлении центральными организациями сельской кооперации: союзов, центральных касс и т. п.

Затем выдающуюся роль в руководстве сельскохозяйственной кооперацией Германии играют духовенство и школьные учителя, которые в Германии стоят очень близко к помещичьему классу и находятся под его сильным влиянием. В Силезии в 619 кредитных товариществах из среды духовенства было 88 председателей совета и 45 председателей правления, а из среды учителей — 39 председателей совета и 34 председателя правления. В Померании в 305 товариществах из среды духовенства был 51 председатель совета и 49

председателей правления, из среды учителей — 27 председателей совета и 23 председателя правления.

Таким образом, можно думать, что вообще в большинстве сельских кооперативов Германии руководителями являются не крестьяне, но более достаточные элементы деревенского населения, и прежде всего крупные землевладельцы.

Этим объясняется, что некоторые виды кооперации совершенно отсутствуют в германской деревне. В предшествовавшей главе было указано, что благодаря политическим симпатиям германских аграриев классу торговцев в германской деревне не могут развиваться потребительские общества. Точно так же известная политическая организация германских аграриев Союз сельских хозяев очень успешно тормозит развитие и некоторых других форм сельскохозяйственной кооперации, противоречащих интересам тех общественных групп, которые поддерживаются союзом, а именно: мукомольных и хлебопекарных кооперативов. Вопрос о мерах развития этих кооперативов уже много лет стоит на очереди в Германии, но все не получает разрешения благодаря нежеланию германских аграриев ссориться с мельниками и булочниками.

На одном из недавних конгрессов германских деревенских кооперативов это подчинение сельскохозяйственной кооперации руководству крупного землевладения получило очень яркое выражение. А именно: на Майнцском конгрессе 1908 г. был поставлен на обсуждение доклад ландрата фон Эйзенгард-Роте, посвященный вопросу о том, какими средствами в области кооперации можно бороться с недостатком рабочих в сельском хозяйстве. Эту тему докладчик более точно определил как вопрос о том, «каким образом кооперативное движение может наиболее целесообразным образом поддержать стремления, направленные к увеличению числа сельскохозяйственных рабочих путем прикрепления их к земле?» Докладчик указал, что в настоящее время крупные землевладельцы очень страдают от недостатка рабочих рук и стремятся теми или другими способами увеличить связь сельскохозяйственных рабочих с землей. Последнее необходимо потому, что только этим путем можно задержать отлив рабочих в города.

Достигнуть этого можно, по мнению докладчика, следующим образом. Желательно, чтобы сельскохозяйственные кооперативы покупали землю и передавали ее в долгосрочную аренду сельскохозяйственным рабочим, но непременно небольшими участками — размером от 3 до 8 моргенов, во всяком случае, не настолько крупными, чтобы рабочий был избавлен от необходимости работать на стороне.

Доклад этот, явно направленный против интересов сельскохозяйственных рабочих, был встречен конгрессом весьма сочувственно. Председатель Касперс-Бубенгейм счел нужным выразить от себя полное одобрение докладу. Очень поучительны были и последовавшие за докладом прения. Один из ораторов выразил мнение, что несчастьем для сельскохозяйственных рабочих является чрезмерное учение в школе, которое приводит к тому, что рабочие стремятся в город. В заключительном слове докладчик еще резче выразил свою классовую точку зрения. «Различные ораторы, — сказал он, — признавали, что рабочий, имеющий свой собственный кусок земли, не работает или редко работает на чужой земле, ибо он стремится по возможности увеличить прикупкой свое землевладение и занять

свои рабочие силы на своем участке. Это, однако, не принесет пользы. Мы на востоке страдаем от недостатка рабочих рук для крупного землевладения и для крестьянского хозяйства, а крупное землевладение у нас на востоке такой важный носитель культуры, что мы должны позаботиться о нем. Поэтому мы должны принять меры, чтобы крупные землевладельцы и крестьяне имели в своем распоряжении достаточно рабочих, и только на втором плане мы можем поставить вопрос о желательности для рабочего собственной земли. Исходя из этих соображений, я, как представитель востока Германии, считал нужным рекомендовать, чтобы были приняты меры, которые, так сказать, принудили бы рабочего работать на чужой земле... Я не противник частной земельной собственности для рабочих, но мы не хотим давать землю каждому рабочему, даже и не заслуживающему этого. Сельские рабочие большей частью сущие дети, и их нужно опекать».

Эти слова вызвали крики «браво», и конгресс единогласно принял следующую резолюцию, предложенную докладчиком: «Конгресс германской сельскохозяйственной кооперации признает в высшей степени желательным, чтобы Имперский союз обратил особое внимание на крайне важный вопрос об укреплении связи с землей сельскохозяйственных рабочих при помощи кооперативов».

Майнцский конгресс германских сельскохозяйственных кооперативов с полной ясностью показал, что германская деревенская кооперация находится в полном подчинении у крупных аграриев, представляя в этом отношении разительный контраст с потребительской кооперацией, в сфере которой господствуют социал-демократические элементы*.

Нужно иметь в виду, что Майнцский конгресс был не просто очередным ежегодным конгрессом германской сельскохозяйственной кооперации, но «юбилейным» конгрессом, так как он совпал по времени с двадцатипятилетием Имперского союза сельскохозяйственных кооперативов. В связи с этим конгрессу была придана особая торжественность. Почетным председателем конгресса был Великий Герцог Гессенский, конгресс был особенно многолюден и даже принял до некоторой степени международный характер, ибо в нем участвовали многочисленные представители сельскохозяйственной кооперации из других стран. Тем характернее принятые конгрессом резолюции по вопросу о сельскохозяйственных рабочих. Об этом конгрессе имеется особая статья в «Очерках по кооперации». А. Н. Анцыферова. Почтенный автор с энтузиазмом говорит о нем и об обнаружившейся в нем мощи германской сельскохозяйственной кооперации. С последним нельзя не согласиться, но нельзя и не пожалеть, что как в России, так и на Западе наблюдается среди друзей кооперации склонность оставлять в тени ее классовые черты даже тогда, когда они до такой степени бьют в глаза, как в резолюциях Майнцкого конгресса. А Н. Анцыферов, говоря о работах конгресса, даже и не упоминает об его резолюциях по рабочему вопросу.

Подобное же положение вещей — господство крупных сельских хозяев в пределах деревенской кооперации — мы наблюдаем и во многих других странах. Так, например, в Бельгии сельскохозяйственная кооперация является одной из главных хозяйственных опор господствующей там реакционной католической партии. Крупные помещики доминируют на конгрессах бельгийских сельскохозяйственных кооперативов еще больше, чем в Германии.

Во Франции мы видим совершенно ту же картину. Достаточно сказать, что духовным вождем французской кооперации в деревне считается граф де Рокиньи, реакционный политик и завзятый враг социализма. Экономические воззрения Рокиньи крайне наивны и не пошли в области социальной политики дальше либерального манчестерства⁷² половины прошлого века. Он не видит в современном обществе никаких социальных антагонизмов и счел бы считать таковые злой выдумкой социалистических агитаторов. «Кропоткины, Карлы Марксы, Жюли Геды и пр., и пр., — говорит он, — могут стараться возбудить антагонизмы и классовую вражду, которые следовало бы считать угасшими после того, как французская революция провозгласила равенство прав людей, свободу и братство граждан; они могут предсказывать социальное разрушение и уничтожение частной собственности, снятие границ и исчезновение идеи отечества: время для всего этого еще не пришло, можно надеяться, что в стране здравого смысла, как наша, оно никогда не придет для осуществления этих преступных утопий. Народ действительных тружеников хорошо знает, и не от таких утопий он ожидает улучшения своей участи».

Вне революционного социализма Рокиньи различает два главных направления экономической мысли. Одно, называемое им государственным социализмом, стремится путем социальных реформ, осуществляемых государством, улучшить участие трудящегося народа; это направление достигло особого развития в Германии и вообще имеет успех в странах, не знающих политической свободы.

Государственному социализму Рокиньи противопоставляет идею профессиональной ассоциации. Профессиональная ассоциация не имеет ничего общего с союзами рабочих, так как рабочий союз объединяет рабочих в противоположность их хозяевам, а профессиональная ассоциация уничтожает классовый антагонизм, объединяя в одной организации и рабочих, и хозяев известного промысла, без различия их классовой принадлежности. В этом Рокиньи усматривает главную силу сельскохозяйственных кооперативов.

“ «Сельскохозяйственные синдикаты включают в свои ряды как хозяев, так и рабочих, и на этом основан их успех. Крупные землевладельцы, фермеры, управляющие, мелкие землевладельцы, служащие, простые рабочие входят в состав одного союза; они научатся в нем знать друг друга, помогать друг другу, просвещать друг друга, обсуждать свои общие интересы, соединяться для общей победы. Ничто не сближает в такой степени различные общественные классы, и ничто не способствует в такой мере объединению их интересов, и ничто не поднимает в такой мере уровень демократии. Первые деятели сельскохозяйственных синдикатов очень правильно поняли, что для достижения действительного прогресса и крупных социальных результатов необходимо, ввиду раздоров и столь эксплуатируемых недоразумений в промышленном мире, утвердить союз, господствующий между хозяином и рабочим в сельском хозяйстве».

Рокиньи признает, что во Франции обычно думают, будто сельскохозяйственные синдикаты являются опорой реакционных партий. Он возражает против этого, но очень неубедительно. Зато он вполне согласен, что сельскохозяйственные синдикаты представляют силу, враждебную социализму. «Не так давно предлагали, — говорит он, — организовать во Франции антисоциалистическую лигу или ассоциацию, долженствующую воспрепятствовать успехам социализма путем поощрения частной инициативы. Эту ассоциацию в деревне не нужно создавать, так как она там уже имеется и не как общество академического характера, а как практическое учреждение. Сельские хозяйственные синдикаты образуют эту антисоциалистическую лигу; это они, постепенно осуществляя путем профессиональной солидарности всевозможные реформы и социальные улучшения, докажут бесплодность обещаний коллективизма и государственного социализма».

И это не только общие фразы. Действительно, некоторые сельские синдикаты Франции ведут активную борьбу с социализмом. Так, например, Syndicat économique agricole является одновременно «лигой социальной защиты против социалистической пропаганды в деревне». Эта организация ставит себе задачей борьбу с социалистической пропагандой в деревне и в противность государственному социализму стремится к «сведению к минимуму вмешательства государства в частную жизнь». Тезису о борьбе классов эта организация противопоставляет начало объединения классов, причем «буржуазия должна образовать генеральный штаб свободной ассоциации».

Соответственно выдающейся роли, которую в сельскохозяйственной кооперации играют представители крупного землевладения, деревенская кооперация занимает в большинстве западноевропейских стран совершенно иную политическую позицию, чем потребительская кооперация. И это ярко обнаружилось при попытках объединить все виды кооперации в общие организации национального или интернационального характера. Везде потребительская кооперация складывается в особые организации сравнительно с сельскохозяйственной.

Выше (в главе отдела о пролетарской кооперации) была изложена история образования Международного кооперативного союза, который по замыслу его инициаторов должен был объединить все виды кооперации. На самом деле он объединил только одну ветвь мирового кооперативного движения — пролетарскую кооперацию. Союз не только не содействовал объединению различных классовых течений современной кооперации, но углубил пропасть между ними. И это, несомненно, являлось шагом вперед и соответствовало внутренним тенденциям кооперативного движения. Несоединимого по своей внутренней природе никакими искусственными мерами соединить нельзя.

Подобно тому как пролетарская кооперация получила свой объединяющий центр в Международном кооперативном союзе, так и сельскохозяйственная кооперация образовала свой собственный Международный союз сельскохозяйственной кооперации. Союз этот возник в 1907 г., через три года после будапештского конгресса старого союза; как выше было указано, будапештский конгресс имел решающее значение в истории Международного кооперативного союза, так как на этом конгрессе ясно обнаружилось, что пролетарская кооперация тяготеет к сближению с социалистическим движением. Представители германских и австро-венгерских сельскохозяйственных кооперативов отнеслись с большим

несочувствием к этому повороту пролетарской кооперации и решили образовать свой особый международный союз, чего им и удалось достигнуть.

Международный союз сельскохозяйственных кооперативов проникнут совершенно иным духом, чем старый Международный кооперативный союз. Руководящую роль в нем играют германские сельскохозяйственные кооперативы с характерными для них аграрными тенденциями. Сила и значение этого нового международного союза пока гораздо слабее старого.

Глава VI. Социальное значение крестьянской кооперации

Сельскохозяйственная кооперация является при современных условиях необходимым спутником крестьянского трудового хозяйства. Эта чрезвычайно важная роль кооперации в крестьянском хозяйстве объясняется тем, что благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться выгодами и преимуществами крупного хозяйства. Кредитные товарищества, общества по закупке, сбыту и переработке — все это организации, во главе которых стоят мелкие хозяева, но в то же время общества эти являются сравнительно крупными хозяйственными организациями, могущими с успехом конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями; объединенные же в союзы общества эти становятся не только крупными, но и очень крупными предприятиями.

Одна группа сельскохозяйственных кооперативов не имеет никаких специфических преимуществ перед капиталистическим предприятием, кроме того, что объединенные в союзы кооперативы эти могут иметь большие размеры. Так, например, общество по сбыту сельскохозяйственных продуктов ставит себе те же цели, что и капиталистическое предприятие с теми же задачами, но если эти общества объединены в национальный союз, то силы такого союза могут быть громадны. Кредитное товарищество само по себе гораздо менее привлекает вклады, чем любой капиталистический банк, и только товарищества, объединенные в союз, становятся уже сильным кредитным учреждением. Поэтому вне союзов кооперативы этого большого рода значения иметь не могут.

Другая группа кооперативов имеет в отношении выполнения своих задач уже специфические преимущества перед капиталистическими предприятиями. Сюда относятся прежде всего товарищества по закупке как средств производства сельского хозяйства, так и предметов потребления. Преимущество их перед аналогичными капиталистическими предприятиями заключается в том, что самая трудная задача при условиях современной хозяйственной системы заключается в отыскании рынка для имеющихся продуктов; кооперативы же по закупке суть уже готовый рынок, ибо они состоят из объединившихся для целей закупки покупателей.

Правда, этим специфическим выгодам кооперативной организации закупки противостоят и известные невыгоды сравнительно с капиталистической закупкой — меньшее знакомство с рынком, меньшая заинтересованность в успехе дела лиц, руководящих им, и т. д. Объединенные в союзы кооперативы этого рода получают уже значительные преимущества перед капиталистическими предприятиями.

Третью группу сельскохозяйственных кооперативов составляют такие, которые в силу особых технических условий почти не допускают конкуренции капиталистических предприятий, представляя собой в техническом отношении единственно рациональную форму предприятия. К этой группе относятся некоторые товарищества по переработке, например, маслодельные кооперативы; по чисто техническим условиям, сущность которых сводится к тому, что рациональное производство масла требует контроля и над производством молока, капиталистический маслодельный завод, производящий масло из покупного молока, стоит в техническом отношении гораздо ниже маслодельного кооператива, контролирующего производство молока. Кооперативы этого типа уже сами по себе обладают силой вытеснять капиталистические предприятия.

В общем, сельскохозяйственная кооперация значительно повышает производительность крестьянского хозяйства и увеличивает его способность конкурировать с крупным капиталистическим сельским хозяйством. Крестьянскому хозяйству, и помимо кооперации, присущи известные преимущества сравнительно с капиталистическим; преимущества эти коренятся в одной определенной области сельского хозяйства — в области производства, где в силу технических условий крестьянское производство оказывается значительно более производительным, чем капиталистическое.

Однако в сфере обмена крестьянское хозяйство находится в гораздо худших условиях, чем капиталистическое. Кооперация глубоко изменяет в этом отношении позицию крестьянского хозяйства: благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться кредитом почти на таких же (а иногда и лучших) условиях, как и крупный сельский хозяин, продавать свои продукты почти по такой же высокой и покупать нужные ему продукты почти по такой же низкой цене, как и крупный хозяин, или даже благодаря союзам обгоняет в этом отношении изолированных крупных хозяев.

В область чисто сельскохозяйственного производства в точном смысле слова кооперация почти не проникает или если и проникает, то лишь окольным путем, со стороны. Переработка молока в масло, винограда в вино, зерна в муку, что исполняет кооперация, не является в строгом смысле слова сельскохозяйственным производством, областью которого являются только биологические процессы.

Поэтому с принципиальной стороны сельскохозяйственная кооперация отнюдь не превращает мелкого крестьянского производства в какую-либо иную форму.

Объединенное кооперативными организациями хозяйство крестьянина остается мелким в том смысле, что основной ячейкой кооперативной ткани, как бы эта последняя ни была разветвлена, прочна и сложна, все же остается отдельное крестьянское хозяйство, во главе которого стоит самостоятельный хозяин, на свой страх и риск ведущий это хозяйство. Самостоятельности крестьянского хозяйства кооперация не только не угрожает, но, увеличивая успешность этого хозяйства и повышая его технический уровень, делает крестьянское хозяйство более устойчивым. Поэтому нужно самым решительным образом отвергнуть идею, будто кооперация ведет к концентрации крестьянского производства. Нет, как бы ни была развита сеть кооперативных организаций, все же в основе ее остается индивидуальный производитель — крестьянин.

Однако не следует игнорировать и то новое, что кооперация привносит в крестьянское хозяйство. Кооперация прежде всего уничтожает ту изолированность мелких хозяев друг от друга, которая являлась характернейшей чертой крестьянского хозяйства прежнего времени.

До начала кооперативной эры хозяйственный успех каждого крестьянина зависел только от условий его индивидуального хозяйства. Крестьянин чувствовал себя на своем поле, за стеной своей усадьбы изолированным от всего мира. От своего соседа, живущего рядом с ним в совершенно сходных экономических условиях, он так же мало ожидал помощи, как и от своего помещика, который помещался на противоположной ступени социальной лестницы. На этой почве вырастали чудовищный крестьянский эгоизм и отчужденность крестьянина от всего мира, которые были так ярко описаны Золя в его знаменитом романе «La Terre»⁷³ (условия жизни русского крестьянина благодаря общине и вообще примитивности всего нашего сельского экономического строя, еще недавно имевшего в большей или меньшей степени характер натурального хозяйства, были существенно иные).

Кооперация все это изменила в корне. Правда, крестьянин по-прежнему остается господином на своем поле и в своей усадьбе. Но он уже чувствует себя единицей огромного целого — ячейкой сложной кооперативной организации, которая начинается тут же в деревне, но, постепенно распространяясь, охватывает всю страну. Благополучие каждого отдельного члена этой организации существеннейшим образом зависит от успешной работы всей кооперативной системы. Для индивидуальной независимости деятельности крестьянину остается только одна область — сельскохозяйственного производства на своем поле и в пределах своей усадьбы. Но как только крестьянин соприкасается с рынком, тут его личное хозяйство поглощается хозяйством обширного коллектива, к которому он принадлежит. И чем большее значение приобретают денежные отношения в пределах крестьянского хозяйства, тем большее значение приобретает и хозяйство этого коллектива.

Таким образом, хозяйство крестьянина в целом утрачивает свой прежний индивидуалистический характер. Его внутренняя природа становится более сложной: сохраняя известную область, в которой крестьянин чувствует себя по-прежнему предоставленным своим собственным силам, он в то же время все более и более связывает крестьянина со всеми его односельчанами, далее, со всем его классом.

В этом заключается огромное воспитательное значение крестьянской кооперации. Однако некоторые виды кооперации оказывают еще более глубокое влияние на строй крестьянского хозяйства, подчиняя контролю кооперативно организованной крестьянской группы и сами процессы крестьянского производства. Сюда относятся прежде всего различные формы товариществ по переработке. Так, маслодельное товарищество существенно преобразовывает и сам процесс производства молока. Правда, молоко выделяется самостоятельно отдельным крестьянином; но так как качество масла зависит от качества молока, то маслодельный кооператив вынужден силой вещей контролировать производство молока. Возьмем, например, образцовую датскую маслодельную кооперацию. Вокруг кооперативного маслодельного завода группируется целый ряд других кооперативов, имеющих в виду улучшить производство молока. Так, этой цели служат товарищества для приобретения лучших производителей, ибо лишь таким путем можно

улучшать породу молочного скота. Не меньшее значение имеют контрольные товарищества, которые контролируют способы кормления скота, доения коров, хранения молока и вообще всю постановку молочного хозяйства. Для выполнения контроля товарищества имеют особые аппараты, посредством которых определяются составные вещества молока, а сам контроль осуществляют лица с основательным агрономическим образованием, могущие быть руководителями крестьянина во всех случаях его хозяйственной жизни. Эти контролеры объезжают всех членов товарищества, присутствуют при доении коров и указывают средства для поднятия молочности коров.

Таким образом, производство молока, оставаясь делом отдельного крестьянина, в то же время оказывается регулируемым кооперативной организацией во всех своих существенных частях. Это уже не прежнее изолированное производство, а нечто существенно иное. Производство, правда, еще не принимает характера общественного, так как оно осуществляется не общественной группой при помощи общественных средств производства, а отдельным хозяином при помощи средств производства, находящихся в его индивидуальной собственности. Однако это индивидуальное производство контролируется и регулируется общественной группой.

Выше было указано, что совершенно подобное же влияние на весь строй культуры винограда оказывает и винодельческое товарищество. Во всех этих случаях само крестьянское производство (а не только рыночные отношения крестьянского хозяйства) преобразовывается кооперацией.

Еще существеннее влияние кооперативной организации на строй производства в некоторых формах трудовой производительной кооперации, например в арендных товариществах. Тут мы видим очень сложную комбинацию единоличного и общественного производства. Единоличное производство помещено в ткань общественного и невозможно вне этой связи, само распределение земельных участков между отдельными хозяевами производится общественной группой, которая многие процессы производства (например, молотьбу хлеба, а также разного рода мелиорации и т.п.) производит общими силами.

Полное поглощение индивидуального сельскохозяйственного производства общественным возможно только в производительной артели. Но производительные артели в земледелии имеют не большее распространение, чем в промышленности, т.е. практически никакого. Правда, в Италии имеются довольно сильные арендные товарищества с общей обработкой земли. Но, как было выяснено в главе об артелях, эти артели отнюдь не могут считаться самостоятельными хозяйственными предприятиями и служат целям совершенно иного рода — давать подсобный заработок сельскохозяйственным рабочим, временно потерявшим работу в обычном капиталистическом сельском хозяйстве. Артели эти являются, следовательно, одной из форм помощи безработным и не преследуют самостоятельных хозяйственных целей, являясь вспомогательной организацией при рабочих союзах.

Таким образом, следует без всяких ограничений признать, что крестьянская кооперация ни малейшим образом не разрушает крестьянского хозяйства и не превращает его из индивидуального в коллективное. Какое бы широкое распространение ни получила в крестьянской среде кооперация и как бы ни развилась вглубь, она не может ослабить

крестьянского хозяйства. Наоборот, кооперация имеет тенденцию укреплять крестьянское хозяйство, ибо развитие различных форм кооперативной самопомощи приводит к тому, что стоящая в центре, их крестьянская ячейка получает новые источники силы.

В этом существенное различие между крестьянской и пролетарской кооперацией. Пролетарская кооперация, выразителем которой является пролетарское потребительское общество, создает новую хозяйственную систему и в своем естественном развитии совершенно разрывает с существующими хозяйственными формами. Если бы мы предположили, что потребительское общество охватило все население страны и заменило капиталистические предприятия, то получился бы хозяйственный строй, вполне совпадающий с одной из форм социалистического строя, с так называемым коллективизмом. Совсем иной характер имеет крестьянская кооперация. Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация достигла своего логического завершения и охватила все те стороны крестьянского хозяйства, на которые она в большей или меньшей степени оказывает влияние и теперь, то получилось бы хозяйство, конечно, глубоко отличное от изолированного крестьянского хозяйства недавнего времени, до появления кооперативных организаций, но, как бы глубоко ни было влияние кооперации на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьянским и отнюдь не стало бы социалистическим, ибо в основе его по-прежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда.

Отсюда, однако, не следует, что крестьянская кооперация по своему существу враждебна социализму: современный социализм отнюдь не требует уничтожения крестьянской собственности и замены крестьянского труда на своем поле обработкой земли обширными общественными группами. Большинство представителей современного социализма (включая сюда и таких ортодоксальных марксистов, как Карл Каутский) признает, что даже в пределах социалистического государства крестьянское хозяйство может сохраняться благодаря существенно иным техническим условиям производства в сельском хозяйстве и промышленности. Не выставляя требования уничтожения крестьянской собственности, социалисты могут являться защитниками и крестьянской кооперации, которая, несомненно, поддерживает крестьянское хозяйство.

Но, с другой стороны, крестьянская кооперация отнюдь не должна неизбежно, по своему внутреннему существу, относиться дружелюбно к социализму. Современный социализм и крестьянская кооперация идут не противоположными, но разными путями. Поэтому между социализмом и крестьянским кооперативным движением возможны самые различные отношения — как дружеские, так и враждебные.

И мы это наблюдаем в действительности. В некоторых странах социалистическое движение оказывает сильное влияние на крестьянскую кооперацию и до известной степени созидает ее. Это мы видим, например, в Италии, где некоторые интересные формы крестьянской кооперации (как, например, коллективные аренды) создались под непосредственным влиянием социалистической партии (хотя в той же Италии мы наблюдаем наряду с социалистическими крестьянскими кооперативами крестьянские кооперативы, находящиеся под влиянием клерикалов и реакционных партий). Напротив, в других странах, как, например, в Германии, Бельгии и отчасти Франции, крестьянская кооперация находится под

влиянием реакционных политических партий и относится враждебно к социалистическому движению.

Но какую бы позицию по отношению к социализму ни занимала крестьянская кооперация, она делает свое дело не только поднятия экономического уровня крестьянского хозяйства, но и глубокого его преобразования. Она воспитывает нового крестьянина, приучает его к самостоятельности и самопомощи, развивает его общественные чувства и приобщает его к умственной культуре. Это с одной стороны, со стороны влияния кооперации на личность крестьянина. Что же касается до самого крестьянского хозяйства, то под влиянием кооперации оно становится также иным: вместо прежней изолированности кооперация создаст мощные общественные связи между крестьянскими хозяйствами не только одного села, но через посредство союзов и всей нации. Крестьянское хозяйство хотя и остается индивидуальным, но в то же время общественно урегулированным, и в этом заключается новый тип крестьянского хозяйства, который создается кооперацией.

Глава VII. Крестьянская кооперация в России

1. Условия возникновения крестьянской кооперации в России

Русская крестьянская кооперация представляет собой нечто весьма своеобразное. С одной стороны, ни в какой другой стране мы не наблюдаем такого стремительного роста кооперативов и числа их членов. Хотя в октябре 1915 г. наша кооперация отпраздновала свой пятидесятилетний юбилей (22 октября 1865 г. был утвержден устав первого в России ссудо-сберегательного товарищества), тем не менее наше кооперативное движение приобрело серьезное общественное значение совсем недавно. Более или менее значительный размах оно принимает только после революции 1905 г. и, таким образом, насчитывает не более десяти лет быстрого роста. Если сравнить число кооперативов в начале века с тем, сколько их имелось накануне революции, то как не поразиться быстроте развития нашей кооперации!

Общее число кооперативов в России

Тип кооперативов / обществ	1 января 1901-1902 гг.	1 января 1917 г.
Кредитные кооперативы	837	16 055
Потребительские общества	600	20 000
Сельскохозяйственные общества	137 (малого района)	6 032
Сельскохозяйственные товарищества	?	2 100
Маслодельные артели	51	3 000
Кустарные и иные артели	—	—
Итого	1 625	47 187

Число членов в этих 47 тысячах кооперативов точно установить не легко. Известно только число членов в кредитных кооперативах, в которых, по официальному подсчету, было к 1 января 1917 г. 10 478 000 членов. Общее число членов наших кооперативов можно было принять к началу 1917 г. в 16 млн. чел. Правда, некоторое число членов участвует одновременно в нескольких кооперативах, но все же общее число семейств,

принадлежащих к кооперативам (как общее правило, от семьи участвует в кооперативе только одно лицо), должно было быть, по всей вероятности, около 14 млн. Принимая среднюю семью члена кооператива около 6 человек (как показали специальные обследования, в кооперативах участвуют преимущественно многосемейные крестьяне), получаем, что всего участвовало в кооперативах около 84 млн. чел., т. е. немногим более половины всего населения России.

И если вспомнить, что все это движение едва насчитывает одно десятилетие своего роста, то достигнутые результаты не могут не показаться грандиозными. По числу кооперативов и членов в них Россия занимает в настоящее время, безусловно, первое место во всем мире.

При этом нужно иметь в виду, что до революции наша кооперация была главным образом крестьянской. Городская кооперация была развита у нас накануне революции сравнительно слабо и охватывала собой не более 6-8 тыс. потребительских обществ и кредитных кооперативов (почти исключительно ссудо-сберегательные товарищества).

Эти удивительные успехи крестьянской кооперации в России кажутся отнюдь не согласующимися с обычным представлением о русском крестьянине как об общественном элементе, не проявлявшем больших способностей к самостоятельности и социальному творчеству.

Однако приведенные цифры не должны приводить к преувеличенному представлению о значении русской кооперации. Мы не должны упускать из виду, что русская кооперация до революции была глубоко отличной от кооперации на Западе.

Западно-европейская кооперация возникла или без всякой помощи государства или же если государство и оказывало поддержку кооперативному движению, то, во всяком случае, не государство ее создавало. Наша кооперация в самой значительной своей части — именно кредитная кооперация — была почти целиком насаждена государством.

Как это будет выяснено ниже, быстрый рост наших кредитных товариществ должен быть почти всецело отнесен на счет деятельности чиновников Государственного банка — инспекторов мелкого кредита. И поэтому грандиозные цифры наших кооперативов не должны были внушать друзьям нашего кооперативного движения слишком много энтузиазма. Очень и очень немногие из этих десятков тысяч кооперативов были действительно кооперативами по своему внутреннему содержанию.

2. Кредитная кооперация

Наибольшее распространение у нас имеют кредитные кооперативы. Из 16 млн. членов наших кооперативов на долю кредитной кооперации приходилось у нас свыше 10 млн. членов.

Кредитные кооперативы у нас двух типов — так называемые ссудо-сберегательные товарищества и кредитные товарищества. Первых к 15 октября 1917 г. считалось по

официальным данным 4373, вторых — 12 114.

Хотя ссудо-сберегательных товариществ, таким образом, гораздо меньше, чем кредитных, они возникли гораздо раньше вторых. Кредитная кооперация ведет у нас свое начало от Рождественского товарищества в селе Дороватове, устроенного в 1866 г. Лугининым⁷⁴. Товарищество это было попыткой приспособить кредитный кооператив типа Шульце к условиям русской деревни. Краткая история первых попыток насаждения в России кредитной кооперации будет ниже, в разделе о мелкобуржуазной кооперации. Основной грех этих первых попыток насадить в России крестьянскую кооперацию заключался в том, что ссудо-сберегательные товарищества не были приспособлены к условиям русской деревни уже потому, что они были построены на основе паевого капитала, между тем как при бедности русского крестьянина требование пая делало невозможным участие в товариществе рядового крестьянина. И до настоящего времени ссудо-сберегательные товарищества распространены преимущественно не среди крестьянства коренной России, а среди неземледельческих слоев населения или же на более зажиточных окраинах России. Сильные ссудо-сберегательные товарищества имеются среди еврейского населения, затем в Королевстве Польском и в Прибалтийском крае. Главная же масса крестьянских кредитных кооперативов совершенно иного типа — в виде кредитных товариществ.

Кредитные товарищества созданы у нас законом 1895 г., установившим им тип. Они отличаются от ссудо-сберегательных товариществ в принципиальном отношении: они не имеют паевого капитала и этим воспроизводят в русских условиях тип райффай-зеновского кредитного товарищества. По отношению к вопросу о паевом капитале русские кредитные товарищества стоят даже более строго на райффайзеновских принципах, чем их германский образец, ибо в Германии, как было выше указано, закон не разрешает кооперативов без паевого капитала, почему райффай-зеновские кооперативы принуждены иметь свой паевой капитал, между тем как русские кредитные товарищества действительно никакого паевого капитала не имеют. Откуда же кредитные товарищества в России черпают необходимый все же для начала дела капитал? В Германии первые райффайзеновские кооперативы были основаны на благотворительной основе и получали нужные денежные средства от местных состоятельных людей — помещиков, пасторов и пр.; когда же кооперация достигла значительного развития, то вновь возникающие кооперативы стали получать денежные средства для начала дела из союзных кооперативных организаций — центральных касс Имперского банка, а также из государственной Прусской центральной кассы кооперативных товариществ.

В России сложилось существенно иное положение. Кредитные товарищества возникли у нас по инициативе не помещиков и иных зажиточных элементов деревни, но по инициативе государственной власти, которая, естественно, и позаботилась о снабжении кредитных товариществ необходимым им капиталом. Кредитные товарищества получают у нас средства для начала дела заимообразно от Государственного банка.

Оказывая денежную поддержку кредитным товариществам, государство, естественно, подчинило товарищества и своему контролю. В 1904 г. было образовано при Государственном банке особое Управление по делам мелкого кредита, с обширным штатом инспекторов мелкого кредита, причем эти чиновники должны были следить за

деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. Товарищества были во всех важнейших своих действиях подчинены Управлению по делам мелкого кредита и его местных чинов. На инспекторов мелкого кредита было возложено оказание содействия при устройстве учреждений мелкого кредита, поставленных под всестороннюю опеку инспекторов.

Со времени 1904 г. правительственная власть в лице Управления по делам мелкого кредита начинает систематически стремиться к насаждению в нашей деревне кредитных товариществ. Для этой цели ассигновываются из государственных средств десятки миллионов рублей на кредитование кредитных товариществ. При деятельной поддержке государства кредитные товарищества действительно достигают весьма значительного развития. В дополнение к средствам, получаемым в ссуду из Государственного банка, они собирают значительные собственные капиталы и привлекают еще более значительные капиталы со стороны в виде вкладов. К 1 января 1916 г. пассив кредитных товариществ выражался следующими крупными цифрами:

	В млн руб.
Средства собственные	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Займы из государственных средств	95,5

Хотя по развитию своих денежных оборотов наши кредитные товарищества далеко уступают германским, все же около 800 млн. руб. капитала, которым они располагали, являлись суммой далеко не незначительной. Государство, несомненно, достигло своей цели — создать в русской деревне доступный крестьянину мелкий кредит. Вопрос только в том, чем были наши кооперативные по форме учреждения мелкого кредита — действительно кооперативами или только вспомогательными учреждениями Государственного банка?

Что касается ссудо-сберегательных товариществ, число которых в деревнях сравнительно невелико, то они могли бы безусловно считаться настоящими кооперативами, если бы действовали сколько-нибудь нормально. Но среди ссудо-сберегательных товариществ, действующих в русской деревне, только незначительная часть живет нормальной жизнью; остальные же находятся в упадке по тем или иным причинам. Поэтому когда приходится говорить о нашей крестьянской кредитной кооперации, то нужно иметь в виду почти исключительно кредитные товарищества.

Относительно же кредитных товариществ сомнения в их кооперативности были вполне обоснованы. Даже с точки зрения формально-правовой их трудно было считать кооперативами в полном смысле слова. По мнению составителей проекта нового гражданского уложения, «кредитные товарищества представляются не столько частными товариществами, основанными на кооперативном начале с целью содействия кредиту своих членов, сколько своеобразным способом организации мелкого кредита, оказываемого Государственным банком».

И действительно, степень самостоятельности членов кредитного товарищества была чрезвычайно ограничена: в лице инспектора мелкого кредита каждое товарищество имело начальника или, точнее, опекуна, руководившего почти каждым шагом товарищества. Собственный капитал товарищества в большинстве случаев выражался незначительной суммой сравнительно с тем капиталом, который товарищество получило в ссуду из Государственного банка. Огромное большинство членов товарищества не принимало почти никакого участия в руководительстве товариществом, контролировавшимся фактически отнюдь не членами товарищества, а стоявшими вне его правительственными чиновниками. Для среднего члена кредитного товарищества последнее имело интерес лишь постольку, поскольку оно могло выдать ему требуемую ссуду. Если ссуда возвращена обратно, то крестьянин обычно считал, что связь его с товариществом порвалась. Общие собрания членов бывали редко и посещались плохо. Во многих товариществах благодаря их сравнительно крупным размерам место общего собрания членов заступали собрания уполномоченных; в этом случае связь рядового члена с жизнью товарищества была еще более слабой и ограничивалась выбором уполномоченных.

Вообще, относительно среднего кредитного товарищества смешно было и говорить о самостоятельности его членов, а следовательно, в таком товариществе не имелось и истинной кооперативной жизни. Все это было бесспорно, и все же кредитные товарищества сыграли огромную роль в кооперативном пробуждении России.

Обычная история русского кредитного товарищества была такова. В начале это было учреждение, возникшее по инициативе инспектора мелкого кредита или кого-либо другого со стороны. Члены его нисколько им не интересовались и видели в нем только источник получения ссуды, причем в первое время эти ссуды получались из капиталов, ссуженных государством.

Однако чем дольше существовало товарищество, тем сильнее становилось его воспитательное воздействие на его членов. Сначала начинает сознательно относиться к делам товарищества небольшой кружок лиц из числа его непосредственных руководителей. Затем этот кружок все расширяется, товарищество начинает вести более сложные операции, все более прививается на местной почве и все более втягивает в круговорот своих интересов крестьян того же села. Товарищество начинает поддерживать своими капиталами другие товарищества — уже несомненно кооперативного типа — как местное потребительское общество, сельскохозяйственное общество, товарищество по закупке и сбыту и т.д. Мало-помалу накапливается собственный капитал товарищества, и оно начинает жить самостоятельной кооперативной жизнью, освобождаясь от зависимости от Государственного банка.

Таков был обычный и вполне естественный ход развития кредитного товарищества. В начале его деятельности оно никаких кооперативных элементов в себе не заключало. Но чем дальше, тем более проникается его жизнь кооперативными элементами и в конце концов товарищество становится истинным кооперативом. Кооперативная форма товарищества наполняется действительным кооперативным содержанием.

Конечно, невозможно с полной определенностью сказать, что представляли собой десятки тысяч кредитных товариществ, которые существовали в русской деревне. Во всяком случае, можно быть уверенным, что среди них имелись товарищества на всех ступенях кооперативного развития — от товариществ, не имевших в себе никаких элементов истинной кооперации, до настоящих кооперативов, живших полной кооперативной жизнью, ничуть не менее кооперативов Запада. И, что самое важное, ясно, что число кооперативов первого рода относительно все сокращалось, а число кооперативов последнего рода быстро росло. Кооперативное сознание проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик.

Какова же социальная среда нашей кредитной кооперации? В этом отношении следует прежде всего отметить, что в связи с иным происхождением нашей кооперации влияние помещичьего элемента в ней гораздо слабее, чем, например, в Германии. Это может быть иллюстрировано до некоторой степени и статистическими данными. Кооперативная секция Киевской всероссийской выставки 1913 г. провела анкету среди кредитных кооперативов, на которую откликнулось 1322 товарищества. Согласно этой анкете оказалось, что по образовательному уровню состав правления и совета в ответивших кредитных и ссудо-сберегательных товариществах имеет следующий вид (в процентах):

Группа	Высшее образование (%)	Среднее образование (%)	Низшее образование (%)	Неграмотные (%)
Правление	2,7	11,2	85,5	0,7
Совет	4,2	10,5	83,5	1,8

На долю лиц с высшим и средним образованием приходилось только 13,9 % членов правления и 14,7 % членов совета. По всей вероятности, все помещики входили в эту группу; но, очевидно, в эту группу входили и многие другие лица, кроме помещиков, — лица либеральных профессий, народные учителя, священники, фельдшера и т.д. Таким образом, можно думать, что в составе правления и совета помещики играли роль совершенно незначительную.

Наша крестьянская кооперация находилась вне влияния помещичьего класса. Это и неудивительно, так как отношения между помещичьим и крестьянским классами в России не имеют ничего общего с тем, что мы наблюдаем, например, в Германии, где оба класса стоят в тесном политическом союзе.

Труднее решить вопрос относительно того, какие именно элементы крестьянства входили в состав кредитных товариществ. Общих данных этого рода относительно всей России не имеется, приходится довольствоваться данными относительно отдельных районов. В отчете Управления по делам мелкого кредита за 1904 г. имеются сведения об обеспечении членов кредитных товариществ лошадьми. Эти сведения могут быть сравнены с данными относительно обеспечения лошадьми крестьянского населения в тех губерниях, в которых в том же 1904 г. была произведена конская перепись. Таким образом, возможно сравнение в отношении обеспечения лошадьми всего крестьянского населения и членов кредитных

товариществ в 3 губерниях: Херсонской, Таврической и Екатеринославской. С. Н. Прокопович дает на основании этого сопоставления следующие данные (в процентах):

Категория двора	Кредитные товарищества (%)	Все крестьянское население (%)
Безлошадные	12,2	32,8
1 лошадь на двор	8,8	8,2
2 лошади на двор	48,6	34,0
3 лошади на двор	19,7	15,4
5 и более лошадей на двор	10,7	9,6

Легко заметить, что в кредитных товариществах сравнительно мало представлена группа деревенской бедноты — безлошадных крестьян. Наоборот, группа двухлошадных крестьян представлена значительно сильнее, чем в массе крестьянского населения. Группа зажиточных крестьян, имеющих 3 лошадей и больше, представлена также сильнее, чем в остальном населении, хотя тут перевес и не так значителен, как при сравнении групп двухлошадных.

Исходя из этого, следует заключить, что кредитные товарищества привлекают преимущественно крестьян средней состоятельности — трудовое крестьянство, ведущее самостоятельное сельское хозяйство и стоящее выше сельского пролетариата. Пролетаризированное крестьянство лишь в ограниченной степени участвует в кредитных товариществах, а более зажиточное крестьянство занимает в кредитных кооперативах следующее место за средними крестьянскими группами.

Но «лошадность» крестьянских групп является очень неточным показателем степени их экономической зажиточности. Детальный анализ сравнительного уровня экономического положения членов кредитных товариществ и остального крестьянского населения дан Г. Красильниковым на основании земской переписи членов кредитных товариществ в Уфимской губернии в 1911 г.

Сравнение это приводит к следующим результатам. Во-первых, оказалось, что в товариществах участвуют крестьяне со значительно большим семейным составом, чем семьи крестьян, не участвующих в товариществах. Это указывает на большую экономическую силу членов товарищества (как общее правило, у более зажиточных групп крестьянского населения семья имеет больший состав).

Лучше всего характеризуется экономическое положение крестьянского двора площадью его посева. В этом отношении уфимское обследование дало следующие результаты:

Из 100 дворов	Все крестьянское население	Товарищества
Не сеют	0	5
Сеют до 2 десятин	21	12

Из 100 дворов	Все крестьянское население	Товарищества
Сеют от 2 до 10 десятин	56	64
Сеют свыше 10 десятин	13	19

Несеющие крестьянские группы участвуют в кредитных товариществах в два раза менее, чем эта группа представлена во всем крестьянском населении. В товариществах преобладают крестьянские группы со средним размером посевной площади, за ними идут крестьяне с большими посевами.

Точно так же и скотом члены кредитных товариществ обеспечены значительно лучше, чем крестьянская масса.

Судя по этим данным, можно было бы думать, что кредитные товарищества имеют тенденцию замыкаться в среде более состоятельного крестьянства. Однако это не так. Г. Красильников приводит следующую таблицу:

На 100 дворов членов кредитных товариществ в Уфимской губернии находилось на 1 января:

Категория хозяйства	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Безлошадные	2	3	3	4	4
С 1 лошастью	16	25	27	27	28
С 2 лошадьми	29	31	32	31	32
С 3-4 лошадьми	34	29	26	27	25
С 4 лошадьми	19	12	12	11	11

Эта таблица показывает, что первоначально кредитные товарищества захватывают более состоятельных крестьян. Но по мере укрепления товариществ в состав их входят и более бедные крестьяне. За 5 лет процент безлошадных в уфимских товариществах возрос в два раза, а процент крестьян, имеющих более четырех лошадей, понизился более чем на треть. «Создаваясь сначала по преимуществу среди зажиточных элементов деревни, — говорит Г. Красильников, — уфимская кооперация постепенно всасывала в себя и хозяйства, менее экономически состоятельные, и в результате основным ядром ее оказывался крестьянин-середняк, который и составляет собой так называемую народную массу».

Точно так же и обследование Никольского кредитного товарищества в Раненбургском уезде Рязанской губернии привело к выводу, что «в своей работе кооператив естественно стремится к средним по хозяйственному положению группам крестьянства. Для кредитной кооперации эти средние группы и выше средних являются нормальной средой».

Таким образом, по общему мнению исследователей, кредитная кооперация служит у нас интересам прежде всего среднего трудового крестьянства, имеющего свое хозяйство и

обрабатывающего свою землю.

Мы видели, что по условиям своего возникновения русская крестьянская кооперация не имела ничего общего с германской. И в других отношениях русское кредитное товарищество глубоко отличалось от райффайзеновского товарищества Германии.

Первым и самым важным различием является то, что наши товарищества самым грубым образом расходятся с принципом локализации. Средние размеры нашего кредитного товарищества значительно превосходят германские: в то время как в Германии преобладают товарищества с числом членов менее 100, у нас совсем нет товариществ, в районе которых число дворов было бы не менее 100. Наиболее распространенным у нас типом являются товарищества, в районе которых от 1000 до 2000 дворов. Наряду с этим у нас имеются товарищества еще гораздо более крупные. В среднем на одно товарищество у нас приходилось в 1916 г. 682 члена.

Легко понять, какое огромное значение в жизни наших товариществ имеет столь значительный их размер. Охватывая собой иногда обширную территорию со множеством сел, деревень и хуторов и включая тысячи членов, товарищества наталкиваются на многообразные трудности в осуществлении своего прямого дела — организации кредита для малоимущей массы крестьянского населения. При большом районе правление товарищества не имеет никакой возможности знать своих членов, и при определении их кредитоспособности правлению приходится руководствоваться внешними формальными признаками — обычно количеством земли, которым располагает заемщик. Но так как этот признак далеко недостаточный, а к тому же при существовавшем у нас законодательстве взыскание долгов с крестьянина было чрезвычайно затруднительно, ибо крестьянская наделная земля, равно как и движимое имущество крестьянина, необходимое для существования, не могли быть продаваемы за долги, то товарищество, отказывая в кредите всем более бедным своим членам, в то же время подвергалось большому риску потерять свои деньги. При крупном районе товарищества неизбежны большие расходы членов отдаленных селений на проезд к товариществу; эти расходы по поездке иногда значительно повышают сумму, в которую обходится должнику получение кредита из товарищества. Далее, при крупном районе для товарищества невозможно контролировать употребление ссуды и отсутствует то давление общественного мнения села на каждого члена, которое играет такую важную роль в обеспечении исправного возврата ссуды. Более близкие села к месту помещения правления получают при этом естественное преимущество перед более отдаленными, почему, как общее правило, в крупных товариществах процент крестьян, принимающих участие в товариществе, тем менее, чем данное село более удалено от места пребывания правления.

Не менее важна и следующая сторона дела. Мелкое товарищество имеет характер более чистого кооператива, чем крупное. Действительно, в крупном товариществе силой вещей невозможны общие собрания членов (как собрать в одно место несколько тысяч человек?), и их заступают собрания уполномоченных. Но при этом рядовой член товарищества совершенно отстраняется от контроля за деятельностью правления, неестественно, утрачивает интерес к своему товариществу. О кооперативном воспитании в этом случае не может быть и речи.

Поэтому крупные товарищества уклоняются от кооперативного типа в сторону обычных банков и нередко начинают в обход своего устава заниматься разного рода спекуляциями, так как размещение среди членов скопляющихся у таких товариществ в значительном количестве вкладов весьма затруднительно. Многие из таких товариществ ссужают своими деньгами разные местные учреждения и в конце концов подвергают серьезному риску свои вклады. Напомним, что и в Германии крушение Имперского кооперативного банка произошло в связи с ликвидацией некоторых крупных товариществ, которые уклонялись от райффайзеновского принципа локализации и благодаря этому должны были прибегнуть к рискованным спекуляциям.

Почему же наши товарищества имеют столь крупный район? Для этого существуют разнообразные причины.

Прежде всего это вызывается недостатком в русской деревне лиц, способных руководить хотя бы и весьма несложным хозяйством товарищества. Поэтому, где такие лица явились и дела товарищества пошли хорошо, там товарищество, естественно, растет и захватывает в круг своих операций все больший и больший район. Новые товарищества не возникают, так как для руководства ими не находится достаточно знающих и способных лиц.

Поэтому до последнего времени мы замечали, что, как общее правило, товарищества становились все крупнее и крупнее; несмотря на огромное увеличение числа товариществ, число членов в них росло еще более.

Существенным препятствием к возникновению у нас мелкорайонных кредитных товариществ являлась и слабость у нас кооперативных союзов. Мелкое товарищество может быть сильным, только опираясь на союз. Пока же у нас союзов было мало или же они были очень слабы, единственным средством увеличения экономической силы товарищества было увеличение числа его членов. Нередко крупные товарищества фактически начинали играть роль союзов товариществ; такую эволюцию претерпело, например, одно из очень крупных товариществ юга России — Лохвицкое кредитное товарищество, которое распространило свои операции на весь уезд, натолкнулось при этом на разнообразные трудности в размещении своих вкладов и должно было значительную часть их разместить между другими товариществами уезда.

Из этого основного отличия наших кредитных товариществ от райффайзеновского типа (нарушения ими принципа локализации) вытекали и другие. Так, наши товарищества отнюдь не придерживались другого райффайзеновского принципа — бесплатности труда членов правления и совета. Как общее правило, члены правления и совета получали у нас известное вознаграждение, причем, по киевской анкете, среднее вознаграждение председателя правления (для всех товариществ) почти достигало трехсот рублей. Затем, наши товарищества очень редко построены на начале неограниченной ответственности — обычно ответственность составляет некоторое кратное число по отношению к открываемому данному члену кредиту. Нередко один член участвует в нескольких товариществах, хотя это и запрещается уставом. Все это было неизбежным спутником малой кооперативности наших товариществ, не связанных тесными узами с определенной ограниченной группой крестьянского населения.

В общем, наши кредитные товарищества были весьма своеобразным типом кредитного учреждения. Но, как нужно думать, по мере развития нашей кооперации или, точнее, по мере того, как кредитные товарищества будут больше и больше приближаться к действительной кооперации, они будут приближаться и к райффайзе-новскому типу. Крупнорайонность наших товариществ неизбежно должна отпасть с дальнейшим ростом их числа: подъем деревни поведет к тому, что каждое село пожелает иметь свое кредитное товарищество, что при развитии союзных организаций не встретит затруднений.

Влияние кредитных товариществ на экономическое положение деревни нельзя учесть статистически, но оно, несомненно, очень велико. Наиболее наглядно значение товариществ как удачного конкурента ростовщичества, составляющего старинную язву нашей деревни. Анкета, которую произвело Московское земство среди ссудо-сберегательных и кредитных товариществ в 1911 г., дала следующие результаты. Шесть товариществ ответили, что сокращения ростовщичества не было заметно в связи с особым развитием операций самих товариществ; 5 товариществ ответили, что в их районах и раньше не было ростовщичества; 37 товариществ заявили, что вследствие их деятельности ростовщичество, процветавшее раньше в их районах, или совершенно исчезло, или значительно сократилось.

Вот для примера некоторые из отзывов товариществ, заимствуемые из московского земского сборника «Кредитные и ссудо-сберегательные товарищества» (1911 г.).

Спасо-Нудольское товарищество пишет: «ростовщики совсем перевелись». Правлением совета Петровского кредитного товарищества «констатируется полное прекращение ростовщичества лавочников, трактирщиков и пр.». Васильевское: «местное ростовщичество заметно уменьшилось». Авдотьинское пишет об отсутствии теперь «клиентов у ростовщиков, что последними в частных разговорах неоднократно высказывалось». По словам Онуфриевского товарищества, «открытие товарищества совсем убило ростовщичество; если и берут они процент, то одинаковый с товариществом».

По словам Рудневского товарищества, «деятельность ростовщиков совершенно подорвана. Лица, занимавшиеся снабжением нуждающихся деньгами за высокие проценты, теперь сами вносят вклады в товарищество. Товарищество в сем году выяснило и другие результаты своей деятельности, именно: уменьшилось число безлошадных крестьян в волости, а также заметно улучшение хозяйства и вообще — в других отраслях».

«Местное ростовщичество упало, — пишет Петровское ссудо-сберегательное товарищество, — местные ростовщики хотя и дают деньги в долг, но за те же проценты, что и товарищество». Иногда они пользуются лишним процентом, когда товарищество не даст члену больше определенного уставом кредита. За последнее время заметно, что ростовщики охотнее несут свои деньги в то же товарищество, потому что деньги, раньше даваемые в заем, остаются свободными.

По словам Зюзинского товарищества, теперь у ростовщиков «проценты уменьшились наполовину: они стали взимать 12 % годовых и не свыше 15 в редких случаях, когда рискуют неуплатой в срок или совсем отказом от платежа».

«Благодаря деятельности товарищества, — пишет Звенигородское товарищество, — для ремесленников, кустарей и земледельцев открывается возможность обходиться без кредита частных лиц, скупщиков товара и т.д., обходящихся всего дороже. Пользование кредитом частных лиц сократилось очень сильно. Положение лиц, занимающихся промыслом разного рода, облегчилось, так как имеется возможность делать более крупные хозяйственные заготовки (материал, скот), выжидать лучшие цены».

Наконец, Зятьковское товарищество сообщило следующее: «Благодаря деятельности товарищества экономическая жизнь населения заметно улучшается. Получивши деньги в товариществе, член покупает себе домашний скот или же дешевле, чем в долг, покупает предметы для своего промысла, более свободен от ростовщичества при покупке и продаже своих изделий. Отсюда ясно, что у товарища остается часть денег, которую он расходует или на пополнение домашнего хозяйства, на расширение своих оборотов в промысле, или делает сбережения на всякий случай».

На то же указывают сведения и из других мест. Так, в районе известного Дзенгелевского товарищества (Киевская губерния) местные ростовщики должны были прекратить свои операции и стали вкладчиками товарищества. То же указывается и относительно Уфимской губернии. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии, по словам г. Мавричева, ростовщичество почти исчезло, а ростовщики стали вкладчиками товарищества. Этот переход прежних ростовщиков в число вкладчиков товарищества, давая товариществу необходимые для него денежные капиталы, имеет, по справедливому мнению Б. А. Фроммета, и свои опасные стороны. Ростовщики стремятся приобрести влияние на ход дела в товариществах и нередко этого достигают, становясь членами его правления. Будучи заинтересованы в повышении процента по вкладам, они стремятся держать и процент по ссудам на высоком уровне (например, на 12 % годовых — вообще, проценты по ссудам в наших кредитных товариществах стоят сравнительно с тем, что мы видим в Германии и других странах, на очень высоком уровне) и вообще использовать товарищество в своих личных торговых или иных экономических интересах.

По свидетельству «Вестника мелкого кредита», «обычно при возникновении товарищества против него восстают благодетели деревни, инстинктивно чувствуя в нарождающейся организации личного своего врага и соперника. Обычно вначале пускаются в ход всякого рода нелепые слухи и запугивания, а когда это не действует, то все эти благодетели спешат пристроиться к новому делу и нередко попадают в правления и советы, стараясь провести в состав правления подходящих подручных людей, и притом таких, чтобы на первых же порах умалить значение учреждения в глазах темного населения, помешать его развитию или, наконец, выжать из него что-либо в свою пользу. Такой план деревенских богатеев часто проводится незаметно для темного люда, который считает это неизбежным злом. В других — около товарищества возникает серьезная партийная борьба». Но, конечно, все эти попытки ростовщиков захватить в свои руки кредитные кооперативы могут иметь успех лишь при слабом развитии кооперативного духа и должны прекратиться при дальнейшем развитии нашей крестьянской кооперации.

3. Потребительская кооперация

Если относительно многих кредитных товариществ были вполне обоснованны сомнения в их кооперативное™, то за последние годы перед революцией у нас быстро росли уже несомненные кооперативы. Так, нельзя было сомневаться в кооперативное™ наших деревенских потребительских обществ, число которых росло у нас почти таким же темпом, как и кредитных товариществ. К 1 января 1917 г. у нас насчитывалось около 20000 потребительских обществ, из которых около 15000 обществ было в деревне. По числу потребительских обществ Россия занимает во всем мире первое место, далеко оставляя позади себя даже Великобританию. Но, конечно, отсюда не следует заключать, что наша потребительская кооперация стоит выше английской. Наши потребительские общества, хотя и велики по своей численности, были очень слабы экономически, большинство из них очень небольших размеров, не идет в этом отношении ни в какое сравнение с английскими. В Англии потребительские общества существуют в городах, у нас же преимущественно в деревне.

В противность тому, что мы видим по отношению к кредитной кооперации, правительственная власть не только не насаждала в нашей деревне потребительских обществ, но задерживала их развитие как общими неблагоприятными условиями нашей общественности, так и неразрешением союзов потребительских обществ, в чем настоятельно нуждается потребительская кооперация не менее всякой иной. При небольших же размерах наших потребительских обществ союзное объединение для них особенно важно.

Среднее число членов в нашем потребительском обществе было всего около 150, но так как сюда входят как деревенские, так и городские потребительские товарищества, то среднее число членов в деревенском потребительском обществе должно было быть совсем незначительным. Общая численность членов потребительских обществ достигала в начале войны приблизительно 1,5 млн. чел. Сравнительно с общей численностью нашего населения эта цифра, конечно, не была велика, и по отношению к интенсивности развития нашей потребительской кооперации мы не только не занимали первого места, как по отношению к общей численности потребительских обществ, но занимали едва не последнее место в Европе. Тем не менее, если вспомнить неблагоприятные общественные условия, при которых приходилось развиваться нашей кооперации, то полтора миллиона членов потребительских кооперативов покажутся числом не только значительным, но даже огромным.

Чем же объяснялся этот быстрый рост в нашей деревне уже несомненной кооперации? Прежде всего слабым развитием в русской деревне капиталистической торговли. Деревенский лавочник занимает у нас монопольное положение и, пользуясь этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров. При таком положении дела даже очень слабое потребительское общество может с успехом конкурировать с лавочником. И действительно, мы видим, что устройство в деревне потребительского общества обычно приводило к очень значительному понижению цен. Так, в Киевской губернии обследованием 160 обществ установлено, что понижение цен на товары достигло 5-25 %. В других районах понижение цен благодаря появлению потребительских обществ выражается еще более крупными цифрами: например, в Пермской губернии цены на многие товары упали под влиянием потребительских обществ на 3 % и более, в Новгородском уезде цены упали по

той же причине на 30-40, в Крестец-ком уезде — на 20-30 % и т. д., и т.д. Конечно, все подобные показания большой точностью не отличаются, но факт значительного понижения товарных цен при появлении в деревне потребительского общества не подлежит ни малейшему сомнению.

В то же время благодаря развитию денежного хозяйства в нашей деревне быстро растет за последнее время спрос на разнообразные продукты, которые можно получить лишь путем покупки; продукты эти крестьянин получал от местного лавочника по очень высокой цене. Что же удивительного, что, несмотря на все препятствия со стороны администрации и крайне низкий уровень кооперативного сознания, потребительские общества завоевывали нашу деревню?

Такова общая почва, благоприятствовавшая росту нашей деревенской потребительской кооперации. К этому присоединялась деятельность разного рода общественных учреждений, ставивших себе целью развитие кооперации. Важность этого второго фактора особенно наглядно обнаруживается тем, что относительное развитие потребительской кооперации в различных районах с очень близким хозяйственным характером нередко оказывается чрезвычайно различным.

Так, например, наибольшего развития потребительская кооперация достигала в начале войны в трех юго-западных губерниях, в которых число потребительских обществ достигло 1776, между тем как в находящихся в сходных условиях трех правобережных малороссийских губерниях при очень близкой общей численности населения число потребительских обществ было всего 801. В центральном земледельческом районе, при значительно большей численности населения, число потребительских обществ выражалось скромной цифрой — 370. Нельзя не согласиться с В. В. Хижняковым, который дает следующее объяснение этих, на первый взгляд непонятных различий.

“ «Кооперация, — говорит он, — у нас пока насаждается, а не вырастает сама путем самостоятельной инициативы населения. Вследствие некультурности населения и отсутствия у него необходимых навыков наша кооперация — еще нежный цветок, требующий приложения искусных рук и тщательного ухода за собой. Поэтому ее возникновение и успешное развитие стоят всецело в зависимости от наличия местных интеллигентных сил, увлеченных делом кооперации и способных ее взращивать и ею руководить. И так как теперь почва для этого взращивания благоприятна, — поскольку мы говорим о населении, уже ищущем новых путей для организации своего хозяйства и выхода из векового его застоя, — то труд интеллигентных работников, идущих навстречу возникшей потребности, оказывается при сколько-нибудь благоприятных внешних условиях благоприятным: кооперация множится и дает некоторые плоды. Поразительную разницу в преимущественном развитии то одной, то другой формы в губерниях близких между собою и даже в смежных уездах одной и той же губернии можно отнести в значительной степени на счет разницы в отношении к той или другой форме

со стороны местных учреждений и общественных деятелей, насаждающих кооперацию и направляющих местную инициативу в соответствующее их взглядам русло. И как в количественном отношении, так и в вопросе о том, какая кооперативная форма наиболее развивается, определяющую роль играют местные, часто совершенно случайные, условия: характер местного земства, направление деятельности местного центрального сельскохозяйственного общества, качество и кооперативные воззрения третьего элемента в земстве и деятелей местного общества».

Все это, конечно, так. Нужно только прибавить, что таково же было положение и в других странах в начале развития в них кооперации. В особенности это верно по отношению к деревенской кооперации. Крестьянское население вообще не отличается большой самостоятельностью и готовностью воспринимать новые формы хозяйства; поэтому везде пионерами в деле развития крестьянской кооперации являлись учреждения и люди, сами не принадлежавшие к крестьянской среде. В Германии такую роль сыграли помещики, духовенство, учителя. У нас — отчасти правительственные чиновники, отчасти же земство и интеллигенция, в особенности так называемый третий элемент — земские служащие.

4. Кооперация по закупке и сбыту

Весьма заметную роль в нашей деревенской кооперации играли сельскохозяйственные общества, которых у нас считалось накануне революции около 6000. Сельскохозяйственные общества отнюдь не всегда могут быть признаны кооперативами, ибо по своей первоначальной цели они должны быть прежде всего учреждениями культурно-просветительского характера. У более крупных сельскохозяйственных обществ этот характер их особенно выступает на первый план. Но мелкие сельскохозяйственные общества, членами которых являются крестьяне, обычно на первый план выдвигают задачи совершенно иного рода — чисто хозяйственные и становятся, таким образом, кооперативами с весьма сложными функциями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняет функции закупочного товарищества, оно приобретает для своих членов средства сельскохозяйственного производства: семена, орудия сельскохозяйственного производства и пр. К этому обычно присоединяются и функции производительно-подсобного кооператива: сельскохозяйственное общество владеет некоторыми сельскохозяйственными машинами, которые оно отпускает за плату для пользования своим членам и другим лицам; иногда общество владеет скотом — производителями (бык, кабан и т. п.). Наконец, сельскохозяйственное общество в некоторых случаях выполняет и функции кооператива по сбыту, беря на себя продажу тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

Правда, выполнению сельскохозяйственными обществами всех этих хозяйственных функций сильно препятствовал их устав, отнюдь для этого не приспособленный.

Сельскохозяйственное общество не имеет паевого капитала и потому лишено естественного хозяйственного базиса своих сложных операций. Тем не менее эти операции оно нередко

выполняет с большим успехом по отсутствию в деревне других кооперативных организаций, которые могли бы эти операции выполнять. В общем, сельскохозяйственные общества являются кооперативами, так сказать, на безрыбье, по отсутствию организаций, более приспособленных к названным целям.

Само собою разумеется, что вести операции по закупке должны бы такие организации, которые имеют определенный капитал, будет ли это паевой капитал или какого-либо иного происхождения. Кооперативами с паевым капиталом являлись, по терминологии нашего законодательства, сельскохозяйственные товарищества, которые именно этим признаком и отличались, по букве дореволюционного законодательства, от сельскохозяйственных обществ. Сельскохозяйственные товарищества начали распространяться у нас только в самое последнее время. Накануне революции их считалось 1650 самого разнообразного типа, как по закупке средств производства, так и по переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов.

Наибольшее значение среди товариществ по сбыту у нас имели кооперативные зернохранилища. Кооперативный сбыт хлеба обещает большие выгоды русскому крестьянству, принужденному продавать свой хлеб небольшими партиями и очень спешно под влиянием нужды в деньгах. Хлебные операции, требующие значительных денежных средств, получили развитие у нас при кредитных товариществах, что вполне естественно, так как при бедности нашего крестьянина и затруднительности собрать с крестьянского населения значительный паевой капитал только кредитный кооператив, располагающий значительными денежными средствами, может с успехом организовать сбыт крестьянского хлеба.

Согласно данным, приводимым Бородаевским в его книге «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбыт хлеба» (1912 г.), крестьяне даже в не особенно захолустных углах продавали хлеб скупщикам на 5 и даже 10 коп. дешевле цен в ближайшем крупном центре хлебной торговли. Кооперативные зернохранилища должны были избавить крестьянина от власти хлебного скупщика. Нельзя не признать, что именно при кредитных товариществах всего легче может быть организована кооперативная продажа хлеба. В пользу такой связи говорит и то, что на Западе (в Германии и Австрии) кооперативные зернохранилища обычно существуют не самостоятельно, но при кредитных кооперативах: причем ввиду сложности дела и необходимости для него крупных затрат целая группа кредитных кооперативов объединяется для устройства такого зернохранилища.

Наши кредитные кооперативы уже давно занимались хлебозалоговыми операциями, которые велись свыше чем 1000 кредитными кооперативами при помощи ссуд из Государственного банка. К маю 1913 г. было уже 498 мелких зернохранилищ, принадлежащих кредитным кооперативам, и несколько более крупных, принадлежащих целым группам объединившихся кредитных товариществ.

В последние годы до войны дело постройки сети как элеваторов в крупных центрах хлебной торговли, так и небольших зернохранилищ пытался взять в свои руки Государственный банк. Предполагалась планомерная постройка сети элеваторов и зернохранилищ, причем более крупные элеваторы должны были находиться в заведывании самого банка, а мелкие

зернохранилища, входящие в общую сеть, должны были сооружаться на средства Государственного банка, но находиться в пользовании учреждений мелкого кредита.

Элеваторы Государственного банка согласно предположениям правительства должны были быть учреждениями, управляемыми администрацией самого банка, но вместе с тем облегчать кооперативным организациям сбыт товарищеского хлеба.

Недостатком всей этой предполагавшейся широкой организации элеваторов и зернохранилищ был приданный ей с самого начала бюрократический характер. Война застала все эти предложения в начале их осуществления и, конечно, в будущем предполагаемая организация сложится в совершенно иные формы.

5. Кооперация по переработке

Среди разнообразных крестьянских кооперативов совершенно особое место занимают маслодельные артели. Можно сказать, что маслодельная кооперация является у нас самой блестящей страницей всего нашего кооперативного движения. Быть может, до революции это был единственный у нас вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не поддержкой со стороны, а на основе самостоятельности самого населения.

Молочная кооперация имеет у нас свою длинную историю. Начинается она в 60-х гг. в виде артельных сыроварен в Тверской и Ярославской губерниях. Несколько интеллигентов — Верецагин, Бландов, Бирюлев⁷⁵ и др. — заинтересовались вопросом о молочной кооперации, изучили за границей молочное дело и приехали насаждать в России молочную кооперацию, причем остановились на кооперативном производстве сыра. Благодаря общественному сочувствию их начинаниям и поддержке земства, им удалось в скором времени организовать целый ряд сыроваренных артелей совершенно того же типа по своему внутреннему строю, как и маслодельные кооперативы, получившие ныне огромное распространение во всем мире. Это были не производительные артели, а товарищества по переработке молока.

В 1866 г. возникла первая сыроваренная артель в Тверской губернии на средства Вольного экономического общества. В 1871 г. было уже 25 сыроваренных артелей в Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской губерниях и в Терской области, благодаря главным образом, щедрой денежной поддержке земств. Судьба этих первых молочных кооперативов была печальная: почти все они в скором времени распались. Однако нельзя сказать, чтобы пионеры нашей молочной кооперации не сделали никакого полезного практического дела: не достигнув успеха в деле насаждения молочной кооперации, они достигли иного — создания у нас капиталистического производства сыра и масла. Неудавшиеся артельные заводы в конце концов перешли в руки капиталистов, и один из главных пропагандистов молочной кооперации, Бландов, стал одним из крупнейших в России предпринимателей в области молочного хозяйства.

Конечно, этот странный оборот молочной «артельной эпопеи» ни малейшим образом не компрометирует почтенные имена первых насадителей у нас рационального молочного

дела: если наша крестьянская среда оказалась неподготовленной к кооперации, то пионерам нашей молочной кооперации ничего не оставалось, как организовать молочное хозяйство капиталистически. Они сделали большое культурное дело, и не их вина, если это дело оказалось совершенно иным, чем то, к которому они стремились.

Молочная кооперация на время у нас совершенно замерла, и «артельная эпопея» возбуждала только насмешки интеллигенции девяностых годов прошлого века. Но история молочной кооперации в России не только не кончилась, но еще только начиналась.

В конце 90-х гг. у нас вновь начинают возникать молочные кооперативы, но уже иного типа, с иными техническими задачами и в совершенно иной общественной обстановке.

Причины неудачи первых молочных кооперативов были многообразны. Прежде всего с точки зрения технических заданий артели не могли иметь успеха потому, что независимо от артельной формы сами процессы сыроварения были у нас мало изучены и, имея очень сложный характер, требовали приспособления к русским условиям, для чего не имелось еще достаточного опытного материала. Не было специалистов не только по сыроваренному, но и по гораздо более простому маслодельному делу. Все это нужно было создавать заново, и потому молочные продукты должны были выходить низкого качества.

Не меньшую роль играла и полная неподготовленность к кооперации крестьян, среди которых интеллигенты насаждали артели. Были и частные причины неудач артелей (вроде неправильного выбора районов с незначительным развитием крестьянского скотоводства), но наибольшее значение имели две вышеуказанные.

Новые молочные артели возникли в Сибири и поставили себе задачей приготовление не сыра, а масла. Возникновение их в Сибири отнюдь не было случайным. Сибирское крестьянство стоит несравненно выше русского по своей зажиточности и земельному богатству. На основе этого земельного богатства развилось сравнительно цветущее крестьянское скотоводство. В Сибири приходится в среднем на крестьянский двор более 4 коров, о чем, конечно, не приходится и мечтать русскому крестьянину.

К этому богатству скотом сибирского крестьянина присоединилось в половине 90-х гг. прошлого века еще крупнейшее хозяйственное событие в жизни Сибири — постройка Сибирской железной дороги, соединившей Сибирь со всем европейским миром. Железная дорога открыла перед Сибирью необъятный рынок и дала толчок необычайной силы для развития сибирского хозяйства. В Сибири появляются представители крупных иностранных фирм по экспорту масла, и на основе иностранного капитала, как отмечает Н. В. Чайковский⁷⁶, начинается лихорадочно быстрое развитие сибирского маслоделия.

Во второй половине 90-х гг. в Западной Сибири вспыхивает масляная горячка: возникает множество мелких капиталистически масляных заводов, взаимная конкуренция между которыми принимает такие размеры, что в скором времени многие предприниматели разоряются и следует общий кризис капиталистического маслоделия.

Почва для маслоделия кооперации была, таким образом, вполне подготовлена, и вот почему деятельность пионеров сибирской кооперации, Сокульского и Балакшина, привела к такому

блестящему успеху. Устройство первых маслодельных артелей вследствие недоверия крестьянства к этой новой хозяйственной организации было очень трудно. Но как только крестьяне убедились на опыте в преимуществах этой новой организации для сбыта их молока в переработанном виде, новые артели стали возникать с большой быстротой и вытеснять капиталистические маслодельные заводы.

О характере развития сибирского маслоделия можно судить по нижеследующим данным:

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях

Год	Все заводы	В том числе артельные	В процентах артельных
1896	29	5	17%
1900	1022	32	3%
1902	1980	60	3%
1905	1943	357	18%
1910	3109	1337	43%

Ясно, какой огромный скачок сделало сибирское маслоделие со времени открытия Сибирской дороги. При этом в начале развитие это совершалось в форме капиталистического маслоделия. Со времени 1902 г. картина меняется: под влиянием кризиса капиталистического маслоделия общее число маслодельных заводов к 1905 г. сократилось, но число артельных заводов во много раз возросло. Дальнейшее развитие маслодельного производства совершается почти исключительно за счет роста артельного маслоделия.

Сибирская маслодельная кооперация уже никоим образом не может быть отнесена на счет «благоприятствующей опеки». Это действительно огромное дело, созданное самим населением, на основе самопомощи заинтересованных лиц. И неудивительно, что кооперация так удалась именно в Сибири. Прежде всего этот успех объясняется исключительными преимуществами маслодельной кооперации перед капиталистическим маслоделием, о чем было сказано в предшествующей главе. Другие кооперативы не обладают такими преимуществами перед капиталистическими организациями. Поэтому, когда условия сложились крайне благоприятно для развития в Сибири маслодельного производства, оно, естественно, приняло форму кооперации.

Во-вторых, сибирский крестьянин, как экономически более сильный, легче мог создать вполне жизнеспособные устойчивые кооперативы, чем гораздо более слабый крестьянин Европейской России.

Сибирская маслодельная кооперация охватывает, как и крестьянская кооперация в Европейской России, преимущественно средних по зажиточности, а затем более богатых крестьян. Около двух третей артельщиков имеют не свыше 5 коров, что близко к средним цифрам для сибирского крестьянства данных районов. По подсчету г. Макарова, среднее количество коров на одного члена артели равно 4-8, а среднее количество коров во

владении одного крестьянина в том же районе — 4-16. Число коров у артельщиков, таким образом, только немногим выше среднего. Как это мы видели и по отношению крестьянства Европейской России, вне кооперации стоят только очень бедные жители деревни.

Особенностью сибирских маслодельных артелей является их тесная связь с потребительскими лавками. Эта связь между двумя кооперативами совершенно различных типов вытекла из условия нашего крестьянского хозяйства: при слабости развития в нашей деревне торговли предметами крестьянского потребления маслодельные заводчики являлись одновременно и деревенскими лавочниками. Маслодельные артели, вступив в борьбу с заводчиками, должны были организовать и снабжение населения продуктами лавочной торговли, так как в противном случае артели лишились бы своих членов: деревенский лавочник не станет снабжать своими товарами в кредит тех крестьян, которые не поставляют в его завод своего молока. В настоящее время сибирские артели имеют обычно следующий вид. При маслодельной артели находится и артельная лавка, причем юридически оба кооператива существуют независимо друг от друга, но так как члены в них одни и те же, то фактически оба кооператива являются одной организацией. Члены артели обязуются поставлять молоко только в свою артель, и точно так же члены потребительского общества обязуются покупать, кроме исключительных случаев, только в лавке своего общества. Чистый остаток потребительской лавки распределяется между членами по забору, а чистый доход маслодельной артели распределяется пропорционально поставленному молоку.

Товары из потребительской лавки отпускаются в кредит под поставляемое каждым членом маслодельной артели молоко.

Но этим не заканчивается организующая роль маслодельной артели. Присоединив к себе потребительскую организацию, она стремится организовать кооперативную продажу хлеба и стать вообще универсальным крестьянским кооперативом. Некоторым артелям это и удается; вообще значение маслодельных артелей в хозяйстве сибирского крестьянина громадно. Жаль только, что в смысле влияния на технику маслоделия и вообще молочного дела сибирская молочная кооперация заставляет желать очень и очень многого, не выдерживая в этом отношении никакого сравнения с молочной кооперацией Запада. Этот этап кооперативного развития у нас еще, очевидно, впереди.

Маслодельная кооперация сходного типа быстро развивалась и в Европейской России, в тех губерниях, в которых существуют благоприятные условия для крестьянского скотоводства, — в Вологодской, Ярославской, Московской и др., но везде в гораздо более скромных размерах, чем в Сибири. Это вполне понятно, так как только исключительные условия сибирского крестьянского скотоводства дали возможность сибирскому крестьянину, несмотря на все неблагоприятные условия нашей общественности, достигнуть таких крупных результатов в деле молочной кооперации.

6. Кооперативные союзы

Необходимым условием нормального развития кооперации является объединение кооперативов в союзы. Без союзов кооперация не может выйти из стадии первых подготовительных шагов, ибо отдельные кооперативы, не связанные союзными узами с другими кооперативами, являются слишком слабой хозяйственной организацией, чтобы с успехом достигать своих целей. Кооперация есть форма борьбы более слабых в хозяйственном отношении элементов современного общества с более сильными его элементами, и только единение слабых дает им возможность побеждать сильных. Это верно по отношению не только к отдельным членам кооператива, но и целым кооперативам: кооперативное строительство не заканчивается объединением небольшой группы лиц в кооператив, но продолжается и по отношению к отдельным кооперативам, которые точно так же, чтобы достигать своих целей, должны объединиться в более обширные кооперативные союзы.

Такова одна из аксиом кооперативного движения, столь же верная по отношению к России, как и по отношению к другим странам. Повсюду мы видим, что отдельные кооперативы не остаются изолированными друг от друга, но соединяются в обширные союзы.

Наша кооперация по числу участников в кооперативном движении занимает первое место в мире. Тем не менее создание столь необходимых для кооперации союзов наталкивалось у нас до революции на упорное сопротивление власти.

Только с величайшим трудом удавалось нашим кооперативам при прежнем режиме создать ту или иную союзную организацию. И все-таки жизнь столь властно требовала таких организаций, что они возникали и развивались даже при старом режиме.

Важнейших союзных организаций у нас до войны было три: Московский союз потребительских обществ, объединяющий как крестьянские, так и городские потребительские общества (об этом союзе было сказано в главе о пролетарской потребительской кооперации), Московский народный банк и Сибирский союз маслодельных артелей.

Московский народный банк является с формальной стороны акционерным банком, но так как число частных акционеров в нем ничтожно, а огромное большинство акций размещено среди кооперативов (преимущественно кредитных, но также и среди потребительских обществ и маслодельных артелей), то фактически этот банк является союзной организацией национального масштаба. Банк возник еще очень недавно — в 1912 г., — но успел развить чрезвычайно энергичную деятельность. Операции банка далеко не ограничиваются одним кредитованием кооперативов, но направлены также на объединение кооперативной закупки и кооперативного сбыта, причем, однако, во избежание нежелательной конкуренции с другим кооперативным союзом — Московским союзом потребительских обществ, — банк объединяет закупку только средств производства, а не предметов личного потребления.

К 1 января 1918 г. баланс банка превысил 300 млн. руб., причем вкладов было на 140 млн. руб.; за 1917 г. банк выдал кооперативам по всем видам ссуд около 0,5 млрд. руб., из числа которых потребительская кооперация получила свыше 300 млн. руб. Акционерный капитал банка достиг к 1 декабря 1917 г. 10 млн. руб.⁷⁷

Сибирский союз маслодельных артелей возник в 1907 г., причем в начале в нем принимало участие всего 12 артелей, а оборотный капитал (занятый) выражался скромной цифрой в 21 тыс. руб. В 1912 г. к союзу принадлежало уже 382 артели со 170 артельными потребительскими лавками, причем товарные обороты союза достигли почти 7,5 млн. руб. (в том числе масла было продано свыше чем на 6 млн. руб.)⁷⁸. В 1912 г. союзу удалось организовать сбыт своего масла непосредственно на лондонском рынке — в Лондоне была учреждена компания на паях под названием Союз сибирских кооперативных товариществ, к которой перешли все заграничные операции по сбыту масла сибирских артелей. В 1915 г. в союзе участвовало 829 артелей и 628 артельных потребительских обществ, совокупный оборот которых достигал 20 млн. руб. Через союз проходила 1/6 всего сибирского масла. Хотя в последние годы в союзе начались раздоры и из союза ушли сначала приуральские артели, а затем и английские артели, составившие свои особые центральные организации, тем не менее обороты союза быстро росли и достигли в 1917 г. 160 млн. руб. В начале 1918 г. к союзу принадлежало 1410 маслодельных артелей и 1167 артельных лавок. В артелях, принадлежащих союзу, вырабатывалась 73 всего масла, производимого в Сибири.

Стремление к союзному объединению все настоятельнее чувствовалось в мире русской кооперации, и, несмотря на все препоны к устройству союзов, которые чинились администрацией старого режима, такие союзы стали возникать за последние два-три года до революции в огромном количестве путем договорных объединений нотариальным порядком без утверждения устава правительственной властью. Нередко объединялись кооперативы различного рода ради общих целей. Объединялись и кредитные кооперативы, и потребительские общества, и сельскохозяйственные товарищества. Некоторые кооперативы объединялись с целью общей закупки, другие — с целью общего сбыта. В числе последних обращают на себя внимание союзы для постройки за общий счет элеваторов и зернохранилищ.

Те немногие союзы, которые существовали на основании утвержденных уставов, энергично развивали свои операции. До 1911 г. союзы кредитных кооперативов не имели права принимать вкладов, что, естественно, сводило их функции к очень скромным размерам. По уставу 1911 г. эта операция была разрешена союзам, и с этого времени союзы кредитных товариществ начали быстро усиливаться. К 1 января 1917 г. их было уже 71. При переходе на новый устав операции Киевского союза кредитных товариществ возросли в 90 раз, Мелитопольского — в 17 и Бердянского — в 13 раз.

В связи с ростом кооперативных объединений, а также и с одновременным развитием земской деятельности по вспомоществованию и содействию кооперации для русского кооперативного движения открылась новая задача: каково должно быть взаимодействие союзных кооперативных организаций и земства.

Дело в том, что за последние годы до революции чрезвычайно усилилась деятельность земств по содействию кооперации. К 1 января 1917 г. были уже 272 земские кассы мелкого кредита, выполнявшие приблизительно те же функции, которые выполняют и кооперативные союзы. К 17 октября 1917 г. земских касс было 281.

Как показала анкета, проведенная I отделом Петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах, разработанная г. Н. Шереметьевым, кассы эти кредитовали преимущественно кооперативы, причем замечалось постепенное вытеснение кредитования отдельных лиц кредитованием кооперативов. Выполняя эту последнюю функцию, земская касса вступает в конкуренцию с союзом кооперативов. На этой почве возникло некоторое взаимное соперничество между земскими кассами и союзными кооперативными учреждениями.

С принципиальной стороны вопрос о взаимоотношении между кооперацией и земством прост и ясен. Земство поступает совершенно правильно, вступив на путь деятельного содействия кооперации. Но по мере того как кооперация развивается и набирает сил, земство должно уступить место чисто кооперативным организациям в тех областях хозяйственной жизни, которые пригодны для кооперативного строительства. Пока в нашей деревне непочатый край работы как для органов земства вроде земских касс мелкого кредита, так и для союзных организаций кооперативов. Но как только кооперация достаточно созрела, чтобы обходиться без благожелательной опеки и поддержки земства, земство должно очищать место для чисто кооперативной самостоятельности населения. Делая это, земство не только не терпит какого-либо ущерба, но, наоборот, достигает своей собственной цели — развития кооперации.

7

Война оказала, как и следовало ожидать, огромное влияние на русскую кооперацию главным образом в двух направлениях: благодаря созданному войной продовольственному кризису чрезвычайно выросла потребительская кооперация в деревне и особенно в городе; в то же время потребности армии в поставке огромного количества продовольственных продуктов повели к развитию кооперации по сбыту, чему содействовало и разрушение частной капиталистической торговли, вызванное переходом в руки государственных организаций важнейших отраслей торговли. В том же направлении — в направлении развития кооперации по сбыту — действовал и третий фактор, связанный с войной, — затруднения внешней экспортной торговли многими сельскохозяйственными продуктами.

Продовольственные нужды армии поставили правительство в необходимость обратиться к кооперации за поставкой необходимых продовольственных продуктов. Однако агенты власти очень мало сделали для того, чтобы привлечь кооперативные учреждения к таким поставкам, и потому результаты получились не вполне удовлетворительные. Где правительственные уполномоченные пошли навстречу кооперативам, там получила широкое развитие и кооперативная поставка хлеба. Так было, например, в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях, в Области войска Донского, в Херсонской губернии, на Кубани, в Сибири. Сбытом хлеба, как общее правило, занимались кредитные товарищества, объединенные в союзы. В 1916 г. кооперативы объединяли около 17 % всех хлебных поставок на армию.

Кроме хлеба кооперативы поставляли в армию масло, сено и многие другие продукты. Очень оживленно работали кооперативы в области поставок на армию кустарных изделий —

преимущественно сапог.

Так как для развития деятельности кооперативов по сбыту на нужды армии необходимы союзы, то правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики — неразрешения союзов, и новые кооперативные союзы стали возникать в большом количестве. Уже в 1915 г. возникло 64 новых уставных союза и 120 действительных объединений. К концу 1916 г. было уже свыше 320 союзных объединений. К 1 октября 1917 г. по подсчету Совета всероссийских кооперативных съездов было уже 612 союзов, из них 3 центральных, 140 союзов кредитных товариществ, 171 потребительское общество, 31 союз по сбыту, 31 — по закупкам, 210 — смешанных.

Среди кооперативов по сбыту получили мощное развитие кооперативы по сбыту льна. Лен является продуктом крестьянского хозяйства северных районов России. Война чрезвычайно затруднила экспорт льна и этим поставила крестьян-льноводов перед необходимостью самим наладить экспорт льна. Эта трудная задача была блестяще разрешена кооперацией.

В 1915 г. возникла центральная организация по сбыту льна — Центральное товарищество льноводов, которое быстро объединило сотни тысяч льноводных хозяйств в 11 губерниях — Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ярославской и др. Этот новый кооперативный союз с самого начала поставил себе широкие задачи не только сбыта льна на заграничном рынке, но и снабжения льноводов семенами, удобрениями, машинами и другими средствами производства. Успех этого союза был необыкновенно быстрым. К январю 1918 г. в товарищество входило 47 союзов и кроме них 132 отдельных кооператива. Всего в товариществе было объединено до 0,5 млн. крестьянских льноводных хозяйств в 19 губерниях. За 1917 г. товарищество сбыло около 1 млн. пудов льна, что составляет 1/10 всего льна, сбываемого на рынок русским крестьянством. Посевных семян льна товарищество приобрело для своих членов в 1917 г. 247 тыс. пудов. Большая часть продаваемого товариществом льна сбывалась непосредственно в Англию, Францию и Японию.

8

В дореволюционное время кооперация была единственным широким общественным движением, объединившим народные массы. Никаких других форм организации народных масс при самодержавии почти не существовало. Не только не было политических организаций, но и профессиональные союзы почти отсутствовали; таким образом, кооперация приобретала совершенно исключительное значение и выдвигалась на первый план в качестве общественной силы.

Революция в корне изменила это положение дела. Разного рода общественные организации стали развиваться с быстротой прямо изумительной и через несколько месяцев после революционного развития народные массы России оказались сплоченными и связанными в самые разнообразные общественные объединения.

Наряду с этим, хотя и в гораздо слабейшей степени, шло и объединение народных масс в политические партии.

Какова же была роль кооперации среди новых объединений, той самой кооперации, которая до революции имела такое доминирующее значение в организации народных масс? Не подлежит сомнению, что относительное значение кооперативного движения, в ряду других общественных организующих сил после революции чрезвычайно упало.

Кооперация не только не сыграла в революционный период первенствующей роли в общественной жизни народных масс, но на революционной арене была как-то мало заметна.

И это был не только обман зрения столичного жителя, оглушенного шумом и грохотом политических событий революции.

Нет, и на местах роль кооперативов в общественной жизни очень сузилась и потускнела.

Руководители кооперативов, которые раньше были наиболее видными деятелями местной жизни, теперь были оттеснены на задний план новыми людьми, выдвинутыми революцией.

Вообще можно сказать, что русская кооперация не оказалась сколько-нибудь заметным фактором русской революции. И это нисколько не удивительно. Кооперация по самой своей природе сила не разрушающая, а созидаящая. Правда, при известных условиях и кооперация может явиться революционной силой как центр организации народных масс. Но русская революция произошла так внезапно и так быстро, что народным массам не пришлось организоваться для победы и надобности в кооперативных объединениях для целей революции не оказалось.

С другой стороны, хотя революция и выдвинула целый ряд задач творческого характера в области новой организации народного хозяйства и народного труда, но для разрешения этих задач было сделано крайне мало.

Поэтому и с этой стороны кооперация не смогла сыграть сколько-нибудь заметной роли в процессе революционного пересоздания России.

В конце концов приходится констатировать, что в русской революции кооперация оказалась отодвинутой другими общественными силами с исторической авансцены и ими как бы затертой.

В самой кооперации революция вызвала глубокие изменения.

До революции наша кооперация была преимущественно сельской, развивавшейся под опекой государственной власти. Огромный рост кредитных товариществ за последнее десятилетие, поставивший Россию по числу членов кооперативов на первое место в мире, был создан главным образом правительственной опекой.

Революция это положение совершенно изменила. Наша кооперация стала совершенно свободна и получила возможность идти тем путем, который сама себе выберет.

И хотя революционный взрыв отвлек от кооперации общественное внимание, уже теперь явственно намечаются новые пути развития нашей кооперации.

Немедленно после революции, в апреле, состоялся в Москве Всероссийский съезд представителей кооперативных объединений, создавший всероссийский кооперативный центр в Москве — Совет всероссийских кооперативных съездов с задачами сплотить русское кооперативное движение в одно национальное целое⁷⁹.

Однако Московский кооперативный съезд еще шел в старых дореволюционных рамках русского кооперативного движения.

На московском съезде имели огромное преобладание представители сельской кооперации, и при этом кооперации кредитной. Пролетарская кооперация была представлена более чем скромно.

И это было вполне естественно, ибо в дореволюционной России независимая пролетарская кооперация играла ничтожную роль. Самодержавие имело все основания опасаться организации пролетариата, и даже самые далекие от политики учреждения, членами которых являлись фабричные рабочие, оказались опасными.

Революция привела к быстрому росту пролетарской кооперации.

Наша дореволюционная кооперация стремилась сохранить внеклассовый характер и объединить в одной национальной организации все ветви кооперативного движения — как кооперацию крестьянскую, так и пролетарскую и мелкобуржуазную.

Московский кооперативный съезд в апреле еще целиком продолжал эту традицию. Он стоял на внеклассовой позиции и исходил из понятия кооперативного движения как единого целого.

Однако жизнь скоро показала, что свободная кооперация не может не обнаружить свои классовые черты. Всероссийский съезд пролетарской кооперации в Петрограде был чрезвычайно поучителен в этом смысле⁸⁰.

Оказалось, что и наше кооперативное движение утрачивает свое единство и идет тем же путем, как и на Западе, где каждая из трех ветвей кооперативного движения — крестьянская кооперация, пролетарская и мелкобуржуазная — имеет свои особые объединяющие центры и преследует свои особые задачи и цели.

Тем же путем, по-видимому, пойдет и наша кооперация, получив полную свободу своего самоопределения.

Что касается крестьянской кооперации, то ей предстоит в грядущей крестьянской России, без сомнения, блестящее будущее.

Но пока крестьянская кооперация с прекращением правительственной опеки, ликвидацией Управления по делам мелкого кредита и прекращением деятельности инспекторов мелкого

кредита переживает трудные дни. Как показало совещание инспекторов мелкого кредита, состоявшееся в Петрограде в конце июля 1917 г., многие деревенские кооперативы находились в полном расстройстве, а в некоторых случаях даже были закрыты местными революционными организациями.

Конечно, все эти временные затруднения переходного времени скоро будут преодолены, и кооперация займет почетное место в строе новой России.

Глава VIII. Русская земельная реформа и кооперация

1

Россия стоит на пороге величайшей земельной реформы, которую когда-либо видел мир. Общее направление нашей земельной реформы вполне соответствует тем тенденциям аграрного развития, которые явственно обозначались за последние десятилетия повсеместно — везде мы наблюдаем постепенный переход земли из рук крупных собственников в руки непосредственных земледельцев.

Самым значительным шагом в этом направлении была земельная реформа в Ирландии, которая еще не вполне закончилась, но общий характер которой обозначился уже достаточно определенно. В Ирландии, как известно, еще недавно почти вся территория страны была сосредоточена в руках крупных земельных собственников, которые не вели на этой земле своего собственного предпринимательского хозяйства, но сдавали ее мелким арендаторам-крестьянам. В первоначальной своей стадии ирландская земельная реформа выразилась в том, что было произведено урегулирование арендных отношений, причем за арендаторами были закреплены арендные права и была установлена общественной властью арендная плата. Но на этом земельная реформа в Ирландии не остановилась: мелкие арендаторы потребовали окончательного перехода земли в их руки, и этого им удалось достигнуть. В 1903 г. был издан закон о выкупе фермерами земли, причем в 1909 г. закон этот был дополнен новым, который допустил принудительный выкуп.

Благодаря этим мерам крупное землевладение в Ирландии, если пока еще и не ликвидировано полностью, то, во всяком случае, стоит на пути к такой ликвидации. Земля перешла в руки трудящихся земледельцев, и требования трудящихся масс были удовлетворены.

Ирландская земельная реформа представляет собой самый крупный опыт земельной реформы за много веков. Но как ничтожны размеры этой законодательной меры сравнительно с тем, что предстоит в ближайшем будущем России!

Прежде всего уже сама территория Ирландии несравнима с территорией России. Ирландская земельная реформа охватила земельную площадь приблизительно в 6 млн. десятин. Результатом ее должно явиться превращение нескольких сотен тысяч

крестьянских семейств из арендаторов в земельных собственников, причем в руки крестьянина переходит на правах частной собственности в большей своей части та самая земля, которую они и раньше обрабатывали как арендаторы.

Этот результат был достигнут в Ирландии при помощи целого ряда законодательных актов, охвативших почти три десятилетия упорной законодательной работы: первый закон об урегулировании аренды был издан в Ирландии в 1881 г., в то время как решающий законодательный акт о принудительном выкупе был издан в 1909 г. При этом нужно иметь в виду, что до настоящего времени еще далеко не вся помещичья земля в Ирландии перешла в руки крестьян.

Размах нашей земельной реформы совсем иной. Она должна охватить площадь приблизительно в 70-80 млн. десятин, а может быть и более.

При этом имеется в виду не просто передача земли тем, кто ее теперь обрабатывает, а уравнительное распределение земли между безземельным и малоземельным земледельческим населением, даже, в идеале, осуществление равного права всех на землю.

И эта грандиозная земельная реформа, вернее, земельная революция должна быть осуществлена не на протяжении нескольких десятилетий, как в Ирландии, а в ближайшее же время.

Отсюда видно, насколько превосходит по своей трудности та задача, перед которой ныне стоит Россия, все то, с чем до настоящего времени приходилось иметь дело другим странам.

2

Великая земельная революция, в практическое осуществление которой мы уже вступили, должна быть обсуждаема и оцениваема с двух различных точек зрения — с точки зрения социальной справедливости и с точки зрения развития производительных сил.

Эти две точки зрения принципиально совершенно различны. В иных случаях они могут совпадать между собой, но такое совпадение отнюдь не вытекает из самого их существа и потому в других случаях оно может совершенно не иметь места.

Достаточно в этом отношении сослаться на историю возникновения капиталистического способа производства. Капиталистическая система хозяйства основана на эксплуатации труда капиталом и с точки зрения социальной справедливости стоит, конечно, гораздо ниже системы мелкого производства, которая была вытеснена капитализмом. Тем не менее развитие капитализма было, несомненно, процессом прогрессивным по той причине, что капитализм стоял по своей производительности гораздо выше предшествующих форм хозяйства.

Точка зрения социальной справедливости разошлась в данном случае с точкой зрения производительности и победила не более справедливая, а более производительная система

хозяйства.

Теперь мы стоим перед новым историческим моментом разрушения уже не мелкого, а крупного производства. Крупное капиталистическое сельское хозяйство в России уничтожено революцией, на смену ему приходит новая система хозяйства — трудовая.

Однако разрушение капиталистического сельского хозяйства оказалось бы в России исторически неизбежным отнюдь не в силу низкой производительности этой системы хозяйства. Наоборот, наше капиталистическое сельское хозяйство до сих пор по своей производительности значительно превышает трудовое крестьянское хозяйство и, что особенно важно в данном случае, трудовое хозяйство не только не нагоняет в процессе хозяйственного развития, но скорее все больше и дальше отстает от последнего. Вот соответствующие данные для Европейской России за пять последних десятилетий:

Урожаи всех хлебов в пудах с десятины

В среднем за	На крестьянских землях	На помещичьих землях
1861-1870 гг.	29	33
1871-1880 гг.	31	37
1881-1890 гг.	34	42
1891-1900 гг.	39	47
1901-1910 гг.	43	54

Как видно из этих цифр, урожайность крестьянской земли значительно ниже, чем помещичьих. Правда, это может зависеть от того, что в помещичьих руках находятся земли лучшего качества, чем в руках крестьян. Но приведенные цифры показывают в то же время, что превосходство помещичьего хозяйства по урожайности сравнительно с крестьянским не только не уменьшается с течением времени, а возрастает. За сорок лет крестьянские урожаи возросли на 48 %, а помещичьи на 64 %; разница тех и других урожаев значительно возросла⁸¹.

Отсюда ясно, что отнюдь не слабая производительность помещичьего хозяйства может оправдать то разрушение его, которое произвела русская революция. Наоборот, капиталистическое сельское хозяйство в России как раз последнее время обнаружило значительный технический прогресс⁸². Первое время после освобождения крестьян наше помещичье хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный неприспособленностью многих помещиков к новым условиям, созданным реформой 19 февраля⁸³. В результате этого кризиса последовали разорение множества помещиков и значительная мобилизация крупного землевладения, причем земля переходила как из среды крупновладельческого класса в руки мелких трудовых хозяйств, так и от одних крупных владельцев к другим.

Новые-хозяева из среды крупных владельцев уже были гораздо более приспособлены к условиям капиталистического хозяйства, что и выразилось в значительном подъеме нашего капиталистического сельского хозяйства как раз накануне революции. Произошел подбор

более сильных крупных хозяйств, введших у себя усовершенствования современной агрономической техники, перешедших от трехполья к интенсивным системам севооборота, травосеянию, культуре корнеплодов, сахарной свеклы и т.д.

Культурные помещичьи имения, которые лет двадцать-тридцать тому назад были величайшей редкостью, теперь встречаются уже в значительном количестве почти во всех районах России⁸⁴. И тем не менее все это не спасло помещичье хозяйство, беспощадно уничтоженного революцией.

Что же погубило помещичье хозяйство? То, что помещичье хозяйство встретило осуждение народного правосознания с точки зрения социальной справедливости; и нельзя не признать, что в народном гневном протесте против помещичьего землевладения говорил голос правильного нравственного сознания. Ясно, как божий день, что нетрудовое владение землей не имеет за собой никакого оправдания с точки зрения социальной справедливости. Наша крестьянская масса в противоположность крестьянству большинства стран Запада не настолько проникнута еще инстинктами собственника, чтобы утратить в земельном вопросе непосредственное, здоровое нравственное чувство. И этот-то голос нравственного чувства крестьянской массы и явился приговором помещичьей земельной собственности.

В противоположность исторически выросшему из социального насилия институту частной земельной собственности народное сознание выдвинуло новое право — право на землю. Не следует преувеличивать степень сознательности нашего крестьянства и не нужно думать, что крестьянство в своей массе чуждо собственнических интересов. Наоборот, несомненно, что крестьянин, даже протестуя против земельной собственности, стоит на почве своих интересов как собственника. Но столь же несомненно, что вражда крестьянина к помещичьей собственности основана не только на его классовых интересах как землевладельческого класса, нуждающегося в расширении своего землевладения, но и на нравственном чувстве, возмущающемся против сосредоточения огромных земельных территорий в руках неработающих лиц. Именно благодаря такому соединению классового интереса и нравственного чувства крестьянский протест против помещичьего землевладения приобретает сокрушающую силу.

Однако как ни важна точка зрения социальной справедливости, нельзя все же забывать и принципиально совершенно иной точки зрения производительности. В данном же случае точка зрения производительности самым тесным образом соприкасается с точкой зрения справедливости.

А именно: следует признать, что идея права каждого гражданина на землю отнюдь не представляет собой высшей социальной идеи. Идее права на землю следует противопоставить как бесспорно высшую социальную идею — идею права на землю (равно как и на все средства производства) отнюдь не каждого отдельного гражданина, а всего общества в совокупности.

На землю имеет право не только землероб, но и фабричный рабочий, матрос, врач, учитель, писатель и т.д., и т.д., — все полезные члены общества без исключения.

Как же осуществить это право? Всем пахать землю? Фабричному рабочему бросить свою фабрику, матросу бросить корабль, врачу бросить больницу и т.д., и всем сесть на землю?

Совершенно ясно, что такое решение права всего общества на землю было бы величайшей нелепостью. Чтобы пахать землю, нужно иметь плуг, а этот плуг выделяется на фабрике. Поэтому нельзя пахать земли, если фабрики останутся за недостатком рабочих. Сама возможность пользования землей предполагает работу тех лиц, кто никакого непосредственного участия в сельском хозяйстве не принимает.

Нельзя всем стать землеробами, и, значит, равного права всех на землю нельзя осуществить превращением всех в землеробов. Как же может быть осуществлено это бесспорное право всех на землю?

Очевидно, только одним путем. Землю пахать должна только часть общества, а остальные члены общества, будучи заняты другим делом, имеют право требовать, чтобы те, кто пашет землю, пахали ее наилучшим образом, чтобы для всех хватало земледельческого продукта.

Если часть общества, обрабатывающая землю, обрабатывает ее неудовлетворительно, благодаря чему остальные члены общества, участвующие не в сельскохозяйственной работе, терпят недостаток в сельскохозяйственных продуктах, то этим нарушается бесспорное право этих последних на землю. Ибо земля принадлежит, согласно естественному праву, не только землеробам, но всему обществу, в том числе и тем, кто никакого участия в земледельческих работах не принимает, но работает в других областях. И эти последние работники имеют право объявить свое право нарушенным, если земля плохо обрабатывается теми, кто непосредственно пользуется землей.

Только такой смысл имеет новая правовая идея, противопоставляемая в настоящее время революционным сознанием русского крестьянства идее частной земельной собственности. Лишь под тем условием земля может быть в пользовании части общества, чтобы эта часть общества наилучшим образом исполняла свой общественный долг снабжения общества сельскохозяйственными продуктами.

Всякому праву противостоит общественная обязанность. Общественной обязанностью землероба является снабжение общества достаточным количеством сельскохозяйственных продуктов.

Значит, достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства необходим с точки зрения социальной справедливости. Ибо было бы несогласно со справедливостью, если бы переход земли в руки работающих земледельцев повлек за собой лишение сельскохозяйственных продуктов для всех тех, кто работает не на земле, а в других областях общественного труда.

Если бы это случилось, и если бы переход земли в руки трудящихся земледельцев имел своим последствием сокращение производительности сельского хозяйства, в таком случае русской революции угрожала бы самая грозная опасность — распада русское, пока единого, трудового фронта на два враждебных фронта — городского пролетариата и крестьянства. Ибо, конечно, пролетариат самым насущным образом заинтересован в том,

чтобы деревня поставляла в город требуемое количество сельскохозяйственных продуктов. Не забудем, что продовольственный вопрос в России стоит очень грозно — и отнюдь не только в связи с войной.

Можно быть уверенным, что и после войны дело доставления нашим городам достаточного количества продуктов продовольствия наладится не скоро. Обычное представление, что Россия изобилует хлебом и иными сельскохозяйственными продуктами, представляет собой чистейшее заблуждение. Правда, мы являлись до войны одним из главных поставщиков хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. Но в русской экономической литературе стало общим местом, что мы вывозили не от избытка, а от недостатка. Избытки для вывоза сельскохозяйственных продуктов образовались у нас лишь вследствие того, что мужик недоедал.

Земельная реформа и предпринимается для того, чтобы изменить это положение дела, чтобы избавить от хронического голода нашу деревню. Но при этом условии и при предположении, что техника нашего сельского хозяйства не повысится, у нас не только не будет хлебного избытка для вывоза, но и продовольствие наших собственных городов станет очень затруднительным.

Чтобы охарактеризовать действительное положение нашего продовольственного дела, достаточно сказать, что Россия производит не больше, а меньше хлеба на душу населения, чем Германия. А ведь Германия была страной, ввозящей хлеб, неспособной прокормить своим хлебом свое население.

При той ничтожной урожайности, которой до настоящего времени характеризовалось наше крестьянское хозяйство, и при прекращении деревенского недоедания, накормить город русской деревне будет очень трудно. До сих пор город кормился не крестьянским, а преимущественно помещичьим хлебом, несмотря на то что помещичьи запашки составляли только одну десятую всей запашиваемой площади в России. Теперь эти помещичьи запашки прекратились. Откуда же городское население будет получать свое продовольствие? Таков грозный вопрос, поставленный перед Россией земельной реформой.

Отсюда следует, что необходимым условием осуществления предстоящей нам реформы является принятие мер к поднятию производительности нашего крестьянского хозяйства. Лишь в этом случае земельная революция не повлечет общего расстройства нашего народного хозяйства и не приведет наше городское население к голоду⁸⁵.

3

Между тем не подлежит сомнению, что раздел крупных имений между многочисленными мелкими производителями сам по себе, независимо ни от каких других условий, имеет тенденцию понижать производительность.

Достаточно в этом отношении сослаться на следующее обстоятельство. Раздел крупного имения на мелкие участки имеет тенденцию создавать недостаток сельскохозяйственного

инвентаря. Предположим, например, что имение с площадью запашки в 3000 десятин должно быть разделено между 200 крестьянскими хозяйствами. По полтавским данным, запахиваемая площадь в 1000 десятин требует для своей обработки 54 плуга. Если та же площадь достанется 200 владельцам, то для ее обработки каждому потребуется особый плуг; для всей площади потребуется, таким образом, 200 плугов. Иными словами, если между крестьянами будет разделен весь инвентарь прежнего крупного имения, то крестьяне окажутся не в силах обработать эту земельную площадь по недостатку инвентаря.

Таким образом, раздел крупных имений между трудящимися земледельцами угрожает совершенно обессилить наше сельское хозяйство и оставить город без продовольствия.

Однако все эти угрожающие последствия земельной реформы отнюдь не неизбежны. Они неминуемо должны были бы наступить, если бы земельная реформа выразилась только в разделе земли крупных владельцев между мелкими. Но в том-то и дело, что земельная реформа ни в коем случае не может и не должна ограничиться только этим. Раздел земли между трудящимися земледельцами для того, чтобы не привести Россию к экономической катастрофе, неизбежно требует существенного дополнения в виде систематически проведенных мероприятий, имеющих в виду дать возможность новым земельным владельцам вести на прежней помещичьей земле не менее производительное хозяйство, чем вели помещики.

На первом плане среди этих мероприятий должны стоять меры по развитию крестьянской кооперации.

Уже до революции кооперация сделала в нашей деревне огромные успехи. Однако дореволюционная кооперация, которая в нашей деревне выражалась преимущественно в кредитных товариществах, опекаемых чиновниками Управления по делам мелкого кредита, не может быть базисом, на котором утвердится трудовое хозяйство русской деревни в будущем.

Земельная реформа выдвигает перед нашей кооперацией новые задачи, и эти задачи могут быть разрешены лишь при помощи новых форм кооперативного движения, с которыми русская деревня пока знакома очень мало.

Раздробление крупного помещичьего хозяйства и передача его в руки многих мелких хозяев обещает прежде всего уничтожить крупное сельскохозяйственное производство и превратить его в мелкое. Правда, в сельском хозяйстве выгоды крупного хозяйства гораздо менее значительны, чем в промышленности. Тем не менее эти выгоды в большинстве отраслей сельского хозяйства, и в частности в области культуры злаков, несомненно остаются. И потому уже уничтожение крупного сельскохозяйственного производства создает опасность понижения производительности сельского хозяйства.

Ввиду этого было бы с точки зрения развития производительных сил чрезвычайно существенно, если бы можно было и после раздела земли между мелкими владельцами, после уничтожения капиталистического сельского хозяйства сохранить крупное

сельскохозяйственное производство. Нечто подобное теоретически вполне мыслимо: место крупного капиталистического сельскохозяйственного производства могло бы занять крупное кооперативное сельскохозяйственное производство. Это было бы самым желательным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего ныне России.

И потому нисколько не удивительно, что наши социалистические партии, аграрные программы которых по существу почти тождественны и различаются между собой только в деталях, признают особенно желательным, чтобы на месте прежних крупных помещичьих экономий возникли не мелкие крестьянские хозяйства, но крупные сельскохозяйственные артели.

Действительно, такое разрешение нашей земельной революции было бы во всех отношениях наиболее желательным и с точки зрения развития производительных сил, и с точки зрения интересов города, и с точки зрения социалистического идеала. Ибо, несомненно, раздробление крупного хозяйства, хотя бы это крупное хозяйство было капиталистическим, а мелкие хозяйства трудовыми, не может признаваться движением в сторону социализма. Социализм предполагает обобществление труда, а в данном случае мы имеем движение в обратном направлении — от капиталистически обобществленного труда, к раздробленному индивидуальному труду мелких производителей.

В программу первого Интернационала, находившегося под руководящим- влиянием Маркса, входило образование крупных земледельческих артелей. Нельзя представить другой формы превращения мелкого крестьянского производства в социалистическое, кроме сельскохозяйственных артелей. Совершенно очевидно, что крестьянин не согласится бросить свое самостоятельное хозяйство и вместо труда на своем поле перейти к труду на какой-то государственной ферме.

Другое дело — земледельческая артель. Здесь крестьянин не порывает со своим хозяйством и только его расширяет, включая в него и своих односельчан. Товарищеская работа в артели не мешает крестьянину сознавать и чувствовать себя самостоятельным хозяином, между тем как работа на государственной ферме по своей обстановке приближается к работе в помещичьей экономике, которая до такой степени ненавистна крестьянину.

Поэтому земледельческая артель является, говоря теоретически, наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству.

И потому наши социалистические партии, сознавая опасность с социалистической точки зрения насаждения на место прежнего крупного сельского хозяйства мелкого крестьянского, признают наиболее желательной замену помещичьего производства крупным трудовым артельным производством.

Однако хозяйственное развитие не всегда идет в том направлении, которое признается желательным хотя бы и очень могущественными партиями.

Нельзя не согласиться, что именно земледельческие артели должны считаться той формой кооперации, развитие которой в настоящее время в России наиболее желательно, ибо только земледельческие артели явятся радикальным разрешением нашего

сельскохозяйственного кризиса, между тем как все другие формы кооперации могут лишь содействовать такому разрешению, не будучи таковым в окончательной форме. Тем не менее я не возлагаю больших надежд на земледельческие артели и думаю, что на практике с артелями считаться почти не придется.

Трудовая кооперация является, несомненно, чрезвычайно важным видом кооперации, но этот вид кооперации получит пышное развитие лишь после крушения капиталистического хозяйства, в социалистическом обществе будущего. Пока же речь идет об обществе настоящего, трудовая кооперация будет привлекать не народные массы, а немногих избранных, людей, стоящих выше толпы, ищущих нового мира. Таких искателей всегда немного, и трудовая кооперация является и останется кооперацией для людей исключительных и возвышающихся над средним уровнем человечества.

Я несколько не сомневаюсь, что в ближайшем будущем возникнет немало земледельческих артелей. По всей вероятности — хотя в этом уверенным быть нельзя, — в ближайшем будущем мы много услышим о земледельческих артелях, и вокруг них возгорятся самые ожесточенные споры и возникнет обширная литература.

Артели найдут среди интеллигентов восторженных поклонников, которые будут с фактами и цифрами в руках опровергать скептиков в данном вопросе, подобных мне.

Все это весьма вероятно, и мы должны быть готовы пережить новую «артельную эпопею» в дополнение к стольким предшествовавшим. Но, нужно думать, предстоящая «артельная эпопея» далеко оставит за собой по своим размерам все ранее бывшие.

Я охотно допускаю, — и был бы этому как кооператор искренне рад, — что у нас возникнут сотни земледельческих артелей с тысячами членов. Но ведь сотни артелей и тысячи членов — это капля в море сравнительно с размерами нашей земельной революции.

На месте разрушенных крупных экономий возникнут не тысячи, а миллионы крестьянских хозяйств, в распоряжение которых перейдут помещичьи земли. И мне кажется совершенно невероятным, чтобы в близком будущем члены земледельческих артелей считались у нас миллионами.

Вероятнее всего, что число членов земледельческих артелей будет считаться немногими тысячами. В лучшем и весьма мало вероятном случае таких членов будут сотни тысяч. На миллионы же рассчитывать уж никак не приходится.

И потому даже в наиболее благоприятном случае земледельческие артели охватят лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств.

Впрочем, и чрезмерный пессимизм по отношению к земледельческим артелям не может считаться обоснованным. Дело в том, что, несомненно, для успеха таких артелей условия складываются в настоящее время гораздо благоприятнее, чем когда-либо раньше. Во-первых, никогда раньше не происходило такой огромной ликвидации крупного капиталистического сельского хозяйства, как ныне. Можно себе представить, что во многих случаях, когда возникнет вопрос, как быть с помещичьей экономией, снабженной всем

необходимым инвентарем, прежние земледельческие рабочие той же экономии заинтересуются мыслью продолжать общее хозяйство на той же земле, образовать земледельческую артель.

И это будет тем возможно, что идеи социализма носятся теперь в воздухе и вождями крестьянства являются участники социалистических партий. До сих пор наше кооперативное движение в деревне развилось почти без влияния социалистических партий. Не социалисты, а чиновники разных ведомств являлись главными насадителями деревенских кооперативов.

Теперь не то. Теперь вся интеллигенция, влияющая на настроения деревни, в большей или меньшей степени проникнута социалистическими симпатиями — не потому, чтобы среди интеллигенции не было элементов, враждебных социализму, но потому, что несоциалистические элементы интеллигенции не могут влиять на крестьянскую массу, признающую только социалистические партии.

Социалистически настроенные кооперативные деятели будут толкать крестьянство в сторону устройства земледельческих артелей, и, вероятно, такие артели будут возникать.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в единственной стране, в которой существуют в довольно значительном количестве земледельческие артели — в Италии, такие артели возникли под непосредственным влиянием социалистических партий.

То же будет, вероятно, и у нас. Социалистические партии окажут и у нас свое влияние на развитие земледельческих артелей. Но как бы ни был велик успех таких артелей, они все же должны явиться в будущей русской деревне не правилом, а исключением.

4

На производительные артели как на средство поднятия производительности русского сельского хозяйства больших надежд возлагать, таким образом, не приходится. Иное нужно сказать о других формах кооперации.

Многие виды кооперации должны получить чрезвычайное развитие в трудовом крестьянском хозяйстве будущего. Я указывал, что разделение между многими мелкими хозяевами инвентаря крупного имения неизбежно должно повести к недостаточности этого инвентаря для обработки того же имения. Однако это затруднение может быть легко преодолено при помощи образования производительно-подсобных артелей.

Производительно-подсобные артели играли до настоящего времени в русской деревне совершенно ничтожную роль. Однако на Западе кооперативы этого рода имели и имеют очень большое распространение.

Возьмем, например, машинные товарищества, которые насчитывают в южной Германии многие десятки тысяч членов. Эти товарищества обычно образуются для кооперативного

использования таких сельскохозяйственных машин, которые по своей цене недоступны для заурядного крестьянского хозяйства, как, например, молотилки и т.п. Потребность в товариществах этого рода после перехода помещичьей экономии в руки трудящегося народа будет громадна.

Было бы очень нецелесообразно передавать инвентарь помещичьей экономии отдельным крестьянским хозяйствам, гораздо целесообразнее было бы передавать этот инвентарь специально для того образуемым товариществам, производительно-подсобным артелям.

Такая артель могла бы снабжать деревню необходимым инвентарем, и инвентаря хватило бы для поддержания сельскохозяйственного производства на прежнем уровне.

Но нужно с этим спешить. Жизнь не ждет. Помещичья земельная собственность уже не существует. Место помещиков в качестве владельцев заняли земельные комитеты. Что касается помещичьего инвентаря, то судьба его остается неопределенной. Во многих случаях помещичий инвентарь расхищается соседними крестьянами, а то и просто уничтожается и погибает.

Земельные комитеты отнюдь не пригодны для того, чтобы организовать дело снабжения крестьянства инвентарем. Только добровольно возникающие специальные товарищества, находящиеся под контролем самих заинтересованных лиц, могут удачно справиться с этой далеко не легкой задачей.

Здесь открывается чрезвычайно важная задача для волостных и уездных земств. В большинстве земств в настоящее время имеются специальные инструкторы по кооперации. Им следует, ни мало не медля, приступить к организации таких товариществ, к которым и должны переходить от земельных комитетов сельскохозяйственные орудия и машины, принадлежавшие раньше помещикам.

С живым инвентарем дело обстоит значительно труднее, так как содержание скота и лошадей требует тщательного ухода, и сомнительно, чтобы такой уход мог быть достигнут, если скот и лошади будут принадлежать производительно-подсобной артели. Живой инвентарь помещичьей экономии, если он не отличается никакими особыми достоинствами, было бы целесообразно отчуждать отдельным крестьянам; в случае же племенного хозяйства следует сохранить стадо в нераздробленном виде во владении местного муниципалитета. Во всяком случае, кооперативное владение лошадьми и скотом организовать было бы нелегко.

5

Одним из самых трудных вопросов земельной реформы является судьба наших свеклосахарных заводов. Заводы эти в большинстве случаев ведут свое собственное плантаторское хозяйство — они владеют огромными площадями земли, на которой культивируют сахарную свеклу. Если отобрать эти плантации у заводов и передать их для других культур крестьянству, то возникнет опасность гибели свеклосахарной

промышленности, дающей огромные заработки местному населению и производящей такой необходимый предмет общенародного потребления, как сахар. Как же быть с сахарными заводами?

И в этой области вполне возможно применение кооперации. В Чехии незадолго до войны стали возникать многочисленные кооперативные сахарные заводы, принадлежащие крестьянам-поставщикам свеклы.

Такой кооперативный сахарный завод представляет собой товарищество по переработке (общеизвестным примером таких товариществ по переработке являются маслодельные артели). Известны поразительные успехи маслодельных товариществ во многих странах. Совершенно по тому же типу могут быть организованы и кооперативные свеклосахарные заводы.

Правда, не нужно преуменьшать трудностей этого дела и думать, что устроить кооперативный свеклосахарный завод так же легко, как устроить кооперативную маслодельню. Большая трудность в этом случае состоит в том, что по техническим условиям маслоделия только кооперативное маслоделие является технически рациональной формой производства масла: а именно, как было указано в главе IV, только при кооперативном маслоделии производитель масла имеет полный контроль над производством молока в хозяйстве мелкого производителя, а этот контроль в маслодельном производстве совершенно необходим благодаря тесной зависимости качества масла от свойства молока и условий хранения последнего. В свеклосахарной промышленности всех этих условий не имеется и вполне возможна капиталистическая организация производства сахара, которую мы и видим в настоящее время.

Таким образом, технические условия сахарного производства не требуют неизбежно кооперативной организации. С другой же стороны, создание кооперативных свеклосахарных заводов затрудняется огромной стоимостью их: в то время как маслодельный завод является предприятием сравнительно некрупным, сахарный завод для своего устройства требовал до войны многих сотен тысяч рублей, а теперь требует миллионов.

Все это так, но тем не менее ничего невозможного в устройстве кооперативных сахарных заводов нет. И если в Чехии число таких заводов возрастает, почему бы им не возникать и в России?

Главная трудность в данном случае заключается в огромной стоимости заводов. Но ведь при помощи государства кооперация всегда может получить нужные ей денежные средства. И потому переход свеклосахарных заводов в руки объединенных в особые кооперативы поставщиков свеклы должен считаться самым естественным путем дальнейшего развития нашей свеклосахарной промышленности.

Правда, свеклосахарные заводы могут быть устраиваемы и иначе — например, кредитными кооперативами. Но, строго говоря, это не будет кооперацией ибо кооператив выступает в данном случае как всякий иной предприниматель на рынке и кооперативного начала здесь нет. В этом заключается и естественная слабость таких предприятий, почему гораздо более

могут рассчитывать на успех предприятия действительно кооперативные, т.е. такие, хозяева которых участвуют в кооперативном предприятии не только своим капиталом, но и пользуются данной организацией в своей хозяйственной деятельности. Напомнить об этом не мешает, так как у нас нередко возникают предприятия такого рода и среди кооператоров, а благодаря общей неясности кооперативной теории, нет вполне определенного отношения к ним.

Так, легко можно себе представить, что крупный кредитный кооператив, хотя бы Московский народный банк или Украинский кооперативный банк, устроит свой собственный свеклосахарный завод. Это предприятие может иметь успех, но, во всяком случае, он ничего общего с кооперацией иметь не будет. Свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, принципиально ничем не отличается от свеклосахарного завода, принадлежащего капиталистическому банку.

Напротив, свеклосахарный завод, принадлежащий товариществу производителей свеклы, которые перерабатывают на данном заводе свою свеклу, будет несомненным кооперативом. Почему же? Потому, что свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, является в руках банка лишь одним из способов помещения капитала ради получения прибыли, между тем как завод в руках товарищества производителей свеклы является средством сбыта в переработанном виде трудового продукта этих производителей — свеклы.

А так как ведение банком промышленного предприятия является операцией, несомненно, рискованной и маложелательной, то столь же нельзя советовать и кооперативным банкам заниматься такими операциями. Напротив, производителям свеклы вполне целесообразно кооперативно объединяться для устройства своего свеклосахарного завода.

Правда, кооперативный сахарный завод может быть устроен и союзом потребительских обществ. Но и этому типу следует предпочесть товарищества по переработке. Опыт Запада показал это во всех областях, соприкасающихся с сельским хозяйством — крестьянская кооперация сильнее собственного производства потребительских обществ.

6

Кооперативное производство в разных его видах является вообще той областью кооперации, для которой требуется наибольшая подготовка участников. Гораздо легче удаются кооперативы в области обмена.

В этой области можно ожидать в связи с земельной реформой колоссального развития в близком будущем. Дореволюционная Россия уже была густо покрыта сетью кредитных товариществ. Но хотя членов кредитных товариществ у нас было больше, чем в любой другой стране, тем не менее наша кредитная кооперация оставляла желать очень и очень многого.

Главным недостатком нашей кредитной кооперации была крайне малая ее самостоятельность и непосредственно связанное с этим ее отклонение от райффайзеновского типа. Большинство наших кредитных товариществ только по имени было кооперацией.

Теперь нам необходимо перестроить наши кредитные товарищества по типу действительно самостоятельной кооперации и придать им черты райффайзеновских товариществ. Нужно стремиться к тому, чтобы каждое село имело свое собственное кредитное товарищество и чтобы члены товарищества фактически держали его в своих руках. Потребность в кредите в связи с земельной реформой и созданием целого ряда новых крестьянских хозяйств, а также с расширением старых хозяйств будет громадна. Государство должно, конечно, прийти на помощь этой потребности, и денежный капитал должен политься широкой струей в нашу деревню. Но крайне важно, чтобы капитал этот находил на местах наиболее целесообразное применение и использование.

Для этого, в свою очередь, требуется, чтобы дело распределения капитала между нуждающимися в нем производителями было всецело в их собственных руках. Лишь при условии самого тщательного контроля крестьянским обществом можно рассчитывать на успех во всем деле применения капитала к поднятию крестьянского хозяйства.

Тут перед крестьянским населением открывается огромная творческая работа, которую оно должно взять на себя, не рассчитывая, как раньше, на правительственную опеку.

Теперь нет начальства, и трудящиеся массы сами должны строить свою жизнь. Конечно, инструктора по кооперации должны оказывать необходимую помощь; число таких инструкторов должно быть увеличено в огромных размерах. Трудно указать другую деятельность, потребность в которой в новой, преобразованной деревне так настоятельна.

Но инструктор по кооперации никоим образом не должен играть роли прежнего инспектора мелкого кредита. Инструктор по кооперации должен быть сам прежде всего кооператором и, значит, твердо помнить, что кооперация есть самостоятельность населения, а отнюдь не опека и руководство сверху. Его роль должна быть ролью инициатора и помощника — и только. Главной задачей его должно быть создание такого положения, при котором он сам становится ненужным вследствие развития самостоятельности населения.

Но пока это будет достигнуто, без помощи со стороны кооперация обойтись не может. И потому теперь самой настоятельной общественной потребностью является создание многочисленных кадров инструкторов и вообще работников кооперации.

Мощная и самостоятельная кредитная кооперация, опирающаяся на широкую поддержку государства (но без всякого элемента бюрократизма и опеки, чего новая русская деревня, впрочем, и не потерпит), должна стать маховым колесом, которое будет приводить в движение всю русскую кооперацию. Ибо всякое кооперативное предприятие требует прежде всего известного капитала, которым русская деревня снабжена крайне скудно. Поэтому кредитная кооперация является естественной основой всякой другой.

Но кредитная кооперация не должна стремиться захватывать в свои руки всю остальную. Задачи кредитной кооперации строго определены: снабжение денежным капиталом как индивидуального крестьянина, так и кооперативов. Было бы нежелательно, чтобы кредитный кооператив становился универсальным кооперативом, совмещающим в себе все крестьянские кооперативы разного рода. Между тем тенденция к такому развитию кредитной кооперации, несомненно, имеется благодаря тому, что кредитная кооперация располагает денежным капиталом и может давать ему любое направление и приложение.

Более правильным и соответствующим целям кооперации следует признавать устройство особых кооперативов для каждой особой задачи. В этом отношении следует возразить против райффайзеновского типа кооперации, стремящегося к образованию универсальных кооперативов на основе кредитной кооперации.

Итак, прежде всего нужно позаботиться о самом усиленном развитии кредитных товариществ, и притом преимущественно в чистом виде, т.е. ставящих для себя преимущественно чисто кредитные задачи. Рядом с кредитными кооперативами должны получить самое широкое распространение также кооперативы по закупке и сбыту.

Кооперативы по закупке было бы нецелесообразно организовывать в двух различных формах — кооперативы по закупке предметов потребления и кооперативы по закупке средств производства. Напротив, ввиду того что задачи кооперативов того и другого рода в деревне очень близки между собой (крестьянское хозяйство образует собой производительно-потребительную единицу, в которой производство и потребление тесно связаны друг с другом и образуют одно неразрывное целое), желательны универсальные закупочные кооперативы, в которых должны сосредоточиваться все закупки крестьянина как предметов потребления, так и средств производства.

Так как операция закупки представляется, вообще говоря, очень несложной, то при деятельной поддержке закупочных кооперативов со стороны кредитной кооперации нужно думать, что закупочная кооперация получит очень скоро огромное развитие в русской деревне. В идеале нужно стремиться к тому, чтобы крестьянин ничего не покупал индивидуально, а только через посредство своих закупочных кооперативов.

Гораздо более трудной является кооперация сбыта. Тем не менее и в этой области заметны за последнее время большие успехи. Во время войны наша кооперация по сбыту стала весьма важным органом сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Весь характер внешней торговли России должен испытать глубочайшее изменение. Вряд ли Россия останется страной, вывозящей хлеб. Предметом нашего будущего вывоза станет, по-видимому, главным образом лес, которым мы снабжены лучше какой-либо другой страны и который обещает нам огромные богатства. Соответственно этому потребность в крупных экспортных элеваторах американского типа у нас отпадает за вероятным прекращением самого хлебного вывоза. Но, конечно, внутренний хлебный рынок требует своей организации. Мелкие зернохранилища действительно необходимы, и следует стремиться, чтобы в каждой волости было свое зернохранилище.

Можно себе представить, что такие зернохранилища будут устраиваться волостными земствами. Однако мне кажется более целесообразным, чтобы все, доступное по своим техническим задачам кооперации, исполнялось именно кооперацией, а не принудительными общественными союзами, каковыми являются муниципалитеты, как бы ни был ограничен район их действия. Дело в том, что кооперативная организация представляет собой вообще высший тип общественного устройства и стоит выше всякого принудительного общественного союза именно потому, что принудительный общественный союз основан на принуждении, между тем как кооперация является единственным известным нам типом хозяйственной организации совершенно свободной. И потому все, что может быть достигнуто путем кооперативной организации, должно и достигаться ею, и лишь в случае невозможности достигнуть тех же целей при помощи кооперации следует прибегать к союзам принудительного рода. Кооперативы по сбыту хлеба вполне целесообразно комбинировать с кооперативами по сбыту и других продуктов сельского хозяйства. Опыт германских кооперативных зернохранилищ убедительно говорит о необходимости такого соединения, ибо в противном случае помещение и рабочий персонал кооператива не могли бы быть полностью использованы в течение всего года.

Таким образом, кооператив по сбыту приближается к типу универсального кооператива по сбыту. Но, конечно, в такой универсальности нет безусловной необходимости, и если технические и экономические условия делают желательными специализированные кооперативы по сбыту, то против этого нечего возразить.

Эти кооперативы по сбыту требуют для своего успеха затраты значительных денежных капиталов. Поэтому первое время, пока дело кооперативного кредита не будет вполне налажено, было бы целесообразно соединять эти кооперативы с кредитными кооперативами.

Но когда кооперация получит под собой прочную основу, связь кооперации по сбыту с кредитными кооперативами могла бы без всякого ущерба для дела прерваться: как я говорил выше, наиболее естественным я считаю образование кредитных кооперативов чистого типа, которые финансировали бы кооперативы других типов.

Таким образом, вся область покупки и сбыта продуктов крестьянского труда должна сосредоточиваться с течением времени в кооперативах. Крестьянин, выступая на рынке, будет выступать не индивидуально, а как член мощных кооперативных союзов.

В связи с кооперацией земельная реформа может привести к мощному развитию нашего крестьянского хозяйства и явится, таким образом, стимулом развития производительных сил вместо тормоза такового в противном случае.